

# ПИСЬМА О ЗЕМЛЕДѢЛІИ

(Съ „вводными предложеніями“ по  
адресу неомарксизма).

М. А. Энгельгардта.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Товарищества „Общественная Польза“.

Больш. Подъяческая, 39.

1899.

114, (2) стр. (19x11), (5.ч.).

Замедение — Россия



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 марта 1899 г.



## ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

	Стр.
I. Марксистскія галлюцинаціі и русская дѣйствительность.	1
II. Русское земледѣліе съ птичьаго полета.....	11
III. Русское земледѣліе вблизи.....	19
IV. Роль „приспособленія“ въ русскомъ хозяйствѣ.....	28
V. Интенсированіе хозяйства.. .. .	37
VI. Производство продуктовъ, которые некуда сбыть, какъ способъ борьбы съ кризисомъ.....	42
VII. „Общественная самодѣятельность“.....	52
VIII. Война съ лѣсомъ.....	59
IX. Древопоклонники.....	71
X. Всероссійская перепись и мужицкая агрономія.....	78
XI. Творческая роль мужика въ исторіи русскаго земледѣлія.	85
XII. Вводное предложеніе.....	91
XIII. Подъемъ земледѣлія съ помощью микробовъ....	99
XIV. Будущность нашего земледѣлія... ..	106

---

# ПИСЬМА О ЗЕМЛЕДѢЛІИ.

(Со вводными предложеніями по адресу неомарксизма.)

## I.

### Марксистскія галлюцинаціи и русская дѣйствительность.

Несмотря на всѣ старанія превратить Россію въ страну промышленную, она упорно остается земледѣльческой. На всѣхъ нашихъ фабрикахъ и заводахъ работаютъ менѣе полутора милліона человекъ \*); и съ 1870 года, за *четверть столѣтія*, промышленность притянула на фабрики всего на все 300,000 рабочихъ. Допустимъ, — съ семьями они составятъ 1.200,000 душъ (цифра преувеличенная, такъ какъ въ число 300,000 входятъ мужчины, женщины, подростки и дѣти)—значить, за четверть столѣтія промышленность поглотила менѣе 1% русскаго народа, т. е. *малую часть* прироста населенія за то-же время.

Иными словами, отношеніе между земледѣльческимъ и фабрично-заводскимъ населеніемъ остается неизмѣннымъ.

По удостовѣренію гг. покровителей и поощрителей русской промышленности, она развивалась въ послѣднія десятилѣтія «исполинскими шагами», оказывая «колоссальныя», даже «чудовищныя» успѣхи,—словомъ, въ превосходной степени!

Допустимъ, что и впредь она будетъ развиваться такъ-же пышно,—въ такомъ случаѣ чрезъ четверть вѣка фабрики проглотятъ еще 300,000 человекъ, — незначительную долю прироста населенія.

Такимъ образомъ (какъ это ни прискорбно съ точки зрѣнія поклонниковъ и защитниковъ «побѣдно шествующаго по всѣмъ

\*) Въ 1893 г. фабрикъ и заводовъ въ Имперіи было 22,483 съ 1,406.755 рабочихъ (1.091,972 муж., 311,806 женщ.). Мат. для торг.-пром. стат. Спб. 1896.



языкамъ капитализма») Россія была, есть и, по всему <sup>виду</sup> будетъ страной земледѣльческой. Земледѣльческая Россія—организмъ, промышленная — «палецъ отъ ноги» этого организма.

Къ такому же выводу приведетъ насъ сравненіе русской промышленности съ иностранной. Только сравненіе это надо производить не по рецепту гг. Струве и Тугана, «вождей» неомарксизма, двухъ новѣйшихъ геніевъ нашей публицистики. Геніальность г. Струве выражается впрочемъ преимущественно въ радостномъ хихиканьѣ по поводу мужицкой нищеты и разоренья; по части цифръ отличается главнымъ образомъ г. Туганъ, и, какъ сейчасъ увидимъ, приемы его въ этомъ направленіи заставляютъ согласиться, что «подъатаманье» неомарксизма («атаманомъ» считается г. Струве) дѣйствительно обладаетъ по крайней мѣрѣ одной чертой генія: простодушіемъ! Это ничего: одинъ изъ героевъ Достоевскаго даже замѣтилъ: «генія я люблю нѣсколько глупымъ».

Въ самомъ дѣлѣ, прославляя развитіе капитализма въ Россіи, воскуряя фиміамъ промышленной утробѣ, слагая гимны кулаку-культуртрегеру,—г. Туганъ беретъ абсолютныя цифры производства и сравниваетъ: вотъ мы какую уйму чугуна (или ситцевъ, угля и т. д.) производимъ!—не меньше нѣмцевъ. Отсюда и выводъ: Россія не Россія, а почти что Англія. ✕

Оно точно: если брать абсолютныя цифры, безъ отношенія къ величинѣ территории и населенія, то Россія займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду промышленныхъ государствъ. До Англіи-то намъ, положимъ, далеко, но, на примѣръ, Бельгія, Швейцарія остаются позади насъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ опубликовало недавно сводную работу о промышленности различныхъ государствъ. Вотъ общій итогъ:

Государства:	Стоимость годового промышленнаго производства:	
С. Штаты . . . . .	7.000.000,000	долл.
Великобританія . . . . .	4.100.000,000	»
Германія . . . . .	2.915.000,000	»
Франція . . . . .	2.245.000,000	»
Россія . . . . .	1.815.000,000	»
Австро-Венгрія . . . . .	1.625.000,000	»
Италія . . . . .	605.000,000	»
Бельгія . . . . .	510.000,000	»
Испанія . . . . .	425.000,000	»
Швейцарія . . . . .	160.000,000	»

561935940  
302,0000000000

Какъ видимъ, Россія занимаетъ пятое мѣсто въ этомъ списокѣ. Мы оставили за флагомъ пять странъ и только четырехъ не догнали. Лестно!

Но взгляните внимательно въ ту-же таблицу, и вамъ ясно станеть, что судить о промышленномъ развитіи страны по абсолютнымъ цифрамъ производства можно только для самоуслажденія. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой таблицѣ Англія, никѣмъ еще не превзойденная въ отношеніи промышленности, пасуетъ передъ Соед. Штатами. Швейцарія съ ея высоко-развитой промышленностью занимаетъ послѣднее мѣсто; а Бельгія, уступающая въ промышленномъ развитіи только Англіи, оказывается ниже Италіи!

Нельзя судить о промышленномъ успѣхѣ или отсталости страны по абсолютнымъ цифрамъ. Допустимъ, что Франція вернула Эльзась и Лотарингію: абсолютная цифра французскаго производства увеличится, нѣмецкаго уменьшится, но это вѣдь не будетъ означать прогресса Франціи и регресса Германіи.

Надо взять въ расчетъ величину народа, цифру населенія. Посмотримъ-же, какъ велика промышленная производительность перечисленныхъ выше государствъ при расчетѣ на душу населенія. Получаемъ такую таблицу:

Населеніе: С. Штатовъ—72,3 милліона, Великобританіи—39,0 милл., Германіи—52,3 мил., Бельгіи—6,4 мил., Франціи—38,5 мил., Италіи—31,3 мил., Испаніи—22,2 мил., Швейцаріи—3 мил., Австро-Венгріи—43,3 мил., Россіи—129 мил.

Государства:	Стоимость промышлен. производства на душу:
Великобританія . . . . .	103,5 долл.
С. Штаты . . . . .	96,8 »
Бельгія . . . . .	80,0 »
Швейцарія . . . . .	80,0 »
Франція . . . . .	58,3 »
Германія . . . . .	57,6 »
Австро-Венгрія . . . . .	37,5 »
Италія . . . . .	19,3 »
Испанія . . . . .	19,0 »
Россія . . . . .	14,0 »

Картина—совсѣмъ иная. На первомъ мѣстѣ, какъ и слѣдовало ожидать, остается Англія, «классическая страна капитализма». На второмъ—Америка, за ней—Бельгія и Швейцарія, страны «маленькія, но удаленкія» по промышленной части.




 941935940  
 20250110033

Затѣмъ идутъ Франція и Германія, которой еще далеко до Англии, несмотря на пресловутое «made in Germany» и патриотическія тревоги нѣкоторыхъ англійскихъ экономистовъ по поводу промышленныхъ успѣховъ Германіи, будто бы заѣдающей Англию. Нѣтъ, не родился еще карась, который проглотитъ такую щуку!

Значительно отстала въ промышленномъ отношеніи Австро-Венгрія (37,5 долл. на душу); совсѣмъ плохи Италія и Испанія. И, наконецъ, въ самомъ хвостѣ, позади Испаніи, идетъ Россія.

То-же увидимъ, если обратимся къ примѣненію пара въ различныхъ государствахъ. Паровая сила — показатель промышленнаго развитія, не вполне точный, положимъ, но все-же дающій хотя приблизительное понятіе объ успѣхахъ или отсталости націи. По числу паровыхъ лошадей Россія превзошла Бельгію и поравнялась съ Австріей, какъ видно изъ слѣдующей таблички:

	Паров. лошадей.
С. Штаты . . . . .	18.000,000
Великобританія . . . . .	12.000,000
Германія . . . . .	9.000,000
Франція . . . . .	5.000,000
Австро-Венгрія . . . . .	2.500,000
Россія . . . . .	2.500,000
Бельгія . . . . .	1.000,000

Но, принявъ въ расчетъ величину населенія, получимъ совершенно иную картину; на 1,000 жителей приходится паровыхъ лошадей:

Великобританія . . . . .	303,0
С. Штаты . . . . .	248,9
Германія . . . . .	172,0
Бельгія . . . . .	156,2
Франція . . . . .	129,8
Австро-Венгрія . . . . .	57,7
Россія . . . . .	19,4

Возьмемъ далѣе цифры производства желѣза и каменнаго угля. Г. Тугану и другимъ поклонникамъ и соратникамъ-добровольцамъ нашихъ промышленниковъ «особенно бросаются въ глаза успѣхи нашей чугуноплавильной промышленности за самое послѣднее время».\*) Ослѣпленный этими успѣхами, г. Ту-

\*) М. И. Туганъ-Барановскій. Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи. (Докл. въ В. Э. О.), с. 16.

ганъ даже собирается «утереть носъ» Европѣ. «Россія—говорить онъ—быстро догоняетъ опередившія ее страны Западной Европы», и приводитъ цифры производства чугуна въ разныхъ странахъ въ 1895 году. Вотъ онѣ:

Соедин. Штаты . . . . .	586.000.000	пудовъ.
Великобританія . . . . .	478.000.000	»
Германія . . . . .	334.000.000	»
Франція . . . . .	122.000.000	»
Австро-Венгрія . . . . .	66.000.000	»
Бельгія . . . . .	51.000.000	»
Швеція . . . . .	28.000.000	»
Россія . . . . .	89.000.000	»

Какъ видимъ, Россія перегнала Швецію, Бельгію и Австро-Венгрію! А наши народники еще сомнѣваются въ успѣхахъ капитализма въ Россіи. Бельгія, «почти классическое» гнѣздо крупной промышленности, Бельгія отстала отъ насъ и, какъ доказалъ г. Туганъ сейчасъ приведенными цифрами, можетъ назваться страной натурального хозяйства въ сравненіи съ Россіей, перещеголявшей ее на цѣлыхъ 38 миліоновъ пудовъ чугуна.

Но этого мало! Въ 1897 году въ Россіи выплавлено 111 милліоновъ пудовъ чугуна. «Россія уже почти догнала Францію, а черезъ нѣсколько лѣтъ значительно перегонитъ ее»—прорицаетъ г. Туганъ.

Эти расчеты, выводы и прорицанія «нѣсколько глупаго генія» характеризуютъ «научность», съ которой такъ носятся неомарксисты. Точно, совсѣмъ новаго фасона научность!

Переведемъ однако цифры, сообщенныя г. Туганомъ, на душу населенія, и посмотримъ, что окажется:

	Выдѣлка чугуна на душу населенія въ 1895:
Великобританія . . . . .	12,25 пуд.
С. Штаты . . . . .	8,10 »
Бельгія . . . . .	8,10 »
Германія . . . . .	6,40 »
Франція . . . . .	3,17 »
Австро-Венгрія . . . . .	1,52 »
Россія . . . . .	0,69 »

Комментаріевъ не требуется. Цифры сами за себя говорятъ. Поторопился г. Туганъ «утирать носъ» Европѣ!



Если даже мы возьмемъ производство чугуна въ Россіи за 1897 годъ (111 мил. пудовъ), то и оно дастъ на душу только 0,9 пуда, т. е. почти вчетверо меньше, чѣмъ во Франціи въ 1895 г. А во Франціи производство чугуна тоже не стояло на мѣстѣ съ 1895, но продолжало расти\*),—обстоятельство, которое г. Туганъ счелъ удобнымъ упустить изъ вида... Это тоже одинъ изъ приѣмовъ неомарксистской научности.

Обратимся теперь къ каменному углю. Вотъ абсолютныя цифры производства:

Великобританія 1895 г. . . . .	192.696.000	тоннъ.
С. Штаты » . . . . .	175.166.000	»
Германія » . . . . .	103.907.000	»
Австро-Венгрія » . . . . .	31.496.000	»
Франція » . . . . .	28.020.000	»
Бельгія » . . . . .	20.458.000	»
Россія » . . . . .	8.630.000	»

Тутъ, какъ видимъ, даже абсолютныя цифры не могутъ порадовать поклонниковъ капитализма. Поэтому «научность» г. Тугана или вовсе обходитъ каменно-угольную промышленность, или практикуетъ въ ея отношеніи очень удобный и простой приѣмъ. Вотъ сущность этого приѣма: при Рюрикѣ—разсуждаетъ г. Туганъ—въ Россіи вовсе не добывалось каменнаго угля. Въ 1896 годѣ добыто 7 милліоновъ тоннъ. Иными словами, успѣхи каменноугольной промышленности въ Россіи не только громадны, колоссальны, ослѣпительны, безпримѣрны,—нѣтъ, этого мало, они равны *безконечности*! Въ самомъ дѣлѣ 7.000.000 : 0 = ∞.

Вы не вѣрите? Возьмите громоздкій дифирамбъ нашимъ заводчикамъ и фабрикантамъ, сочиненный и изданный г. Туганомъ подъ заглавіемъ: «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ»,—вы убѣдитесь, что, съ помощью вышеохарактеризованнаго приѣма, г. Туганъ сооружаетъ весь карточный домикъ своихъ выводовъ.

Словомъ, марксисты буквально превратили научность въ «писаную торбу», съ которой и носятся, приводя въ восхищеніе средныя имъ умы, согласно извѣстнымъ пословицамъ: русской и французской, которыхъ я приводить здѣсь не буду.

\*) Въ 1895 производство чугуна во Франціи было 2.003,000 тоннъ; въ 1897—2.472,000 тоннъ.



961935920  
503 00010013

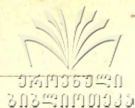
Переведемъ на душу цифры вышеприведенной таблицы; по-лучимъ:

Великобританія . . . . .	301,7	пуда кам. угля на душу нас.
Бельгія . . . . .	196,6	»
С. Штаты . . . . .	150,2	»
Германія . . . . .	123,1	»
Австро-Венгрія . . . . .	49,7	»
Франція . . . . .	45,1	»
Россія . . . . .	4,1	»

То есть, нашъ капитализмъ въ семьдесятъ пять разъ мизернѣе англійскаго. Это не мѣшаетъ гг. Струве и Тугану утверждать и доказывать, что англійскій капитализмъ уже готовъ спасовать передъ русскимъ. Какъ же, помилуйте! Въ Соединенныхъ Штатахъ добыча каменнаго угля увеличилась за 6 лѣтъ (1891—96) всего на 1.865 милліоновъ пудовъ, т. е. на 22%, а у насъ на 200 милліоновъ, т. е. на 55%. Тамъ почти два миллиарда, а у насъ *цѣлыхъ* двѣсти милліоновъ за то же время! Тамъ ростъ на 22%, а у насъ на 55%! Ужъ если мы янки обогнали вдвое, такъ кто же поравняется съ нашимъ степенствомъ?

Ограничусь приведенными выше цифрами. Потокъ челухи, хлынувшій въ русскую литературу съ появленіемъ такъ называемаго «марксизма» (правильнѣе было бы называть его «струвианизмомъ» или «туганъ-баранизмомъ»: Марксъ обладалъ геніемъ, а не только простодушіемъ генія, и прикрывать его именемъ всякій вздоръ не слѣдуетъ)—потокъ этотъ не глубокъ, но мутенъ и дурнопахучъ; полоскаться въ немъ я не чувствую охоты. Вдобавокъ къ своей удивительной «научности», къ вышеохарактеризованнымъ туганъ-барановскимъ приемамъ статистики, отвратительному и циничному хихиканью и злорадству по поводу нищеты, недоѣданія, смертности дѣтей и тому подобныхъ «отрадныхъ», съ точки зрѣнія г. Струве, явленій, — вдобавокъ ко всему этому туганъ-баранизмъ вводитъ въ русскую литературу новое нарѣчіе, долженствующее замѣнить «устарѣлый» языкъ Михайловскихъ, Писаревыхъ и пр. Вотъ напр. фраза изъ статьи г. Петра Струве: «Экономическій матеріализмъ оперируетъ на почвѣ критической конструкціи въ духѣ гносеологическаго монизма!» Что это такое? волашюкъ? древне-халдейское нарѣчіе? Или это знаменитый «свинячій языкъ», о которомъ упоминаетъ Островскій? Не знаю,—пусть рѣшатъ филологи, если есть охота.





Къ счастью, въ мою задачу не входитъ разборъ неомарксистскихъ восторговъ по случаю побѣднаго шествія г. Капитала. Я завелъ рѣчь о промышленности лишь для того, чтобы установить свою точку зрѣнія, свое отношеніе къ земледѣлію и промышленности въ Россіи.

Приведенныя выше цифры достаточно ярко иллюстрируютъ результаты «блестящаго» развитія нашей промышленности за послѣднія десятилѣтія.

Неудивительно, если наше земледѣліе, подавленное и общимъ кризисомъ, и германскими боевыми пошлинами, и дороговизной орудій, машинъ, удобреній, отрѣзающей путь къ улучшенію хозяйства,—неудивительно, если оно хромаетъ въ шотландскихъ башмакахъ покровительственнаго тарифа, гнется подъ тяжестью г. Капитала, и еле-еле плетется; да и то, какъ увидимъ ниже, главнымъ образомъ благодаря всевыносящему мужику.

Отъ лелѣемой, прославляемой промышленности можно-бы ожидать чего-нибудь побольше. Но русскій капитализмъ побѣдно шествуетъ только у себя дома, подъ крылышкомъ прокровительственнаго тарифа, а какъ вышелъ за ворота,—куда и прыть дѣвалась: еле-еле, пѣтушкомъ-пѣтушкомъ, поспѣваетъ за такой отсталой страной, какъ Испанія.

Можетъ быть, такъ оно и слѣдуетъ, но, во всякомъ случаѣ, надо погодить воспѣвать диѳирамбы нашему питализму. Смѣшно толковать о блестящемъ промышленномъ развитіи Россіи, хвастаться тѣмъ, что 130-милліонное населеніе, на пространствѣ чуть не трети міра, добыло больше желѣза, чѣмъ, напримѣръ, Бельгія, и доказывать, на основаніи цифръ производства, взятыхъ безъ отношенія къ территоріи и населенію, что мы «догоняемъ самыя передовыя страны». Нѣтъ, сначала нужно сравняться съ такими отсталыми странами, какъ Испанія и Италія, а затѣмъ ужъ будемъ разсуждать, въ силахъ-ли мы догнать такую не передовую страну, какъ Австро-Венгрія. Но, прежде всего, надо-бы разсудить, стоитъ-ли жертвовать благосостояніемъ массы населенія ради такихъ результатовъ?

Я говорю это отнюдь не въ укоръ русской промышленности. За ней не мало заслугъ. Не давая заработка населенію, она доставляетъ «юзовскіе дивиденды» своимъ воротиламъ. Пропитывая 300,000 рабочихъ, она за то же время извела не одинъ милліонъ кустарей, возмѣстивъ ихъ скудные заработки голой нищетой. Принуждая земледѣльца дорого покупать (оплачивая запретительныя пошлины въ пользу русскихъ промышленни-

ковъ), дешево продавать (оплачивая боевыя пошлины въ пользу нѣмецкихъ хозяевъ), она довершаетъ и безъ того критическое положеніе земледѣльческой массы населенія. Конечно, это заслуги «на любителя», какъ говорится; заслуги съ точки зрѣнія поклонниковъ капитализма; но онѣ разнообразны, многочисленны и рельефно выдѣляются на фонѣ русской жизни.

И найдется довольно «любителей» для прославленія этихъ заслугъ. Правственный идиотъ, способный умильно ослабляться передъ картиной задыхающаго глухаря, набросанной Гаршинымъ; «молодой ученый» съ фizioноміей «хорошо откормленнаго теленка», взглянувъ на которую невольно воскликнешь: «ou la science va-t-elle se nicher!» не молодой, «почтенный и пр.» профессоръ, который всю жизнь

„Слылъ умникомъ и въ усъ себѣ не дулъ,  
Поклонники въ немъ видѣли Мессію“;

да вдругъ, на старости лѣтъ, разошелся и

„Наглупилъ на всю Россію“,

отличившись литературнымъ «пріемомъ ироніи», напоминающимъ подлоги Анри и Эстергази; а послѣ того, для поправленія репутациі, готовъ и «перейти въ марксизмъ», и принять магометанство, и на голову стать, и обрѣзаніе надъ собой публично совершить, лишь бы удостоиться дешевыхъ аплодисментовъ шальной публики... Много такихъ найдется, и нѣтъ такой чепухи, отъ декадентской поэзіи до марксистской «науки», которая не нашла бы достаточно послѣдователей въ нашемъ обществѣ, которому поневолѣ приходится превращать всѣ вопросы и направленія въ спортъ... Вѣдь мы не можемъ проводить на практикѣ свои воззрѣнія. Существоуй эта возможность, роли живо распредѣлились бы, и защитникъ интересовъ г. толстосума не вызывалъ бы рукоплесканій со стороны людей, г. толстосуму не сочувствующихъ.

Но оставимъ «вводныя предложенія».

Итакъ, Россія остается земледѣльческой страной; народъ съ чисто русской способностью къ пассивному сопротивленію цѣпляется за землю; земледѣліе — основа доходовъ, жизненныхъ средствъ, существованія массы населенія. Такъ что съ точки зрѣнія интересовъ массы, потребностей организма (а не пальца отъ ноги), — земледѣліе, его подъемъ или паденіе, его успѣхи или провалы являются главнымъ, захватывающимъ интересомъ русской жизни, въ сравненіи съ которымъ умаляются до микро-





скопическихъ размѣровъ интересы промышленности, фабрично-заводскаго населенія и г.г. толстосумовъ.

Я счелъ необходимымъ выяснитъ свою точку зрѣнія, прежде чѣмъ перейду къ темъ этой книжки: очерку русскаго земледѣлія, его успѣховъ и неуспѣховъ, современнаго состоянія и видовъ на будущее, мѣръ, предлагаемыхъ къ его «оздоровленію», роли науки въ нашемъ хозяйствѣ, помѣщицкомъ и мужицкѣмъ, и т. п.

Очеркъ этотъ—безъ претензій, популярный: я старался излагать сельскохозяйственные вопросы въ формѣ, доступной для людей, незнакомыхъ съ хозяйствомъ. Старался сдѣлать эти вопросы интересными даже для тѣхъ, кому при словѣ «сельское хозяйство» мерещатся вопросы удушливо скучные, узко практическіе,—

„Чебоксарская щетина,  
Миргородская свинья,  
Свекловица, мериньсы,  
Спросъ на водку и барду“...

Насколько мнѣ удалось исполнитъ свою задачу, пусть судитъ читатель. Во всякомъ случаѣ, заботясь о популярности, я избѣгалъ тяжелой артиллеріи и громоздкаго балласта цифръ и фактовъ. Избѣгалъ и своеобразной марксистской «научности», охарактеризованной выше. Такъ что поклонникъ этой научности можетъ и не заглядывать въ мою книжку. Очеркъ русскаго земледѣлія съ неомарксистской точки зрѣнія нужно еще написать. Примѣняя научные приемы г. Тугана, легко будетъ доказать, что и въ земледѣліи нашемъ капиталистическое хозяйство «побѣдно шествуетъ исполинскими, безпримѣрными, семимильными шагами». Въ самомъ дѣлѣ: лѣтъ десять тому назадъ въ Россіи былъ только одинъ паровой плугъ въ имѣніи какого то южнаго магната, теперь имѣется уже пять или шесть паровыхъ плуговъ. Итакъ, число паровыхъ плуговъ въ Россіи за какія-нибудь 10 лѣтъ возрасло на 400—500%! Грандіозный ростъ, не правда-ли? Съ помощью такихъ туганъ-барановскихъ приемовъ не трудно доказать, что мы «догоняемъ самыя передовыя страны» и скоро перещеголяемъ Англію съ ея ландлордами. Надо полагать, что кто нибудь изъ гг. неомарксистовъ не преминетъ заняться этой темой и напишетъ о русскомъ хозяйствѣ книгу, достойную занять мѣсто рядомъ съ «Фабрикой» г. Тугана.

Но въ моей книжкѣ читатель такихъ «научныхъ» приемовъ не найдетъ.

## II

### Русское земледѣліе съ птичьяго полета.

Обращаясь теперь къ русскому земледѣлію, я боюсь на первыхъ-же порахъ огорчить читателя похоронными рѣчами, а потому надѣну розовыя очки и въ нихъ попытаюсь обзрѣть наше хозяйство. Если и розовыя очки не помогутъ, то ужъ это не отъ насъ. Впрочемъ, при бѣгломъ обзорѣ, à vol d'oiseau, русское земледѣліе дѣйствительно можетъ явиться въ розовомъ свѣтѣ. Переберемъ его различныя отрасли, отъ основныхъ, какъ полеводство или скотоводство, до побочныхъ и мелочныхъ,—вездѣ мы видимъ стремленіе впередъ, упорную и настойчивую работу, попытки къ улучшенію, раціональныя по идеѣ, имѣющія серьезное *общее* значеніе.

Начнемъ съ полеводства. Давно пора намъ разстаться съ архаическимъ, отслужившимъ свою службу трехпольемъ, и перейти къ системѣ, если не болѣе интенсивной (въ смыслѣ сѣвооборота), то болѣе продуктивной, которая замѣнила бы наши «средніе неурожаи» (классическіе «самъ третей» на крестьянскихъ, «самъ пять» на помѣщичьихъ земляхъ нельзя назвать урожаями съ точки зрѣнія современной западной сельскохозяйственной техники) хоть умѣренной урожайностью. Переходъ къ новымъ системамъ—основной, капитальный вопросъ нашего хозяйства, начало всѣхъ началъ, почва для дальнѣйшихъ успѣховъ земледѣлія—крестьянскаго и помѣщичьяго.

Если-бы я вздумалъ перечислять сѣвообороты, приспособленные къ условіямъ различныхъ мѣстностей (варіанты многопольнотравяныхъ для степной и нечерноземной Россіи, улучшенные зерновые или травяные, комбинированные съ усиленной культурой свеклы, картофеля, льна, масличныхъ растений, чисто промышленные, переходные къ плодовсмѣну и интенсивные пло-



досѣвныя и т. п.),—сѣвообороты, введенныя уже и дѣйствующія въ русскихъ хозяйствахъ, пришлось-бы наполнить много страницъ однимъ перечнемъ. Многіе изъ нихъ имѣютъ узкое мѣстное значеніе: пригодны для единицъ или сравнительно небольшихъ районовъ, но разработаны и такія, какъ многопольно-травяной съ подсобными минеральными туками, — преемникъ трехполья для массы русскихъ хозяйствъ; сѣвооборотъ, соединяющій экстенсивность трехполья съ улучшеніемъ земли и повышеніемъ урожаевъ на счетъ дарового атмосфернаго азота. Онъ оцѣненъ уже крестьянами, которые переходятъ къ нему—часто цѣлыми деревнями—въ смоленской, московской, тверской, вятской и др. губ. (лучшее доказательство его универсальнаго значенія).

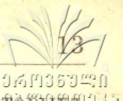
Вопросъ о переходѣ къ новымъ, болѣе продуктивнымъ системамъ хозяйства можно считать *рѣшеннымъ*; типы новыхъ сѣвооборотовъ выработаны и испытаны, — теперь имъ остается лишь распространиться въ массѣ хозяйствъ, что и дѣлается, какъ сейчасъ указано.

Какой системой ли замѣняй отжившее трехполье, подъемъ скотоводства, во всякомъ случаѣ,—одна изъ важнѣйшихъ задачъ нашего хозяйства. Не говоря уже о важности такихъ продуктовъ, какъ молоко, масло, мясо, шерсть,—скоть важенъ и дорогъ для насъ, русскихъ, не въ примѣръ прочимъ европейскимъ странамъ. Минеральные туки мы примѣняемъ въ игрушечныхъ размѣрахъ, да и то больше дешевые (суперфосфатъ, амміакъ, селитра, дорогіе сами по себѣ и еще удорожаемые пошлиной, намъ не по карману); паровой, а тѣмъ болѣе электрической силы, чураемся; стало быть, какъ источникъ удобренія и рабочей силы, скотоводство и коневодство—опора нашего земледѣлія, его скелеть, если можно такъ выразиться; а если скелеть окажется въ рахитическомъ состояніи, каково придется организму?

Что-жь! и по этой части идетъ упорная работа!

Обращено усиленное вниманіе на русскій простой скоть, какъ матеріалъ для улучшенія и выработки мѣстныхъ, приспособленныхъ къ нашимъ условіямъ, породъ. Ярые поклонники и пропагандисты русскаго скота (эта пропаганда—«презанимательная для писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлая поэма», о которой у насъ, вѣроятно, будетъ рѣчь современемъ) надѣлали изъ него множество породъ: «зырянскій», «ярославскій», «вологжанскій», «владимірскій», «дорогобужскій» и т. д., признавая, впрочемъ, что эти *породы* не представляютъ опредѣленнаго *типа*. Выходитъ нѣчто фантастическое: порода безъ породы, нетипич-





ный типъ! На самомъ дѣлѣ, это только названія, число которыхъ можно увеличить до безконечности; это просто русскій «скоть получше», пестрый, смѣшанный, съ примѣсю всевозможныхъ иностранныхъ кровей вслѣдствіе случайнаго скрещиванія съ западными породами. Даже прославленная ярославка представляетъ нѣчто до того разношерстное и безформенное, что знатокъ этого дѣла, покойный Армфельдъ, только съ трудомъ могъ «уловить намѣчающійся типъ» этой «породы». Но увлеченія не важны; важно то, что этотъ «скоть получше», соединяя неприхотливость съ высокой молочностью, представляетъ драгоценный матеріалъ для улучшенія, такъ что попытки усовершенствовать его, выработать и упрочить настоящія породы изъ «намѣчающихся»,—въ основѣ своей безусловно рациональны.

Есть у насъ давнишнія метизированныя (полученныя путемъ скрещиванія съ иностранными) породы: холмогорскій, пашковскій, бестужевскій, рубашевскій скоть; есть и свои болѣе или менѣе опредѣленные типы: сѣрый украинскій, калмыцкій, киргизскій. Надъ ними также усердно работаютъ наши скотоводы, стараясь улучшить ихъ «въ себѣ» (безъ скрещиванія съ иностраннымъ) или путемъ метизаціи. Почти всѣ перечисленныя породы представляютъ тѣ или другія достоинства; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ сѣрый украинскій мясо-рабочій скоть, положительно драгоценны для русскаго хозяйства; и работа по ихъ улучшенію (назовемъ, напр., успѣшныя опыты метизаціи Бродскаго, Галлера, Комарова) имѣетъ не любительское значеніе: она важна для скотоводства цѣлыхъ областей.

Развивать русское скотоводство, ограничиваясь своимъ матеріаломъ и чураясь иностраннаго,—нелѣпо: почему-же не воспользоваться готовыми результатами западноевропейской работы? Можно и должно акклиматизировать въ Россіи тамошнія высокопродуктивныя породы скота. И въ этомъ отношеніи мы дѣйствуемъ энергично: въ Россіи есть заводы лучшихъ европейскихъ породъ—молочныхъ, мясныхъ, мясо-рабочихъ, мясо-молочныхъ—голландской, швицкой, ангельской, симментальской, шаролезской и проч., и проч.; правда, нѣкоторыя изъ нихъ служатъ, собственно, для украшенія скотнаго двора, но разводятся и такія, которыя имѣютъ огромное значеніе для нашего хозяйства, распространяются среди населенія, покупаются по силѣ-возможности даже крестьянами. Таковъ, напр., симментальскій мясо-молочно-рабочій скоть, едва-ли не самая популярная у насъ иностранная порода. Симментальскаго скота въ Россіи имѣется около 50-ти заводовъ; произведено много опы-



товъ (большою частью удачныхъ) скрещиванія его съ русскими породами.

Какъ видимъ, работа по улучшенію русскаго скотоводства поставлена широко, всесторонне и ведется въ интересахъ массы населенія, а не въ любительскомъ духѣ.

Связанное съ нею молочное дѣло тоже прогрессируетъ. Русскія сыроварни изготовляютъ даже камамберъ, «*roi des fromages*». Безъ «*roi des fromages*», положимъ, можно-бы смѣло обойтись; но дѣятельность Верещагиныхъ, Бландовыхъ, Буманъ и проч. не исчерпывается этими затѣями. Дѣло поставлено широко: и подъемъ техники молочнаго хозяйства, маслодѣлія и проч. захватываетъ и крестьянъ (напр., въ вологодской, Смоленской и другихъ губерніяхъ).

Какое значеніе имѣетъ лошадь въ крестьянскомъ хозяйствѣ — объ этомъ и говорить нечего. Что улучшеніе нашей рабочей лошади должно идти рука объ руку съ подъемомъ нашего хозяйства — всякому понятно безъ комментариевъ. И здѣсь то-же явленіе; наше коневодство развивается, число конскихъ заводовъ въ Россіи растетъ, обращено вниманіе на улучшеніе нашихъ породъ — рысакъ, битюгъ, — но, не ограничиваясь домашнимъ матеріаломъ, разводятъ въ Россіи наиболѣе подходящія западныя породы: арденовъ, которыхъ успѣшно метизируютъ съ русскими (напр., въ «Запольѣ» Бильдерлинга, въ «Онуріевкѣ» Толстого), кляйдедэлей, першероновъ, норвежскую лошадь..

Для животныхъ нуженъ кормъ. У насъ распространяется травосѣяніе, колоссальное значеніе котораго понятно только знакомому съ теоріей и практикой хозяйства. Клеверъ, люцерна, эспарцетъ: 1) улучшаютъ землю, разрыхляя почву своими глубокими корнями; 2) удобряютъ ее, обогащая перегноемъ и азотомъ на счетъ атмосферы; 3) вдобавокъ еще, даютъ массу корма. Но ввести травосѣяніе въ хозяйство страны не такъ-то просто: надо выбрать травы, наиболѣе подходящія къ даннымъ условіямъ, надо выработать приемы культуры въ связи съ мѣстнымъ климатомъ, почвой и общимъ строемъ хозяйства. Для Россіи эта работа уже продѣлана. Клеверъ для сѣверной и средней, эспарцетъ и люцерна для южной введены въ хозяйствахъ, техника ихъ культуры разработана; то же сдѣлано и для менѣе важныхъ растений — вики, чечевицы, дупиновъ и др. По части кормовъ для скотоводства важную роль играетъ культура такихъ растений, какъ ленъ, рапсъ, подсолнечникъ, которые даютъ отбросы («жмыхи», отжимки при добываніи масла), представляю-





щіе великолѣпный кормъ для скота. Эти культуры, хотя и спеціальныя, мѣстныя, второстепенныя, играютъ, однако, немаловажную роль въ хозяйствѣ страны. У насъ онѣ развиваются: напримѣръ, ленъ изъ вологодской, пермской и псковской губ. распространился и въ смоленскую, тверскую и др. губ.; подсолнечнаго масла производилось въ саратовской губ. въ 1871 году—40,000 пуд.; въ 1894—1,332,500 пудовъ; посѣвы рапса растутъ въ югозападныхъ губерніяхъ.. Въ качествѣ побочнаго продукта получаютъ десятки милліоновъ пудовъ превосходнаго корма, который идетъ... нѣтъ, я пока не скажу, куда онъ идетъ; объ этомъ послѣ, когда сниму розовыя очки.

Подъемъ скотоводства увеличить количество удобренія, навоза, что очень важно, потому что теперь во многихъ хозяйствахъ—крестьянскихъ и помѣщичьихъ, не удобряютъ, а только пачкаютъ поля навозомъ. Но безъ минеральныхъ туковъ, въ качествѣ хотя-бы подсобнаго удобренія, не обойдешься. Стало быть пора обратить вниманіе на залежи нашихъ фосфоритовъ. Но это ужъ сдѣлано: залежи изслѣдованы, устроены заводы для ихъ разработки, произведены и производятся опыты удобренія. Не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ примѣняются фосфориты, костяная мука, даже суперфосфатъ (псковской губ.).

Въ связи съ измѣненіемъ системы хозяйства должна развиваться улучшенная обработка земли. Наши крестьяне замѣняютъ соху плугомъ, деревянную борону желѣзной, и, какъ извѣстно, ввозъ заграничныхъ машинъ въ Россію, несмотря на пошлины и безденежье хозяевъ, растетъ изъ года въ годъ\*).

Мы перебрали главные, основные элементы хозяйства. Изъ второстепенныхъ упомяну о птицеводствѣ, которое совершенно неожиданно выдвинулось на видное мѣсто въ русскомъ хозяйствѣ. Экспортъ куриныхъ яицъ за двадцать лѣтъ увеличился у насъ въ 44 раза; за 11 мѣсяцевъ 1895 г. вывезено изъ Россіи на 26 милліоновъ яицъ, пера, пуха, битой птицы, т. е. почти на такую-же сумму, какъ всѣхъ остальныхъ продуктовъ животноводства (мясо, масло, шерсть и пр.) Нѣкоторые изъ нашихъ агрономовъ радуются этому явленію: русское хозяйство прогрессируетъ; если не рожь, не пшеница, не скотъ, то хоть курица его вывозить! Благородная птица!

\*) Если не развивается русское машиностроеніе, и если извѣстнѣйшіе *русскіе* машинозаводчики носятъ фамиліи Лиггартъ, Шульте, Гельферихъ-Саде, Джонъ Гривъзъ, Людвигъ Нобель, Урлаубъ и т. д., то не хозяева-же тому причиной.





Гуси Римъ спасли; да вѣдь Римъ въ то время былъ ный городишка, а избавить отъ кризиса такую махину, какъ Россія... это подвигъ нешуточный. Что-жь? сдѣлано-ли что-нибудь для дальнѣйшаго процвѣтанія этой избавительницы отечества? Какъ-же! птицеводство у насъ развивается, изобрѣтаются разныя техническія улучшенія, выписаны и разведены продуктивныя заграничныя породы: гуданы, лонгшаны, плимуть-рокъ и т. п., произведены успѣшные опыты скрещиванія ихъ съ русскими курами; доказана ихъ пригодность для улучшенія русскаго птицеводства вообще (не любительскаго только); доказана тѣмъ, что крестьяне охотно покупаютъ и заводятъ у себя этихъ куръ (напр., гудановъ).

Я не буду останавливаться на другихъ второстепенныхъ отрасляхъ хозяйства (о которыхъ, однако, можно сказать то же самое), чтобъ не затягивать нашего обзора. Замѣчу, что я пропускалъ баловство, игрушки и пустяки, вродѣ разведенія страусовъ, посѣвовъ коріандра или фабрикаціи кунжутнаго масла, а перебиралъ только попытки съ общимъ значеніемъ, работы вполне рациональныя по замыслу, по идеѣ, безъ которыхъ невозможенъ подъемъ хозяйства страны.

Такую работу мы замѣчаемъ въ любой отрасли сельскаго хозяйства. Имѣются интенсивныя плодотворныя сѣвообороты, годныя для немногихъ хозяйствъ, но рядомъ съ ними выработаны различныя (въ связи съ мѣстными условіями) варианты многопольно-травяныхъ сѣвооборотовъ; разводятся мѣстами гао-лянъ, соя, дяллеманція, кунжутъ и прочія благоглупости, но и клеверъ, эспарцетъ, люцерна, вика введены въ русское хозяйство и т. д.

Конечно, выдающихся работниковъ, инициаторовъ въ русскомъ хозяйствѣ немного; имена А. Энгельгардтовъ, Стебутовъ, Левицкихъ, Шатиловыхъ, Кудашевыхъ, Греллей и т. п. можно уписать на одной страницѣ,—но гдѣ-же ихъ много? Люди инициативы, особливо сознательной инициативы, вырабатывающіе новыя приемы и методы, вездѣ на перечетъ. Шульцъ-Люпицъ *одинъ* выработалъ систему, такъ называемаго, безнавознаго хозяйства, которое теперь вводится въ разныхъ странахъ Европы; въ Англіи только *одинъ* Ротамстэдъ (знаменитое имѣніе Лооза и Гильберта, опыты которыхъ играли видную роль въ развитіи западной агрономіи); баронъ Шубартъ ф. Клефельдъ *одинъ* ввелъ клеверъ въ Австріи (и тѣмъ самымъ пересоздалъ хозяйство страны); крестьянинъ Бекаревъ *въ одиночку* завелъ культуру подсолнечника у себя на огородѣ, а съ его легкой руки

она превратилась въ важную отрасль русскаго хозяйства. Вы-работываютъ единицы, принимаетъ страна.

Это одно, а второе:—у насъ въ Россіи земледѣліе двигалось (да и теперь движется) не столько усиліями частныхъ хозяевъ, сколько работой массы, крестьянства. Это, какъ увидимъ ниже, наложило свою печать на общій характеръ русскаго земледѣлія. По производству ржи мы занимаемъ первое мѣсто въ мірѣ (20.513,000 тоннъ, что составляетъ 54,7<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, т. е. *больше половины общаго мірового производства*, или 193 килогр. на душу населенія); по производству же пшеницы, которая кормитъ «по выбору» и представляетъ изъ себя гораздо болѣе типичный хлѣбъ капиталистическаго хозяйства, чѣмъ рожь, мы занимаемъ по абсолютной цифрѣ производства второе мѣсто (10.829,000 тоннъ=16<sup>0</sup>/<sub>0</sub> мірового производства, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ 13.717,000 тоннъ=20,2<sup>0</sup>/<sub>0</sub> мірового производства), но только *шестнадцатое*, если считать по величинѣ производства пшеницы на душу населенія (въ Россіи 93 килогр.; въ 15-ти другихъ странахъ — отъ 103 (Италія) до 420 (Аргентина).

Напротивъ, картофель, также характерный для капиталистическаго хозяйства, но уже какъ противоположная пшеницѣ крайность, какъ хлѣбъ голодныхъ, безземельныхъ, батраковъ, — картофель играетъ сравнительно малую роль въ нашемъ земледѣліи, и только въ послѣднее время посѣвы и потребление его расширяются. Во всякомъ случаѣ мы еще далеко не догнали въ этомъ отношеніи Запада.

Словомъ, характеризуя наше земледѣліе съ агрономической стороны, надо сказать, что оно имѣетъ демократическій характеръ, свойственный земледѣлію страны, въ которой масса населенія еще сохранила хозяйственную самостоятельность и равенство. *Самостоятельность*, а не *благосостояніе!* это двѣ вещи разныя: можно вѣдь оставаться свободнымъ и нейти въ кабалу, «куска не доѣдая, ночей не досыпая», и т. д.

Подробнѣе объ этомъ я буду говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Пока резюмируемъ все сказанное выше объ успѣхахъ русскаго земледѣлія.

У насъ *выработаны и испытаны на практикѣ* рacionales системы полеводства, взамѣнъ выбалтывающаго землю трехполья; *введены* травы, которыя служатъ основой пересозданія хозяйства; ведется работа надъ подъемомъ русскаго скотоводства и коневодства; прогрессируетъ молочное дѣло,

941935940  
2023000000000

улучшается обработка земли, входятъ въ употребленіе минеральные туки, т. е. хозяйство страны прогрессируетъ, развивается, идетъ впередъ.

Но мы обзрѣвали его съ птичьяго полета, а теперь спустимся ниже и заглянемъ глубже, и такъ какъ на близкомъ разстояніи можно смотрѣть невооруженными глазами, то снимемъ розовыя очки.

---



### III.



#### Русское земледѣліе вблизи.

Съ птичьяго полета мы видѣли много утѣшительнаго,—видѣли, напр., что раціональные сѣвообороты взамѣнь трехполья вводятся даже у крестьянъ. Но общій результатъ, итогъ? Вотъ онъ: старое трехполье царитъ, а хозяйства съ болѣе продуктивной системой—мужицкія и помѣщичьи—буквально исчезаютъ въ немъ.

Наши средніе неурожаи за 30 лѣтъ не повысились. Точныя изслѣдованія отдѣльных губерній и уѣздовъ сообщаютъ на этотъ счетъ печальныя цифры: напр., въ новгородской губ. средній урожай за 10 лѣтъ по земскимъ даннымъ для ржи—3,8, для овса—2,9; въ московской губ. ржи—3,2, ярового—2,9 и т. п. Въ цѣломъ для Россіи не установлено паденія или повышенія урожаявъ за послѣднія десятилѣтія. Они повышаются немного въ хорошіе годы,—понижаются въ дурные, но въ среднемъ остаются на одномъ уровнѣ. Очевидно, говорить о *прогрессѣ* хозяйства при такомъ положеніи не приходится. Тридцать лѣтъ толочься на мѣстѣ, все дальше и дальше отставая отъ сосѣдей нѣмцевъ, французовъ и проч., которые, несмотря на кризисъ, изъ года въ годъ совершенствуютъ хозяйство, интенсифицируютъ сѣвообороты, повышаютъ урожай, —какой ужъ тутъ прогрессъ! Мы—народъ смиренный, конечно; съ Европой тягаться не думаемъ! Но пусть-бы мы хоть въ хвостѣ плелись,—такъ вѣдь и этого нѣтъ! Сѣли на самъ-третей и самъ-пять, и ни съ мѣста!

Мало того, участвовавшіе неурожаи и недороды свидѣтельствуютъ объ *упадкѣ* хозяйства. Тщательная обработка—лучшее средство борьбы съ засухой; сильныя, хорошо развившіяся растенія не такъ легко поддаются паразитамъ, какъ хилыя и сла-



УД. 1935/241  
382 2011033

быя; и если «неблагопріятныя метеорологическія условія» все чаще и чаще начинаютъ обижать наше земледѣліе, если опустошительная дѣятельность паразитовъ усиливается до того, что грозитъ гибелью цѣлымъ культурамъ (напр., ржавчина культурѣ подсолнечника), то, значить, хозяйство ухудшается. Удивительно еще, какъ мы ухитряемся топтаться на одномъ мѣстѣ, а не пятиться назадъ! По настоящему, наши средніе урожаи должны-бы были падать. Это станетъ очевиднымъ, если взглянемъ на состояніе нашего скотоводства. Вотъ первый и основной фактъ: число головъ рогатаго скота за послѣднія десятилѣтія, если не абсолютно, то относительно—по расчѣту на 100 душъ населенія—*уменьшилось*. Зная, что наши урожаи держатся *исключительно навознымъ удобреніемъ*, поймемъ значеніе этого факта безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ!

Мы говорили выше (когда смотрѣли въ розовыя очки) о работѣ по улучшенію русскаго скота. Она ведется усердно; а тѣмъ временемъ лучшая изъ нашихъ мясо-рабочихъ породъ—«сѣрый украинскій» скоть исчезъ, выродился такъ основательно, что знатоки дѣла спорять, можно-ли еще, или уже нельзя *возстановить* эту породу? Типичные экземпляры остались на немногихъ заводахъ (Кочубея, Фальць-Фейна, Деконскаго и еще двухъ-трехъ), а за предѣлами этихъ заводовъ существуетъ только имя «сѣрый украинскій», сама же порода съ ея цѣнными качествами исчезла. Что-же это значитъ? Работа по улучшенію сѣраго скота ведется лѣтъ тридцать; производились и производятся—упорно, настойчиво (напр., у Фальць-Фейна и Кочубея)—опыты метизаціи сѣраго скота съ венгерскимъ, кіянскимъ, шарлезкимъ, ш ортгорнами; населеніе раскупало и раскупаетъ племенной молоднякъ охотно, —куда-жь онъ дѣвался? Можетъ быть 5—6 заводовъ недостаточно для упроченія и распространенія породы въ цѣлой области? Но для этого довольно и одного! Очевидно, есть какія-то глубокія, органическія причины, которыя обезсиливаютъ самыя раціональныя, энергическія и плодотворныя по идеѣ начинанія въ нашемъ хозяйствѣ.

Я остановился на этомъ примѣрѣ, потому что буквально та-же исторія повторяется во всѣхъ отрасляхъ русскаго земледѣлія. Упорная, многолѣтняя, серьезная по замыслу работа, которая *должна-бы была* имѣть значеніе для массы хозяйствъ, волею судебъ приравнивается по результатамъ къ пустому дилетантизму, празднымъ затѣямъ безтолковыхъ людей.

Но вернемся къ скотоводству. Сѣрый украинскій скоть исчезъ, холмогорскій и ярославскій—лучшія изъ русскихъ мо-



лочныхъ породъ—исчезаютъ. Хозяинъ, который отправляется въ ярославскую губернію, сплошь и рядомъ находитъ только *название*, подъ которымъ скрывается самая обыкновенная тасканка, какихъ по всей Россіи не оберешься. Куда же дѣвался прославленный ярославскій скотъ, которымъ восхищаются иностранцы? Былъ, да весь вышелъ!.. И вотъ, наши спеціалисты и знатоки начинаютъ толковать объ исчезновеніи лучшихъ русскихъ породъ, о необходимости спасти или возродить ихъ къ жизни.

Та-же исторія съ иностранными породами. Пытались и пытаются распространить въ Россіи породы скота голландскаго, швицкаго, симентальскаго и др.; пригодность этихъ породъ для нашего хозяйства доказана опытомъ; и все-таки ни одна изъ нихъ не распространилась широко, и работа въ этомъ направленіи «не привела къ какимъ-либо осязательнымъ результатамъ» (Ав. Калантаръ. Докладъ, чит. въ новгород. с.-х. обществѣ 1896).

Вотъ, стало быть, итоги: количество скота уменьшилось, лучшія изъ русскихъ породъ исчезли (выродились) или исчезаютъ, иностранныя не прививаются.

То же буквально съ коневодствомъ. Общее число лошадей по расчету на сто душъ населенія уменьшилось, а изъ многихъ губерній сообщаютъ и объ абсолютномъ уменьшеніи числа лошадей. По даннымъ военно-конской переписи 1893—94 гг., общее число лошадей въ 48 губерніяхъ уменьшилось со времени переписи 1891 г. на 1.621,444 головы, т. е. на 9,63%.

Лучшія изъ старыхъ русскихъ породъ—битюги, обвинки, вятки—исчезли. Иностранныя породы—ардены, кляйдедели, першероны и проч.—никакъ не могутъ выбраться за предѣлы немногихъ любительскихъ хозяйствъ. Развивается коневодство, важное съ точки зрѣнія спортсменовъ и кавалеристовъ, вырабатываются лошади «превосходныхъ англійскихъ, а также арабскихъ и нѣмецкихъ кровей» (Дубенскій. Конскіе заводы Евр. Россіи. Спб. 1896), но при всемъ томъ «мы нѣсколько постыдали отъ Европы, не сдѣлавши почти ничего для рабочаго коневодства» (Каверзневъ. О рабочемъ коневодствѣ. «Хозяинъ», 1897 № 16).

Мы не сдѣлали «почти ничего», а общія условія нашего хозяйства сдѣлали слишкомъ много, уничтоживъ старинныя русскія породы.

Обратимъ вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. У насъ давно уже примѣняются предохранительныя прививки





сибирской язвы. Съ 1887 онѣ практикуются въ размѣрахъ все болѣе и болѣе широкихъ. Повидимому, это должно бы было отразиться на смертности скота отъ сибирской язвы. Процентъ околѣвающихъ отъ этой болѣзни долженъ былъ бы понизиться, процентъ выздоравливающихъ повыситься. Между тѣмъ, обращаясь къ даннымъ статистики, мы видимъ скорѣе обратное. Вотъ табличка заболѣваемости и смертности лошадей и рогатаго скота отъ сибирской язвы за 1887—95 гг., по трехлѣтіямъ \*).

	Лошади.	Смертность.	Рогатый скотъ.	Смертность.
1887—1889	Заболѣло 34,408	60,6%	Заболѣло 27,500	60%
	Пало 20,842		Пало 16,410	
1890—1892	Заболѣло 85,002	63,4%	Заболѣло 46,165	74%
	Пало 53,913		Пало 34,095	
1893—1895	Заболѣло 24,542	73,4%	Заболѣло 27,734	86%
	Пало 17,994		Пало 23,914	

Я полагаю, что это усиленіе смертности скота можно поставить въ связь съ данными упомянутой уже военно-конской переписи насчетъ вырожденія лошадей, увеличенія % такъ называемыхъ «недоростковъ», уменьшенія числа хорошихъ лошадей. Рогатый скотъ находится не въ лучшихъ условіяхъ. «Недокармливаніе» приводитъ къ тѣмъ же результатамъ у скота, какъ недоѣданіе у людей: между прочимъ, къ увеличенію % смертности отъ болѣзней, несмотря на болѣе совершенные и дѣйствительные способы леченія.

Итакъ, скелетъ нашего хозяйства приходитъ въ рахитическое состояніе. Скотоводство и коневодство падаютъ количественно и качественно, т. е. *рабочая сила ослабвваетъ, удобреніе уменьшается*,—какъ же не удивляться послѣ этого, что мы *только* толчемся на мѣстѣ въ отношеніи урожаяевъ, а не идемъ вспять.

Трехпольная система даже при полномъ навозномъ удобреніи (отъ 6-ти штукъ скота на паровую десятину) истощаетъ землю, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи одного безусловно не-

\*) Ср. *Нокаръ и Деклэншъ*. Микробныя болѣзни животныхъ. Вып. II. Приложение.



обходимого для растеній элемента: фосфорной кислоты. У насъ, въ массѣ крестьянскихъ и помѣщичьихъ хозяйствъ, на паровую десятину приходится  $1\frac{1}{2}$ —2—3 штуки скота, т. е. удобреніе *вчетверо—вдвое ниже* нормы. Это еще хорошо: у бѣднѣйшей части крестьянъ и сильно оскудѣвшихъ помѣщиковъ и того нѣтъ. Мудрено-ли, что почвы мало по малу приближаются къ состоянію прокаленного песка или пемзы, употребляемыхъ въ лабораторіяхъ для опытовъ?

Одна изъ главныхъ причинъ паденія скотоводства и коневодства очень проста: кормить нечѣмъ. Луговъ и выгоновъ становится все меньше и меньше по мѣрѣ распашки новыхъ земель. Получается «дефицитъ сѣна», достигающій, напр., въ вятской губ., по вычисленіямъ земства, 26 милліоновъ пудовъ, а вятская губернія поставлена въ этомъ отношеніи въ лучшія условія, чѣмъ большинство русскихъ губерній, не исключая степныхъ (т. е. *сi devant* степныхъ, такъ какъ нынѣ степей ужъ не сыщешь). «Дефицитъ сѣна» вызвалъ исчезновеніе сѣраго украинскаго скота, битюговъ и проч., «страшное измельченіе скота (казанск. губ.), «замѣтное ухудшеніе лошадей» (тульской губ.) и т. п. явленія, о которыхъ съ унылымъ однообразіемъ сообщаютъ земскія изслѣдованія разныхъ губерній; онъ-же мѣшаетъ распространенію иностраннаго скота, который тоже питанія требуетъ, да и не какого-нибудь,—плохими кормами онъ обижается; подавай ему жмыховъ, да клевера, а не сомнительнаго сѣна съ «вострецомъ»!

А что-же травосѣяніе? Отчего не помогаютъ клеверъ, вика, тимофѣвка, которые такъ усердно вводятся въ обиходъ русскаго хозяйства вотъ уже лѣтъ тридцать (періодъ, вполне достаточный для пересозданія хозяйства страны)? Отчего-быто ни было, но вотъ-же, — не помогаютъ! Здѣсь та-же исторія: серьезная работа, находящая откликъ въ населеніи (потому что и частные владѣльцы, и крестьяне хватаются за травосѣяніе), въ своихъ конечныхъ результатахъ совершенно исчезаетъ, смывается общимъ потокомъ, влекущимъ наше земледѣліе по пути регресса.

Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, этотъ упадокъ скотоводства, этотъ усиливающийся рахитизмъ русскаго земледѣлія, — здѣсь мы видимъ, какъ сама жизнь, условія, лежація внѣ нашей воли, противъ которыхъ бессильны наука и техника, энергія и инициатива, отметають, обезпложиваютъ, превращаютъ въ игрушку самыя серьезныя начинанія. Глупый тѣшилсѣ посѣвами лаллеманціи и кунжута, сафлора и коріандра; умный разводилъ клеверъ и тимофѣвку, вику и люцерну, а жизнь сравняла обоихъ,





упразднивъ затѣи перваго и попытки втораго въ общемъ и въ частномъ уклонномъ движеніи хозяйства страны къ упадку.

Но кромѣ травосѣянія у насъ есть еще подспорье: отбросы масличныхъ растеній, жмыхи — превосходный, интенсивный кормъ. Да, есть и жмыхи, и отруби, но эти корма такъ хороши, что на нихъ имѣются охотники кромѣ русскихъ хозяевъ. Эти интенсивные корма — основу развитія продуктивнаго скотоводства — мы продаемъ за границу; за 10 лѣтъ вывозъ отрубей и жмыховъ увеличился втрое, и ежегодно наши мукомолы и маслодѣлы получаютъ за этотъ товаръ болѣе 20 милл. рублей. Нѣмцы могутъ оплатить интенсивные корма, несмотря на издержки провоза; наши хозяева не въ состояніи оплатить ихъ на мѣстѣ. Это весьма естественно, но при такихъ условіяхъ смѣшно думать о подъемѣ нашего скотоводства.

Мы продаемъ кормъ, необходимый для питанія нашего скота, — чему дивиться? Развѣ мы не продаемъ хлѣба, необходимаго для прокормленія собственнаго населенія? — яицъ, единственной животной пищи крестьянскихъ ребятишекъ? Все это — глубоко патологическія явленія, но они гармонируютъ съ общимъ ходомъ нашего хозяйства.

Итакъ, вотъ условія *подъема* русскаго скотоводства и коневодства: уменьшеніе луговъ и постоянно растущій «дефицитъ» сѣна; бесплодныя стремленія возмѣстить этотъ дефицитъ травосѣяніемъ; сбытъ за границу интенсивныхъ кормовъ. При такихъ условіяхъ поднять русское скотоводство можно, только создавъ породы животныхъ, которыя будутъ обходиться совсѣмъ безъ пищи. А такъ какъ существующія породы, русскія и иностранныя, на этотъ счетъ довольно требовательны, то что-же удивительнаго, если послѣ тридцатилѣтней работы намъ приходится «спасать», «возстановлять», «создавать» продуктивное скотоводство?

Понятно, что, сбывая за границу лучшіе корма (жмыхи, отруби) и терпя недостатокъ въ болѣе плохихъ (сѣно), мы не можемъ развивать и отраслей, связанныхъ съ скотоводствомъ, какъ, на примѣръ, молочное дѣло. И вотъ, послѣ многолѣтней работы, состояніе этихъ отраслей характеризуется у насъ классической фразой: «пора вывести наше молочное хозяйство изъ *зачаточнаго* состоянія», «пора вывести наше мясное скотоводство изъ *зачаточнаго* состоянія»...

Въ полной гармоніи съ этими основами хозяйства находятся и остальные его отрасли. Въ шестидесятихъ годахъ, послѣ изслѣдованій А. Н. Энгельгардта, возникли было одинъ или два

завода для разработки фосфоритовъ и лопнули. Въ восьмидесятихъ годахъ, послѣ опытовъ того-же Энгельгардта, дѣло это возродилось и съ виду упрочилось: возникъ цѣлый рядъ заводовъ, фосфориты съ успѣхомъ примѣнены въ частныхъ и крестьянскихъ хозяйствахъ, но... спросъ на нихъ падаетъ, и заводы частью закрылись, частью пріостановили работы и дышать на ладанъ. Всего минеральныхъ туковъ примѣняется у насъ 6.000,000 пудовъ ежегодно, т. е. удобряется не болѣе 300,000 десятинъ на всю Россію: количество, *практически* не многимъ большее нуля. И понятно, примѣненіе минеральныхъ туковъ можетъ развиваться только въ связи съ развитіемъ травосѣянія, съ преобразованиемъ полеводства, съ измѣненіемъ сѣвооборотовъ.

Возьмемъ- ли мелочи: какъ мы видѣли, крестьяне охотно покупаютъ и разводятъ куръ гудановъ, лангшановъ, плимутъ-рокъ,—но состояніе русскаго птицеводства, по свидѣтельству лучшихъ знатоковъ дѣла, архаическое, наши русскія куры мелкие, нетипичны, мало продуктивны и «представляютъ *непочатый* матеріалъ для улучшенія».

Если мы примемъ въ соображеніе, что главнымъ и почти единственнымъ поставщикомъ яицъ для нашего экспорта является крестьянство, что оно сбываетъ ихъ на 20 милліоновъ въ годъ, что въ скудномъ питаніи крестьянскаго ребенка яйцо играетъ роль существеннаго подспорья, то... то, во всякомъ случаѣ, мы перестанемъ удивляться высокой смертности среди крестьянскихъ дѣтей.

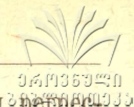
Въ утѣшеніе остается «Куроводка Марья», которая на рациональномъ птицеводствѣ нажила чуть-ли не юзовскіе дивиденды... Но увы! это личность миѳическая, изобрѣтенная остроуміемъ г. Селивановскаго въ видахъ распространенія правильнаго куроводства среди крестьянъ \*).

Садоводство: съ 1861 года у насъ начали устраиваться промышленные сады, питомники; въ результатъ наше садоводство находится, по изслѣдованіямъ министерства земледѣлія, «въ зачаткѣ своего развитія». А вотъ, Америка—та развела у себя русскія «боровинки», «аранки», «анисовки»—и продаетъ ихъ теперь даже въ Германію, такъ что нѣмецкіе садоводы начинаютъ вопить о конкуренціи.

Резюмируемъ: у насъ царитъ трехполье; убываютъ кормовыя средства, не возмѣщаясь травосѣяніемъ; падаютъ скотоводство и коневодство; чахнетъ молочное дѣло; не могутъ войти въ

\*) Селивановскій. Куроводка Марья. 1896.





употребленіе минеральные туки; т. е. хозяйство страны регрессирует, ухудшается, идетъ назадъ.

Если вы сравните это резюме съ заключеніемъ предыдущей статьи и найдете противорѣчіе, то прошу помнить, что въ этомъ противорѣчій виновна жизнь, а не вашъ покорнѣйшій слуга.

Жизнь сложилась такъ, что въ каждой отрасли земледѣлія — отъ основныхъ до мелкихъ — замѣчаются разомъ два теченія: прогрессивное, которое, какъ бы ни было серьезно и рационально по замыслу, не можетъ вырваться за предѣлы единичныхъ опытовъ, и регрессивное, которое захватываетъ массу хозяйствъ.

Какой сѣвооборотъ выбрать въ мѣстностяхъ, гдѣ — какъ въ большинствѣ нечерноземныхъ губерній — ядро культурныхъ старо-пахатныхъ земель (съ мизерными урожаями) окружено кольцомъ пустошей и суходольныхъ луговъ (съ ненастоящимъ лѣсомъ и плохой травой)? Вопросъ давно рѣшенный: многопольно-травяной сѣвооборотъ съ посѣвомъ клевера на нѣсколько лѣтъ и подсобнымъ фосфорнокислымъ удобреніемъ даетъ возможность съ наименьшей затратой силъ и средствъ поднять урожаи на старопахатной землѣ и пустить въ оборотъ богатства, накопленныя и втунѣ лежація въ пустошахъ и суходольныхъ лугахъ. Но извѣстной затраты силъ и средствъ, извѣстной жертвы, хотя-бы и временной, въ ожиданіи результатовъ, которые не сейчасъ скажутся, — онъ все-таки требуетъ. А средства давно уже выжаты силы истощены — и ждать *нельзя!* Надо теперь, сейчасъ, «какъ-нибудь» изворачиваться. И, вотъ, хозяева, которымъ надо жить землей и нельзя вести хозяйство на средства, добываемыя службой, литературой, торговлей и тому подобными «отхожими промыслами», — махнувъ рукой на всякія системы, переходятъ къ исполщину, къ хищническому хозяйству; берутъ съ земли, что можно взять, не затрачивая денегъ. И крестьяне (какъ въ вятской губерніи) не могутъ совладать съ землей, запускаютъ часть пашни въ пустошь, въ «запольную землю»; или, заведя клеверъ, не въ силахъ ввести его въ систему хозяйства, а также «балуются» имъ, какъ помѣщики, высѣвая пригоршню клеверку на «одворкѣ», на «гривкѣ», на «шматочкѣ» поля величиной съ ладонь. (Хотя, какъ увидимъ ниже, крестьяне все-таки проявляютъ большую энергію въ этомъ направленіи, чѣмъ частные владѣльцы).

То же и въ скотоводствѣ. Покупаютъ племенной молоднякъ голландскаго или альгаузскаго скота и держатъ его на діетѣ, которую едва выносить ко всему привычная «тасканка». Въ



результатъ, изъ голландскаго скота образуется коровенка съ тридцативедернымъ удоемъ, и отъ породы остается только названіе. Отсюда курьезное явленіе: въ Россіи существуютъ только «производители» голландской, швицкой, альгаузской, симентальской и пр., и пр. породъ, а самихъ породъ нѣтъ. «Производители» дѣйствуютъ на заводахъ, а ихъ приплодъ, разбредаясь по хозяйствамъ, вырождается. Почему? Потому, что для лучшей породы надо лучшей кормъ, лучшей уходъ, лучшее помѣщеніе,—а на это не хватаетъ силъ и средствъ.

Улучшать хозяйство можно, когда оно даетъ хоть мизерный доходъ. Но разъ оно доставляетъ только хроническій дефицитъ и въ лучшемъ случаѣ позволяетъ свести концы съ концами, улучшенія немыслимы. Вотъ ихъ и нѣтъ! И массѣ мужиковъ, и массѣ частныхъ владѣльцевъ земледѣліе позволяетъ только «вертѣться». Вотъ они и вертятся! Но «вертѣться» и «идти впередъ»—вещи, очевидно, не совмѣстимыя.

Вотъ уже тридцать лѣтъ русское хозяйство разводитъ пары, но чуть оно двинется, экономическія условія, не отъ хозяевъ зависящія, даютъ контръ-паръ, и машина пятится обратнымъ ходомъ.

Тридцать лѣтъ нашъ прогрессъ наклеивается и никакъ не можетъ вылупиться («пора вывести изъ зачаточнаго состоянія» etc.!), а регрессъ разрастается безпрепятственно

Вотъ краткое аргументи русскаго земледѣлія. Патологическій характеръ послѣдняго опредѣляется экономическими условіями, противъ которыхъ хозяинъ безсиленъ.

X IV.

**Роль „приспособленія“ въ русскомъ хозяйствѣ.**

Русское земледѣліе раздавлено тяжкими экономическими условіями. Еще не окрѣпшее, не набравшееся силъ, въ стадіи перелома,—оно было захвачено міровымъ кризисомъ, а вмѣсто поддержки и облегченія на него взвалили добавочный грузъ: «преуспѣваніе русской промышленности».

Измѣненіе этихъ условій могло-бы двинуть хозяйство впередъ. Конечно, противъ мірового кризиса даже наша канцелярія безсильна, но если-бы ежегодная дань въ 700—800 милліоновъ, которую русское земледѣліе выплачиваетъ промышленникамъ, расходовалась на хозяйство,—не топталось-бы оно на мѣстѣ, какъ теперь!

Надѣется-же министерство земледѣлія, при бюджетѣ въ 33 милліона (изъ которыхъ 29 приходится затрачивать собственно на содержаніе пекущихся о народномъ хозяйствѣ чиновниковъ),—поднять хозяйство страны.

Надо полагать, что 700 милліоновъ, израсходованные цѣликомъ на хозяйство, сдѣлали бы въ этомъ отношеніи побольше.

Но рассчитывать на измѣненіе экономическихъ условій по нынѣшнимъ временамъ не приходится. Г. Капиталь «все можетъ» и всемогуществу его никто не собирается положить предѣлъ. Г. Капиталь даже литературу покорилъ: усердно-вѣрные приспѣшники его, подъ маской сочувствія къ рабочимъ классамъ, славословятъ его побѣды и одолѣнія, воспѣваютъ хвалы «высшему типу человѣческой личности—кулаку» (г. Струве), рекомендуютъ отобрать у мужика «землю и избу» (г. Тугань-Барановскій) и на всѣ лады вопіють: «уготовьте путь Деруну! прямыми сдѣлайте стези ему!»

А г. Капиталь смотритъ да ухмыляется: «ладно! ништо! молодца!—служи!»



Но оставимъ литературу ренегатовъ и циниковъ, вернемся къ дѣлу.

Протекціонизмъ утвердился прочно и, по всему видно, будетъ «стоять непоколебимъ», какъ бы мы противъ него ни вопили.

Въ такомъ случаѣ надо сказать прямо, не закрывая глазъ на дѣйствительность: развитіе русскаго земледѣлія невозможно, надъ нимъ поставленъ крестъ!

Не можетъ оно развиваться, когда на его счетъ развивается промышленность. *Ceci tuera cela!*—отдавая послѣдніе соки на прокормленіе такого чудовищнаго клеща, организмъ земледѣльской Россіи долженъ изнуряться и ослабѣвать. Выплачивая въ пользу г. Капитала «дани и выходы», какихъ не вытягивала въ свое время Золотая Орда, земледѣлецъ долженъ разоряться.

Это ясно а priori, и, какъ мы старались доказать въ предъидущихъ письмахъ, сама жизнь подтвердила это, вмѣнивъ въ ничто всѣ попытки къ улучшенію и подъему нашего земледѣлія. Но пока люди живы, они будутъ копошиться, бороться, вертѣться, метаться, приспосабливаться, вырабатывая наиболе тяжкій *modus vivendi*, наиболе убыточные приемы и способы.

Какой-же *modus vivendi* возможенъ для русскаго земледѣлія? Какая система наиболе убыточна, если уже не можетъ быть выгодной? Какіе приемы и способы позволяютъ дольше протянуть? Поднимать-ли хозяйство во что-бы то ни стало, напрягая послѣднія силы, влѣзая въ долги, затрачивая всякій случайно перепавшій грошъ на улучшеніе обработки, интенсированіе сѣвооборота, введеніе плодосмѣна? Или, убѣдившись, что всякій незатраченный на хозяйство рубль есть рубль выигранный, сознательно и добровольно перейти къ хищническимъ приемамъ, сосредоточить всѣ свои усилія на вытягиваніи послѣднихъ соковъ, еще сохранившихся въ нашихъ земляхъ? Или, наконецъ, видя, что расходы возрастаютъ, а доходы умаляются, попытаться возстановить балансъ путемъ экономіи на свѣчныхъ огаркахъ, старыхъ подковахъ и т. п.? Смотрѣть, чтобы зола изъ печей не пропадала, а выносилась въ поле на удобреніе, какъ совѣтуетъ г. Вороновъ, чтобы корки и объѣдки послѣ рабочихъ не выбрасывались зря, а скармливались поросенку или птицѣ, какъ рекомендуетъ г. Ромеръ; чтобы старые подковы, гвозди, скобы и пр. не затеривались, а подбирались и сохранялись... Что вы думаете? Есть вѣдь совѣтчики, которые пресерьезно рекомендуютъ этотъ способъ борьбы съ кризисомъ путемъ экономіи на свѣчныхъ огаркахъ!



Совѣтовъ, вообще, много. Въ сельско-хозяйственной печати, на съѣздахъ, въ ученыхъ обществахъ предлагаются, въ жизни пробуются и испытываются самые разнообразныя рецепты, приемы и способы.

Русское земледѣліе, какъ неизлечимо больной, хватается за все: пробуетъ лечиться «своимъ средствомъ»; прибѣгаетъ къ шарлатанамъ и знахарямъ; обращается къ ученымъ докторамъ. Свое средство—«приспособленіе» къ хроническому дефициту, недоѣданію и недокармливанію—примѣняется главнымъ образомъ крестьянами; шарлатаны и знахари съ пилюлями и эликсирами, съ «доходными» растениями неслыханной продуктивности, дающими отмытый урожай на пескахъ и болотахъ, безъ удобренія и обработки, соблазняютъ легковѣрныхъ помѣщиковъ и создаютъ лихорадочныя увлеченія умѣло рекламированной дрянью—клещевинной, росичкой, гаолянью, кавказской живокостью, сахалинской гречихой, вагнеровской лѣсной чиною и т.п.,—на которой обжигались и будутъ обжигаться (потому что «*mundus vult decipi*»—міръ желаетъ обманываться, и ничего съ этимъ не подѣлаешь!) многіе изъ нашихъ хозяевъ; наконецъ, «доктора», ученые агрономы спорятъ главнымъ образомъ на тему: *интенсировать* или *экстенсировать* хозяйство? Остатъся-ли при зерновыхъ хлѣбахъ, или переходить къ культурѣ цѣнныхъ растений—масличныхъ, корнеплодовъ, стручковыхъ,—къ продуктивному ското-, свино-, птице- и проч. «водствамъ»?

Это, въ самомъ дѣлѣ, основной вопросъ, которымъ мы и займемся. Но сначала о «своемъ средствіи». Удивительная способность къ «приспособленію» играетъ такую важную роль въ судьбахъ нашего земледѣлія, составляетъ такую характерную біологическую особенность русскаго народа, и не только русскаго народа, но и русскихъ животныхъ, русскихъ лошадей и рогатаго скота, — что стоитъ сказать о ней нѣсколько словъ. Приспособленіе, конечно, пассивный приемъ, не относящійся къ техникѣ земледѣлія собственно, но въ нашемъ хозяйствѣ оно играетъ болѣе видную роль, чѣмъ активная борьба, улучшение техники, подъемъ культуры.

Специфическое отличіе нашего земледѣлія отъ западно-европейскаго въ томъ, что послѣднее борется съ кризисомъ, а наше *приспособляется* къ кризису.

Это возможно только благодаря біологическимъ особенностямъ нашего населенія, заслуживающимъ, по моему мнѣнію, спеціальнаго изслѣдованія со стороны физиологовъ и медиковъ.

Я имѣю въ виду способность примѣняться къ недостатку



средствъ, къ неполной сытости, къ «дефициту хлѣба» (у людей) и «дефициту сѣна» (у животныхъ),—способность вытягивать питательныя вещества изъ такихъ матеріаловъ, такого хлѣба или такихъ кормовъ, которые для западнаго работника, западной лошади, западной коровы оказались-бы ядомъ, а не пищей, и привели бы если не къ голодной смерти, то къ неизлечимому разстройству, подрыву жизненныхъ силъ. Особенную конституцію организма, который можетъ «спадать» съ тѣла» поразительно долгое время, не теряя, однако, жизненныхъ силъ, а затѣмъ, при мало мальски благоприятныхъ условіяхъ, такъ-же быстро отъѣдаться, нагуливать мясо и жиръ. Въ этомъ отношеніи русскій человѣкъ, русская корова и русская лошадь одинаково поражаютъ наблюдателя.

Здѣсь дѣло не въ простой выносливости, а, именно, въ способности быстро «входить въ тѣло», развивая огромную рабочую энергію или высокую молочность, или замѣчательную способность къ откорму: свойство біологическое, свойство расы, породы, типа.

Наблюденія въ этомъ смыслѣ надъ русскими людьми, безъ сомнѣнія, приходилось дѣлать всякому хозяину. Является къ вамъ крестьянинъ наниматься въ батраки. Вы видите: мужикъ, что называется, совсѣмъ извелся. Тощій, поджарый, съ землистымъ лицомъ—не одинъ, видно, мѣсяць «обманываль» голодъ, вмѣсто того чтобы «утолять» его! Прожилъ мѣсяць—узнать нельзя: такой сталъ дюжій да гладкій! А вѣдь харчъ у помѣщика немногимъ лучше деревенскаго: тѣ-же купоросныя щи изъ сѣрой капусты (правда, съ «убоинной», но и то не всегда), хлѣбъ, каша, картофель, творогъ, молоко—только досыта, а не впроголодь, какъ у себя дома. И вотъ, отъѣвши на такихъ харчахъ, раздобрѣвъ, растолстѣвъ, нагулявъ запасъ жира и мускуловъ, мужикъ снова уходитъ къ себѣ въ деревню, на свое хозяйство, на свою полосу, порученную во время отсутствія жены, снова вливается въ землю, снова борется за свою независимость.

Эта способность отъѣдаться почти на глазахъ у наблюдателя, напоминающая рассказы путешественниковъ о дикаряхъ, это приспособленіе организма къ хроническому голоду, оцѣнено представителями официальной Россіи. Вотъ, что говоритъ объ этомъ членъ ученаго комитета министерства финансовъ г. Гурьевъ:

«Говорятъ, что нашъ торговый балансъ покоится на вывозѣ предметовъ потребленія, необходимыхъ для самой страны. Го-





ворять, что мы вывозимъ не избытки производства, но просто таки сами не доѣдаемъ, а отдаемъ иностранцамъ. Охотно соглашаемся, что *это дѣйствительно такъ...* Однако, всемъ извѣстно, что мы, «не доѣдая», плодимся гораздо быстрее націй, наѣдающихся досыта. Очевидно, что мы *приспособились къ «недоѣданію»* въ такой степени, что о вымираніи населенія и сокращеніи, вслѣдствіе этого, производства не можетъ быть и рѣчи».

Эта способность «ни жить, ни умирать», оживая при благопріятныхъ условіяхъ, замирая при неблагопріятныхъ, играетъ важную роль въ борьбѣ русскаго крестьянства съ тяжелыми хозяйственными условіями. Она помогаетъ ему выдерживать натискъ капитализма, крупныхъ промышленниковъ и мелкихъ кулачишекъ и, выплачивая этимъ новымъ завоевателямъ «дани и выходы», сохранять свою независимость, удерживать за собою «землю и избу», основу экономической самостоятельности - въ ожиданіи лучшихъ временъ (если только имъ суждено когда-нибудь наступить).

Ту же біологическую особенность представляютъ русскія породы скота и лошадей.

Какъ, безъ сомнѣнія, извѣстно читателю, существуютъ различныя породы скота: молочныя, мясныя, рабочія. Способность давать много молока, или мяса, или рабочей энергіи есть біологическая особенность, связанная съ извѣстной конституціей организма и присущая тому или другому типу. Она представляетъ опредѣленную величину, которой можно *не получить*, если вы будете плохо кормить и содержать скоть, но которую *нельзя повысить* никакими кормами, такъ какъ она обусловлена органическими особенностями, присущими данному типу.

Высокая молочность или рабочеспособность, или способность къ откорму у западныхъ породъ связана съ болѣе или менѣе внушительной наружностью («экстерьеромъ»), крупными, красивыми формами, большимъ ростомъ и т. п.

Она связана также съ извѣстнымъ режимомъ: поставьте голландскую или альгаускую корову въ условія плохого корма, плохого ухода, плохого помѣщенія—корова живо утратитъ свою продуктивность, и притомъ сплошь и рядомъ невозвратно, такъ что потомъ ужъ никакими кормами и уходомъ не вернешь ей прежнихъ свойствъ. Опытовъ въ этомъ отношеніи было достаточно въ русскомъ хозяйствѣ: они даже подали поводъ къ неосновательнымъ, впрочемъ, жалобамъ на тему, что-де «славны бубны за горами», что захваленныя и прославленныя западно-европейскія породы вовсе не оправдываютъ своей славы и т. п.



Русскій скотъ въ этомъ отношеніи представляетъ собственное отличіе отъ европейскаго. Онъ обладаетъ способностью не только выносить режимъ, убійственный для западныхъ породъ, но и развивать, попавъ въ лучшія условія, высокую и неожиданную для такого невзрачнаго скота молочность или «мясность». Это обстоятельство подало поводъ къ учению о простомъ русскомъ скотѣ, который при жалкой, чахлой, дохлой наружности, при удивительно скромныхъ требованіяхъ насчетъ корма и ухода, превосходить въ отношеніи продуктивности всякихъ голландокъ и вильстермаршей. Тутъ значительная доза баснословія: если вы хотите создать стадо съ настоящими западными удоями ведерь въ 150—200 на кругъ, вамъ придется прибѣгнуть къ иностранному скоту. Изъ простого русскаго «навознаго», «тасканскаго» скота вы такого стада не создадите: даромъ только потратите деньги и хлопоты.

Но самое увлеченіе этой «теоріей русскаго скота» возникло изъ наблюденій надъ фактами. Дѣйствительно, изъ простыхъ русскихъ «коровенокъ» вы можете создать стадо съ приличными удоями, вовсе не соответствующими наружности скота, при сравнительно скромномъ содержаніи и кормѣ. То-же можно сказать о русскихъ лошадяхъ, о мясномъ и рабочемъ скотѣ. Въ сельско-хозяйственной прессѣ имѣются сообщенія хозяевъ относительно красной донской и друг. породъ, мелкорослыхъ и невзрачныхъ съ виду, которыя возбуждаютъ сомнѣніе въ своей хозяйственной годности, а между тѣмъ, при сносномъ содержаніи, развиваютъ значительную рабочую силу или даютъ быстрый приростъ мяса.

Извлекать питательныя вещества изъ самаго непитательнаго матеріала, долго сохранять въ потенціальномъ состояніи способность къ высокой молочности, быстрому откорму, рабочей энергіи; быстро развивать эти полезныя свойства при благоприятныхъ условіяхъ; затрачивать относительно малую часть корма на постройку и поддержаніе (статіку) организма (что и выражается невзрачной внѣшностью) и относительно большую на полезныя функціи этого организма,—таковы біологическія особенности русскаго челоука, русскаго лошади, русскаго коровы.

На эти особенности обращалось вниманіе въ русской литературѣ. «Въ крови у русскаго клячи есть привычка золотая — работать много, мало ѣсть»... говоритъ Некрасовъ. Но этого рода замѣчанія высказываются обыкновенно въ видѣ парадокса или шутки...





Однако, это не парадоксъ, и ужь, конечно, не пойдутъ на умъ шулки тому, кто пойметъ и оцѣнить это явленіе, эту особенность породы. Да, «мы приспособились къ недоѣданію» — какъ говоритъ г. Гурьевъ. Мужикъ и его помощницы и кормилицы — лошадь и корова — проявили и проявляютъ одинаковыя свойства въ этомъ отношеніи.

Мужикъ платитъ деньгами, пока онѣ есть, а когда перестаетъ насыщаться, отдаетъ уже не избытокъ продуктовъ, а часть, необходимую для поддержанія собственнаго организма въ нормальномъ состояніи.

Много ужь лѣтъ тяготѣетъ надъ нимъ эта своеобразная натуральная повинность, и является вопросъ, — къ чему же она приведетъ наконецъ?

Цитированный уже нами г. Гурьевъ высказываетъ успокоительныя взгляды на этотъ счетъ. Правда, онѣ замѣчаетъ мимоходомъ: «недоѣданіе можетъ быть вреднымъ для многихъ сторонъ нашего быта» («*можетъ быть* вреднымъ», — значить, членъ ученаго комитета мин. фин. все-таки сомнѣвается: можетъ быть недоѣданіе полезно, гигиенично?), но высказываетъ увѣренность, что о вымираніи не можетъ быть и рѣчи, что поэтому производство не сократится, и торговый балансъ не пострадаетъ.

Такъ! Это вѣрно! При недоѣданіи вполне возможно существовать привычному человѣку. Оно не ведетъ къ голодной смерти; оно выражается лишь апатіей, неспособностью работать такъ, какъ работаетъ сытый, сокращеніемъ «средней» продолжительности жизни, повышеніемъ «средней» смертности... Все это у насъ и есть: высокій  $\%$  смертности, малая продолжительность жизни, апатичность, неспособность работать по западному... Обиліе праздниковъ, которое такъ раздражаетъ нашихъ агрономовъ, «Никольщины», «Покровщины», «Николины батьки», «Загуляй—Богородицы», разныхъ чиновъ «Пятницы» — вотъ прямой и неизбѣжный результатъ недоѣданія, неполнаго насыщенія, питанія, при которомъ человѣкъ не столько *утоляетъ*, сколько *обманываетъ* голодь!.. Законы физиологіи неустраимы; организмъ *не можетъ* производить работу изъ ничего. Чудовищный прессъ, какимъ является русская промышленность для массы населенія, выжимаетъ всѣ его скудныя средства; мало того, задѣваетъ единственный мужицкій капиталъ — мозолистыя руки, привычныя къ работѣ, но ослабѣвающія отъ скуднаго питанія. Принужденный отдавать не только продукты своего труда, но и средства, необходимыя для развитія этого труда,

мужикъ платится за это «необходимостью праздновать» это обиліе праздниковъ — дань крестьянина тяжелымъ экономическимъ условіямъ, вычетъ изъ его мускульной силы въ пользу промышленника, кулака и прочихъ благодѣтелей; подать натурой: кровью, мясомъ и нервами.

Но это существованіе можетъ длиться годы, десятилѣтія, быть можетъ вѣка? Намъ, по нашему смиренству, ничего лучшаго не требуется.

А все таки тревожныя цифры сообщаетъ статистика, какъ насчетъ животныхъ, такъ и насчетъ людей. Какъ мы уже говорили, по даннымъ послѣдней конской переписи не только число лошадей въ Россіи уменьшается, но и замѣчается ихъ вырожденіе, измельченіе; увеличивается процентъ «недоростковъ» (лошадь меньше 1 арш. 14 вершк.; въ 24 губерніяхъ такихъ лошадей больше половины—56%—общаго числа головъ). Судя по исчезанію лучшихъ мѣстныхъ разновидностей рогатаго скота, съ нимъ происходитъ такое же превращеніе, выработка новой русской породы «недоростковъ». Насчетъ усиленія смертности отъ сибирской язвы мы уже говорили.

Наконецъ, зная, что если корова и лошадь хронически недокармливаются, то мужикъ хронически не доѣдаетъ; зная, что онъ сначала накормитъ лошадь, а ужъ потомъ самъ поѣсть, — мы можемъ заключить что и съ крестьянствомъ происходитъ та же исторія.

Г. Дедулинъ («Русскій Трудъ» 1898, № 14) указываетъ на постоянное повышеніе % неспособныхъ къ службѣ среди новобранцевъ и приводитъ слѣдующую таблицу:

Годъ набора.	Принято на службу.	Забраковано.	% забракован. по отношенію къ принятымъ.
1890	260,934	168,364	64,52
1891	259,926	168,955	65,00
1892	261,014	173,080	66,31
1893	254,844	155,417	61,04
1894	269,102	190,938	70,95
1895	274,082	208,706	72,53
1896	278,424	219,641	78,92

Выходитъ ужъ нѣчто большее, чѣмъ приспособленіе! Совершается превращеніе въ «недоростковъ», въ лиллипутовъ! Лошадь все болѣе и болѣе превращается въ «лошаденку», корова въ «коровенку», неужто и мужику суждено превратиться въ «мужиченку»!



С. П. ПЕТРОВСКИЙ  
1882

Вотъ главный способъ борьбы съ кризисомъ, практикуемый большинствомъ русскаго земледѣльческаго населенія. Печальный способъ! Надо быть нео-марксистомъ, чтобъ приходить въ восторгъ, читая приведенныя выше цифры. Надо быть «вождемъ» марксистовъ, чтобъ доходить въ этомъ восторгѣ до такого цинизма, какъ г. П. Струве, который, слушая въ засѣданіи ученаго общества докладъ объ оскудѣвшей области, оставшейся безъ хлѣба, безъ картофеля, безъ сѣна и пр.,—начинаетъ подплясывать и припѣвать: «хлѣба нѣтъ! соли нѣтъ! смѣхъ какой!»

Но мы, если и можемъ выудить что-нибудь утѣшительное въ явленіи «приспособленія»,—такъ развѣ его роль въ борьбѣ крестьянства съ капитализмомъ, происходящей на нашихъ глазахъ. Благодаря этой біологической особенноти типа, да заручившись въ 1861 году двумя козыришками, земельнымъ надѣломъ и сохраненіемъ общины,—крестьянство быть можетъ еще одержитъ верхъ въ этой великой «войнѣ за независимость».

Теперь мы обратимся къ болѣе активнымъ способамъ борьбы съ кризисомъ, а именно—къ самому популярному, усердно рекомендуемому рецепту,—«интенсированію хозяйства».

---

V.

### Интенсированіе хозяйства.

Міровой кризисъ выражается паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, которыя перестаютъ окупать издержки производства. На это жалуются хозяева всѣхъ странъ, не одной Россіи; только западное хозяйство отвѣчаетъ на кризисъ усиленнымъ *подъемомъ* земледѣлія, улучшеніемъ обработки и удобренія, интенсированіемъ, повышеніемъ урожаяевъ; словомъ, кризисъ прищипориваетъ, подгоняетъ западныхъ хозяевъ. Нормальный-ли это подъемъ, — другой вопросъ. Есть данныя, изъ которыхъ можно заключить, что это — болѣзненное, лихорадочное напряженіе силъ; что оно достигло уже кульминаціоннаго пункта, за которымъ должно послѣдовать крушеніе, надрывъ. Но здѣсь мы не будемъ объ этомъ распространяться, такъ какъ имѣемъ въ виду собственно русское хозяйство.

Глядя на западное преуспѣяніе, наши агрономы соблазняются и рекомендуютъ русскому земледѣлію переходить къ болѣе интенсивнымъ системамъ, сокращать площадь пара (пашни отдыхающей, пустующей), усиливать удобреніе, совершенствовать обработку, вводить плодосмѣнъ, замѣнять «сѣрые» хлѣба болѣе цѣнными растеніями — корнеплодами, прядильными, масличными, — развивать продуктивное «животноводство».

Зерновые хлѣба не вывозятъ; рожь, пшеница, овесъ, ячмень плохо оплачиваются на міровомъ рынкѣ; намъ сбиваютъ цѣны Соединенные Штаты, Аргентина, Австралія, Индія. Сократимъ же посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ; станемъ откармливать Европу говядиной, свининой, бараниной, поить молокомъ, угощать масломъ, фруктами, лечить аптечными травами, одѣвать въ полотно, шерсть и шелкъ. А она намъ за это будетъ денежки отваливать.



Жизнь, какъ мы знаемъ, отвѣтила на эти приглашенія рѣшительнымъ отказомъ: интенсивныя формы хозяйства играютъ въ нашемъ земледѣліи самую подчиненную, можно сказать, исчезающую роль.

Тутъ нѣтъ ничего страннаго, потому что приглашенія казеннокоштныхъ агрономовъ, во-первыхъ, неисполнимы, во-вторыхъ, не рациональны. Неисполнимы, какъ совѣтъ доктора нищему пациенту: ѣшь виноградъ, пей мадеру, а на лѣто отправляйся въ Неаполь; нераціональны потому, что осуществленіе ихъ (если-бы какимъ-нибудь чудомъ оно оказалось возможнымъ) провалить русское земледѣліе въ худшую яму, чѣмъ нынѣшняя.

Интенсированіе хозяйства для Россіи вообще (не показной, не Россіи богатыхъ любителей и опытныхъ фермъ) — невозможно по двумъ причинамъ: 1) денегъ нѣтъ и достать ихъ негдѣ, 2) рынка нѣтъ и завоевать его нельзя.

Первая причина — отсутствіе денегъ — такъ проста, элементарна, азбучна, что съ ней никакъ не можетъ примириться черезчуръ умный агрономъ. Денегъ нѣтъ! — это такъ вульгарно, первобытно, наивно.. нѣтъ, такую простую вещь не въ силахъ переварить ученѣйшій агрономъ, причисленный къ ученѣйшему департаменту, и во что бы то ни стало стремится отыскать «тонкую и болѣе политическую причину».

И, однако, эта простая причина стоитъ поперекъ дороги всякимъ улучшеніямъ. Ни у помѣщиковъ, ни у крестьянъ нѣтъ средствъ на подъемъ хозяйства. Ихъ капиталы исчерпываются долгами и недоимками, въ которыхъ увязли землевладѣльцы и земледѣльцы. Задолженность частнаго землевладѣнія превышаетъ миллиардъ (не считая долговъ по вторымъ закладнымъ, подъ соло-векселя и т. п.); крестьянская — свыше двухъ миллиардовъ.

Свободныхъ капиталовъ въ Россіи немного, а какіе есть — оттягиваются отъ земледѣлія къ промышленности, дающей бѣдно-бѣдно процентовъ 20—30, благодаря покровительственной системѣ.

Долги, недоимки, отливъ капиталовъ къ промышленности, — вотъ почва для интенсированія хозяйства.

А вѣдь интенсированіе — связанное съ перестройкой всей системы хозяйства — требуетъ громадныхъ затратъ въ ожиданіи *будущихъ* благъ.

Въ качествѣ спасительныхъ отраслей хозяйства рекомендуютъ: а) посѣвы масличныхъ и прядильныхъ растеній; б) пло-



досмѣнъ (посѣвъ корнеплодовъ); с) продуктивное животноводство.

Масличные и прядильныя (ленъ, конопля, подсолнухъ, рапсъ озимый и яровой, рыжей) требуютъ, въ среднемъ, *вдвое* болѣе питательныхъ веществъ (азота и минеральныхъ солей), чѣмъ зерновые хлѣба. Оттого они и называются «истощающими» землю. Значить, введеніе ихъ въ систему хозяйства потребуетъ *удвоенныхъ затратъ на удобрение и обработку* (потому что дѣйствіе удобрения тѣсно связано съ механической обработкой земли, и безъ улучшенія обработки усиленное удобрение не пойдетъ въ прокъ растеніямъ).

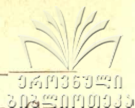
Но перечисленныя растенія можно ввести въ озимомъ и яровомъ клину, не ломая принятой системы полеводства. Введеніе корнеплодовъ потребуетъ несравненно большихъ затратъ и большей ломки. У насъ и теперь сѣютъ картофель и свеклу помѣщики и крестьяне въ огородахъ, частью и въ полѣ, въ яровомъ клину. Но рѣчь идетъ не объ этомъ, — совѣтуютъ вводить посѣвы корнеплодовъ, какъ торговопромышленныхъ и кормовыхъ растеній (картофель для крахмальныхъ и винокуренныхъ заводовъ, свекловица для сахарныхъ, кормовые: картофель, свекла, морковь, турнепсъ)—для чего придется выдѣлять подъ нихъ четвертое поле, т. е. создавать болѣе или менѣе сложный плодoperемѣнный сѣвооборотъ. Тутъ потребуетъ затрата гораздо большей энергіи и средствъ на данную площадь земли, чѣмъ при трехпольѣ, глубокая и сложная обработка, какой требуютъ корнеплоды, усиленное удобрение. Одна обработка потребуетъ удвоенія живого и мертваго инвентаря (орудій и рабочаго скота); а мы знаемъ, въ какомъ состояніи находится у насъ живой и мертвый инвентарь.

Подъемъ скотоводства, созданіе продуктивнаго мясного, молочнаго скота также мудро произвести при отсутствіи денежныхъ средствъ. Надо создать самыя породы скота, создать кормы (травосѣяніе въ широкихъ размѣрахъ, кормовые корнеплоды), улучшенныя помѣщенія, болѣе опытный персоналъ скотниковъ, маслодѣловъ и пр., и пр.—ва все это нужны деньги, которыхъ нѣтъ.

Надо понять эту простую истину, съ которой никакъ не могутъ примириться проповѣдники интенсироваія хозяйства.

Въ лучшемъ случаѣ хозяйство даетъ возможность сводить концы съ концами; въ большинствѣ случаевъ сопровождается дефицитомъ.

При такихъ условіяхъ невозможно интенсировать хозяйство



въ ожиданіи барышей, которые когда-то еще получатся. Специфическая черта русскаго земледѣлія — *невозможность ждать*. Мы постоянно, непрерывно переживаемъ «трудную минуту», которая такъ никогда и не кончается, и чтобы какъ-нибудь вывернуться, хватаемся за все, превращаемъ въ деньги то, что необходимо для собственнаго существованія; подрубаемъ сукъ, на которомъ сидимъ. Развѣ не ясно говорятъ объ этомъ таблицы нашего экспорта—вывозъ хлѣбовъ, кормовъ, яицъ? Возьму для иллюстраціи маленькій, но характерный примѣръ. Пониженіе желѣзно-дорожныхъ тарифовъ вызвало усиленный подвозъ сѣна въ Петербургъ, крайне понизивъ цѣну на этотъ продуктъ, къ огорченію при-питерскихъ хозяевъ. Везутъ сѣно изъ рязанской и т. п. губерній. Вы думаете, у нихъ самихъ, въ рязанской-то губерніи, избытокъ кормовъ? Какой ужъ избытокъ!—такой-же дефицитъ, какъ и вездѣ,—такъ-же точно своя скотина пропадаетъ на прѣлой соломѣ, и вырабатывается оригинальная русская порода «недоростковъ». Изъ новгородской губерніи крестьяне сбываютъ въ Петербургъ солому (въ одномъ Новгородѣ скушается ежегодно около 200,000 пудовъ для отправки въ столицу), въ ущербъ своей скотинѣ и полямъ (на которыя солома должна-бы была возвратиться въ видѣ удобренія).

Въ 1893 году, когда въ Западной Европѣ жестокая засуха вызвала неурожай травъ, мы сплывили за границу массу сѣна, и нѣкоторые агрономы даже радовались этому подъему экспорта—а тѣмъ временемъ вырожденіе и измельчаніе русскаго скота и лошадей шло полнымъ ходомъ.

Вотъ яркій образчикъ нашего хозяйничанья. Чуть представилась возможность сбыта, мы готовы сбывать все, махнувъ рукой на послѣдствія, потому что деньги нужны сейчасъ, сію минуту, до зарѣзу; и этотъ «зарѣзъ» сталъ хроническимъ.

У хозяевъ карманы пусты; ожидать прилива капиталовъ къ земледѣлію напрасно: они льнутъ къ промышленности. Какъ показываютъ данныя о движеніи земельной собственности, въ послѣдніе годы уменьшаются покупки земель купцами, и понятно: нѣтъ расчета коммерческому человѣку помѣщать деньги въ такое невыгодное предпріятіе.

Итакъ, отсутствіе средствъ—вотъ первое и непреодолимое препятствіе къ «интенсированію русскаго земледѣлія».

Могутъ спросить: откуда-же находить средства западное земледѣліе?

Это не трудно объяснить: 1) кризисъ захватилъ европейское



хозяйство въ цвѣтущемъ состояніи, набравшемся силъ и средствъ для продолжительной борьбы; 2) тамъ не требовалось *ломки*, а нужно было только *улучшеніе*, что большая разница. Тамъ, если можно такъ выразиться, хозяйство уже шло полнымъ ходомъ, когда кризисъ попытался сбросить его съ рельсовъ: для борьбы съ нимъ пришлось только усилить, а не разводить пары; 3) западное хозяйство борется съ кризисомъ,— и только, промышленность помогаетъ ему въ этой борьбѣ, постоянно улучшая и удешевляя свои фабрикаты; у насъ не то: «побѣдно шествующій» (по живописному выраженію г. Струве) капитализмъ въ Россіи захромалъ на обѣ ноги и уже не «шествуетъ», а «выѣзжаетъ» на спинѣ земледѣльца.

Вникните въ эти условія и скажите, чего можно ожидать и требовать отъ русскаго земледѣлія?

У мужика одинъ капиталъ: рабочая сила, мозолистая руки. Оставайся за расходомъ на нынѣшнее экстенсивное хозяйство хоть какойнибудь излишекъ этого капитала, его можно бы было вложить въ «интенсивованіе». Если-бы, на примѣръ, улучшилось питаніе населенія, излишекъ пищи породилъ-бы избытокъ рабочей энергіи, которая и нашла-бы приложеніе въ подъемѣ хозяйства. Если бы повысилась оплата труда (доходящая нынѣ при япольщинѣ до 10—12 и даже до 5 коп. за день!) или уменьшилась хроническая задолженность мужика кулакамъ и кулачишкамъ, въ его распоряженіи оказалась-бы извѣстная сумма рабочихъ дней, которую онъ могъ-бы ухлопать на «разнообразіе культуръ» и т. п. Но рабочія силы земледѣльческаго населенія напряжены до послѣдняго градуса, и даже—какъ сообщаетъ намъ офиціальная статистика—больше, чѣмъ могутъ выдержать («недобданіе» и его результаты).

Что у мужика съ трудомъ, то у землевладѣльца съ деньгами.

Интенсивованіе хозяйства *слѣдуетъ* за подъемомъ благосостоянія, а не предшествовать ему.

Такъ было всюду въ западно-европейскихъ странахъ, гдѣ улучшение общихъ условій вызывало подъемъ благосостоянія, за которымъ уже слѣдовалъ переходъ къ болѣе сложнымъ интенсивнымъ системамъ, въ свою очередь, поднимавшимъ благосостояніе еще выше...

Но если-бы даже удалось высосать денегъ изъ пальца, то ихъ не стоило-бы тратить на реорганизацію хозяйства въ смыслѣ интенсивности, потому что съ этой интенсивностью мы попали-бы въ петлю, какъ постараемся доказать въ слѣдующей главѣ.



## VI.

### **Производство продуктовъ, которые некуда сбыть, какъ способъ борьбы съ кризисомъ.**

Въ 80-хъ годахъ наше сельско-хозяйственное начальство много хлопотало о развитіи русскаго свиноводства и усиленіи экспорта свинины. Представитель департамента земледѣлія ѣздилъ за границу отыскивать рынки и организовать сбытъ.

Дѣло это «не выгорѣло», экспортъ не развился, а состояніе русскаго свиноводства такъ характеризуется специалистами: «у насъ есть кормъ, необходимый для свиней, а свиноводства нѣтъ. 10 милл. свиней, которые по статистическимъ даннымъ числятся на Руси, представляютъ собою стада страждущихъ животныхъ, предназначенныхъ для уничтоженія кормовыхъ отбросовъ; это своего рода санитарные батальоны помѣщичьихъ дворовъ».

Въ 90-хъ гг. много толковали о развитіи мясного скотоводства въ Россіи и объ экспортѣ русскаго мяса. Представитель департамента земледѣлія ѣздилъ за границу отыскивать рынки и организовать сбытъ.

И эти попытки остались безплодными: мясное скотоводство въ Россіи не развивается, экспортъ не создается.

Въ послѣдніе годы занимались вопросомъ о сбытѣ русскихъ молочныхъ продуктовъ. Представитель департамента земледѣлія ѣздилъ за границу отыскивать рынки и организовать сбытъ.

Хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, и наши молочные продукты не завоевали иностраннаго рынка.

Воздадимъ должное энергіи людей, такъ усердно пекущихся о созданіи внѣшняго рынка для русскаго земледѣлія; но результаты двадцатилѣтнихъ переѣздовъ изъ Россіи за границу и обратно въ погонѣ за вѣчно ускользающими рынками все-таки не внушаютъ намъ розовыхъ надеждъ.



Если втеченіе минуваго двадцатилѣтія погоня за вышними рынками оставалась безплодною, то можно ли надѣяться, что въ будущемъ двадцатилѣтіи она принесетъ плоды?

Къ лучшему или къ худшему мѣняются условія нашего экспорта?

А вышній рынокъ безусловно необходимъ, если мы интенсифицируемъ наше хозяйство не въ игрушечныхъ размѣрахъ, а въ серьезъ.

Правда, у насъ есть колоссальный внутренний рынокъ: 130-ти миллионное населеніе.

Но покупательная способность этого рынка исчерпана, запросы его удовлетворены; онъ наполненъ до такой степени, что не принимаетъ болѣе мало-мальски цѣнныхъ продуктовъ.

Столичные рынки даже при нынѣшнемъ, «зачаточномъ» состояніи нашего скотоводства, молочнаго дѣла etc. переполнены до того, что цѣны идутъ на пониженіе (напр., цѣны на масло въ Петербургѣ понизились за три года съ 16—18 р. на 12—13, на мясо—на 1 р. въ пудѣ), и хозяева принуждены сокращать свое зачаточное производство.

До какой степени исчерпана покупательная способность нашего населенія, видно изъ такой, на примѣръ, характерной мелочи: къ намъ ввозятся изъ заграницы дрянные сорта шерсти (такъ называемая капская, подпарокъ, камвольные очески и т. п.) и подрываютъ наше овцеводство, потому что населеніе покупаетъ эту дешевую дрянъ, а отъ хорошей, но болѣе дорогой, русской шерсти отказывается.

Конечно, если-бы можно было поднять благосостояніе русскаго потребителя, то намъ-бы и хлопотать не пришлось о заграничныхъ рынкахъ. Если-бы, на примѣръ, русское населеніе потребляло только вчетверо меньше сахара, чѣмъ англійское (въ Англии на душу населенія потребляется 40 килограм., т. е. около 100 фунтовъ сахара, у насъ — 8 фунтовъ), то нашъ внутренний рынокъ потребовалъ-бы слишкомъ 80 миллионныхъ пудовъ сахара вмѣсто 27 мил. пудовъ, какъ нынѣ. Наше сахарное производство могло-бы удвоиться, тогда какъ теперь его приходится нормировать, т. е., въ сущности, тормозить его развитіе, отнимая такимъ образомъ у свекловицы всякое значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи хозяйства.

Лишній фунтъ мяса на душу населенія увеличилъ-бы внутреннее потребленіе на  $3\frac{1}{4}$  мил. пуд., причемъ внутренний рынокъ поглотилъ-бы весь нашъ нынѣшній экспортъ; а если-бы мы ѣли вдвое меньше мяса, чѣмъ американцы (т. е. 85 фун-





товъ на душу вмѣсто 50), наше населеніе потребовало — бы 114 мил. пудовъ сверхъ нынѣшняго потребленія, и пришлось бы возить мясо въ Россію изъ Америки и Австраліи на пароходахъ-рефригаторахъ.

Да! не говоря уже о такой идеальной для насъ степени благосостоянія, при которой русское населеніе было-бы *только вдвое бѣднѣе* западно-европейскаго, малѣйшій подъемъ, малѣйшее измѣненіе экономическихъ условій въ благопріятную сторону—при такой громадѣ населенія—порѣшили-бы вопросъ о рынкѣ, избавивъ министерство отъ хлопотъ, а его представителей отъ утомленія.

Но при этомъ сами собой отпали-бы всѣ заботы объ интенсированіи. Подъемъ благосостоянія сказался бы прежде всего на простыхъ хлѣбахъ. Сначала усилилось-бы внутреннее потребленіе овса, клевера и прочихъ кормовъ (это замѣчено въ урожайные годы: прежде всего растетъ спросъ на овесъ), затѣмъ хлѣба и водки — и уже потомъ молока, масла, мяса и проч. Можно сказать, не опасаясь преувеличенія, что, при настоящемъ, полномъ и сытомъ, питаніи нашего населенія, мы потребимъ всѣ свои хлѣба, по крайней мѣрѣ «сѣрые» (рожь и овесъ), такъ что о внѣшнихъ рынкахъ и хлопотать не придется. Населеніе станетъ ѣсть хлѣбъ *безъ суррогатовъ*. Станетъ ѣсть *свѣжій* хлѣбъ, не сберегая корокъ и объѣдковъ, а скармливая ихъ собакамъ и свиньямъ. Станетъ ѣсть хлѣбъ *лучшаго качества*. Дѣло въ томъ, что теперешній «чистый» хлѣбъ — очень относительной чистоты. Въ немъ остается много всякой дряни; сѣмена костра (сорной травы), напримѣръ, не отвѣваются: это крупныя сѣмена, содержація довольно значительную долю питательныхъ веществъ, на которую мужицкій желудокъ не обижается. Далѣе мука идетъ на хлѣбъ не просѣянная. Но при подъемѣ благосостоянія станутъ просѣивать ее сквозь сито, отдавая отсѣвки, отруби скоту или птицѣ. Если такимъ образомъ потребленіе ржи повысится на 10 проц. (а такое повышение достигнется на одной чистотѣ хлѣбовъ, такъ какъ примѣсь отрубей, костра, лебеды и проч. составляетъ врядъ-ли менѣе 10 проц. въ мужицкомъ хлѣбѣ), то намъ уже ничего не придется сбывать за границу: вся рожь будетъ съедена дома. Если-же потребленіе поднимется на 50 проц., придется значительно расширить посѣвы сѣрыхъ хлѣбовъ.

Конечно, я рисую неосуществимую идиллію. По всему видно, благосостояніе нашего населенія пока еще идетъ не къ повышенію. Но въ такомъ случаѣ неосуществимы мечты о подъемѣ



и интенсированіи хозяйства. Если внутренней рынокъ для насъ закрыть, потому что не въ силахъ покупать даже малоцѣнныхъ хлѣбовъ, то на внѣшніе рынки насъ не пустятъ наши болѣе ловкіе соперники.

Не одна Россія додумалась до интенсированія хозяйства, разнообразія культуръ, созданія цѣнныхъ продуктовъ. Остальныя государства, не будь глупы, давно уже взялись за это дѣло и въ значительной мѣрѣ осуществили его.

Такъ, Америка (С. Штаты) заваливаетъ Европу не только зерномъ, но и (все въ большихъ и большихъ размѣрахъ) мясомъ, масломъ, фруктами (Австро-Венгрія и Германія уже поднимаютъ вопль о «кризисѣ садоводства» вслѣдствіе конкуренціи американцевъ), кожами, живымъ скотомъ.

Аргентина успѣла уже развить сахарную промышленность, далеко превышающую внутреннее потребленіе, и скотоводство, продукты котораго (живой скотъ, мороженное мясо, баранину, свинину, шерсть, кожи) сбываетъ въ Европу; и усиливаетъ разведеніе льна, табака и винодѣліе.

Австралія усиливаетъ вывозъ шерсти, мяса, масла, фруктовъ, вина; развиваетъ табаководство и шелководство.

Венгрія, наша европейская соперница по части хлѣбовъ, создала у себя коневодство и садоводство, такъ что сплавляетъ теперь за границу лошадей и продукты скотоводства.

Новая Зеландія развиваетъ, главнымъ образомъ, маслодѣліе и сыровареніе, и за 10 лѣтъ увеличила вывозъ масла и сыра въ Европу всемеро (съ 1.172,000 на 8.856,000 фр.).

Старыя (въ смыслѣ сельско-хозяйственной культуры) европейскія страны, какъ Германія, Франція, Данія и другія, также взапуски другъ передъ дружкой интенсируютъ хозяйство въ расчетѣ возмѣстити убытки отъ хлѣбовъ барышами на болѣе цѣнныхъ продуктахъ; загораживаются отъ сосѣдей ввозными пошлинами и усиливаютъ вывозъ молока, сыра, мяса и проч.

Результатъ — отчаянная борьба за рынки и вопли о перепроизводствѣ уже не зерновыхъ хлѣбовъ, а цѣнныхъ продуктовъ, которые, благодаря этому перепроизводству, обезцѣниваются.

Съ однимъ изъ этихъ продуктовъ — сахаромъ — дѣло уже покончено. Теперь, когда Америка загородилась макъ-килеевскими пошлинами, и для странъ-производителей сахара остается единственный рынокъ, Англія, сахарной промышленности совѣмъ, какъ говорится, крышка! Германія должна сбыть за границу около 1.000,000 тоннъ сахара, Австрія приближи-



тельно то-же количество, Франція 250,000 тоннъ... куда чинъ дѣвать? Приходится нормировать производство, какъ это сдѣлано въ Россіи, а въ прошломъ году въ Германіи. Но, какъ мы уже замѣтили выше, это значить отнимать у «интенсивной культуры» свекловицы ту самую роль, во имя которой рекомендуютъ хозяйству взяться за интенсивныя культуры!

Судьбы сахарной промышленности совершились быстрѣе, благодаря внутреннимъ акцизамъ на сахаръ, болѣе или менѣе значительнымъ въ разныхъ странахъ. Но та же судьба грозитъ и остальнымъ цѣннымъ продуктамъ. Серьезный то рынокъ одинъ для всѣхъ странъ: Англія, которая осталась вѣрной принципамъ свободной торговли и принимаетъ съ благодарностью мясо изъ С. Штатовъ, Аргентины, Австраліи, масло изъ Германіи, Франціи, Голландіи, Дави и проч., сахаръ изъ всѣхъ европейскихъ странъ и т. д. Это какое-то «брюхо міра» невѣроятной вмѣстимости, но все-же и его объемы не безконечны. А наполняютъ его усердно: съ 1885 по 1893 г. стоимость ввоза говядины въ Англію возросла съ 12 милліоновъ франковъ на 102 милліона, живого рогатаго скота съ 33 милліоновъ на 176, сала и ветчины съ 15 милліоновъ на 284, масла съ 61 на 318, сыра съ 25 на 129, яицъ съ 5,9 милліоновъ на 96,8 милліоновъ франковъ.

Общая стоимость ввезенныхъ въ Англію сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, по даннымъ Бигга, составляла въ 1886 г. —2.322,800,000 фр., а въ 1893 г.—3.117,615,000 фр.

За шесть лѣтъ ввозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ увеличился на 34%, на сумму 31.792.616 фунт. стерл., т. е. почти на 300 милліоновъ рублей!

Въ послѣдніе годы ввозъ продуктовъ животноводства, мяса всякихъ родовъ, сортовъ и способовъ приготовленія, битой птицы, яицъ, молочныхъ продуктовъ, овощей, фруктовъ растетъ *crescendo*.

Стоимость ввоза рогатаго скота, говядины, солонины по даннымъ англійскаго «Board of trade» за одинъ годъ (1896—97) увеличилась на 943,633 фунта стерлинговъ.

Ввозъ масла въ Англію за одинъ годъ (1894—95) увеличился на 127,430 двойн. центн. (около 800,000 пуд.).

До сихъ поръ пищевареніе этого «брюха міра» не испортилось; однако, не далекъ моментъ, когда оно будетъ переполнено. Объ этомъ говоритъ быстрый и возрастающій ростъ экспорта изъ всѣхъ перечисленныхъ выше странъ и начавшееся уже паденіе цѣнъ на мясо, масло, свинину, баранину.





По изслѣдованіямъ англійской комиссіи, опубликованнымъ въ 1897 г., за послѣднія 20 лѣтъ цѣна мяса понизилась на 24—40%, баранины на 20—30%, шерсти на 50%, молока, масла и сыра на 30%.

Благодаря, главнымъ образомъ, англійскому рынку, развивается скотоводство въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ, Аргентинѣ, Австраліи. Кромѣ рынка, Англія помогла этимъ странамъ въ другомъ отношеніи, доставляя племенныхъ животныхъ, производителей: овецъ—соутдауновъ, оксфордширдауновъ и пр., свиней—беркшировъ и іоркшировъ, лошадей—шайровъ и клайдесделей, быковъ—дургамовъ, ангусовъ, шортгорновъ. «Производителями» Англія и сейчасъ торгуетъ довольно ходко; другія страны выписываютъ ихъ, улучшаютъ свое скотоводство, а затѣмъ заваливаютъ Англію мясомъ, молокомъ, саломъ и пр. Результаты такого обмѣна услугъ уже начинаютъ сказываться: въ послѣдніе годы уменьшается вывозъ изъ Англіи дорогихъ лошадей шайровъ и клайдесделей; раньше ихъ выписывали, главнымъ образомъ, Канада и С. Штаты, теперь не выписываютъ: своихъ завели и поставляютъ въ Европу. Точно такъ же Ла-Плата съ успѣхомъ улучшила свой скотъ посредствомъ англійскихъ дургамовъ и шортгорновъ, и въ Англіи съ удивленіемъ замѣчаютъ, что доставляемые изъ Аргентины мясо и живой скотъ, пожалуй, лучше англійскихъ, — и обнаруживаютъ всѣ признаки знатной крови, «pedegree blood».

Что-жь, неужели можно серьезно, не шутя, думать, что намъ удастся вытѣснить нашихъ конкурентовъ на міровомъ рынкѣ? Долженъ-же чему-нибудь научить опытъ прежнихъ лѣтъ! Если до сихъ поръ не удавались попытки организовать экспортъ въ серьезныхъ размѣрахъ, то можно-ли питать надежду на успѣхъ въ будущемъ, когда онъ съ каждымъ годомъ становится труднѣе и недостижимѣе вслѣдствіе возрастающей конкуренціи, обращенія всѣхъ странъ въ интенсивному хозяйству, растущаго производства цѣнныхъ продуктовъ?

Если мы не могли ничего подѣлать, когда брюхо міра было еще далеко отъ наполненія, а наши соперницы—Аргентина, Канада, Австралія, Новая Зеландія и др.—только еще собирались создавать продуктивное скотоводство, молочное дѣло, интенсивное хозяйство, то что подѣлаемъ теперь, когда наши конкуренты уже создали новыя производства и завоевали рынокъ, который вдобавокъ уже близокъ къ переполненію?

Сравните условія наши и заграничныя.

Въ отношеніи зерновыхъ хлѣбовъ у насъ есть преимуще-





941935940  
302000000000

ства передъ иностранцами: дешевизна труда и обиліе пустующихъ земель, которыя при малой затратѣ энергіи и первобытныхъ способахъ обработки даютъ сносные урожаи. Такимъ образомъ, производство простыхъ хлѣбовъ обходится намъ относительно дешевле, чѣмъ европейцамъ и даже хозяевамъ Аргентины, дальняго запада С. Штатовъ и т. п. (тамъ, на новыхъ земляхъ, примѣняются такіе-же первобытные способы культуры, какъ у насъ, но рабочія руки дороже).

*Но всякое усложненіе, всякое интенсированіе культуры обходится намъ относительно дороже, чѣмъ заграничѣ.* Такъ что, переходя къ болѣе совершеннымъ (съ учено-агрономической точки зрѣнія) приемамъ хозяйства, мы все болѣе и болѣе теряемъ шансы въ борьбѣ за рынки. Интенсивное хозяйство требуетъ улучшенной обработки: намъ она обходится вдвое-втрое дороже, чѣмъ европейцамъ, изъ-за дороговизны желѣза и машинъ.

Интенсивное хозяйство требуетъ широкаго примѣненія минеральныхъ удобреній: селитры, каинита, суперфосфата, томасова шлака и пр., которые намъ приходится выписывать изъ за-границы, оплачивая пошлину и издержки провоза, такъ что полное минеральное удобреніе обойдется русскому хозяину *двѣнадцатью рублями на десятину* дороже, чѣмъ заграничному.

Интенсивное хозяйство требуетъ грамотныхъ, развитыхъ рабочихъ, технической опытности и пр.—у насъ этого ни за какія деньги не достанешь.

На каждомъ гвоздѣ, подковѣ, плугѣ, на каждомъ мѣшкѣ суперфосфата, на каждой машинѣ, на каждой постройкѣ мы должны платить штрафъ въ пользу промышленника. Чѣмъ сложнее система хозяйства, тѣмъ выше и выше этотъ штрафъ, тѣмъ большую долю валового дохода онъ поглощаетъ.

Западные хозяева этого штрафа не платяты, и потому, несмотря на дороговизну труда, производство цѣнныхъ продуктовъ стоитъ имъ *относительно дешевле*, чѣмъ намъ.

Вотъ примѣръ въ видѣ иллюстраціи: производство зерна обходится у насъ дешевле, чѣмъ въ С.-Штатахъ. Но превращеніе зерна въ муку, благодаря высокой стоимости сооруженія мельницъ, дороговизнѣ машинъ, ситъ, мѣшковъ, котловъ, каменнаго угля, обременяется такими накладными расходами, что производство муки обходится дороже, чѣмъ за границей, и мы не можемъ конкурировать съ С.-Штатами или Венгеріей на иностранныхъ рынкахъ.

Это условія производства, а условія сбыта? Они известны: слабое развитіе желѣзныхъ дорогъ, недостатокъ подвозныхъ вѣтвей, адское состояніе нашихъ естественныхъ путей сообщенія, черепашье движеніе товарныхъ поѣздовъ, плохое «оборудованіе» станцій, неутолимая страсть къ поборамъ и переборамъ грузовщиковъ, машинистовъ, кондукторовъ и пр. (страсть неискоренимая, потому что при скудномъ жалованьи этихъ господъ имъ волей-неволей приходится кормиться на счетъ публики), высокіе тарифы, плохое состояніе русскаго судостроенія (вслѣдствіе дороговизны матеріаловъ, желѣза и пр.), переплаты на тарифахъ и фрахтахъ вслѣдствіе протекціонизма \*). Это общія условія для всѣхъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, но и здѣсь при переходѣ къ интенсивнымъ формамъ невыгоды нашего положенія сравнительно съ европейскимъ скажутся относительно сильнѣе. Такіе продукты, какъ, напр., мясо, масло, молоко, фрукты и т. п., требуютъ быстрой перевозки и разнообразныхъ приспособленій для сохраненія ихъ въ свѣжемъ видѣ. Быстрота наша извѣстна; въ Россіи даже электричество теряетъ свою скорость, такъ что телеграмма изъ Гатчины въ Петербургъ ползетъ двое сутокъ; техническихъ приспособленій, вродѣ пароходовъ-рефрижераторовъ, у насъ вовсе не существуетъ (благодаря этому англійскій рынокъ фактически закрытъ для нашихъ мясныхъ и молочныхъ продуктовъ) и «оборудованіе» ихъ обойдется гораздо дороже, чѣмъ за границей (вслѣдствіе дороговизны матеріаловъ). А на западѣ эта сторона совершенствуется не по днямъ, а по часамъ: изъ Австраліи, Новой Зеландіи, Аргентины доставляютъ въ Лондонъ свѣжее мясо, масло, птицу, фрукты; молоко изъ Даніи, пропутешествовавъ двѣ недѣли лѣтомъ, является въ Парижъ совершенно свѣжимъ, нимало не измѣнившимся, точно сейчасъ изъ-подъ коровы.

Итакъ, состязаясь съ за границей по части зерновыхъ хлѣбовъ, мы имѣемъ хотя какія-нибудь преимущества въ видѣ дешеваго труда и экстенсивныхъ формъ хозяйства.

\*) Пока иностранный каменный уголь не былъ обложенъ пошлиной, пароходы являлись въ Одессу съ углемъ, выгружали его и нагружались хлѣбомъ. Хлѣбъ оплачивалъ только доставку на зап. рынки. Теперь они являются пустыми, и хлѣбъ долженъ оплачивать оба фрахта: прибытіе пустыхъ пароходовъ и возвращеніе ихъ съ хлѣбомъ. Эта переплата по расчету г. Радцига составляетъ 3—4 миліона для хозяевъ черноморскаго бассейна. Также и поѣзда, подвозящіе хлѣбъ къ портамъ, должны возвращаться пустыми, — а хлѣбъ оплачиваетъ это обратное движеніе повышеннымъ тарифомъ.





Переходя къ болѣе интенсивной культурѣ, мы теряемъ эти преимущества, этотъ плюсъ, — а наши минусы становятся относительно крупнѣе и крупнѣе. Въ этой игрѣ заграница выступаетъ противъ насъ съ такими козырищами, какъ: 1) дешевизна промышленныхъ фабрикатовъ, особливо машинъ и минеральныхъ туковъ — основы интенсивнаго хозяйства; 2) культура, техническая опытность, знанія, развитіе; 3) средства передвиженія, доведенныя до совершенства въ смыслѣ быстроты, аккуратности, всяческихъ приспособленій для нѣжныхъ, легко портящихся продуктовъ; 4) готовый уже фундаментъ — готовые породы продуктивнаго скота; приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ машины и проч. (у насъ все это нужно создавать, причемъ неизбѣжны ошибки, бесполезныя затраты, неудачные опыты).

Словомъ, всѣ онеры, отъ туза до валета, у нашего противника, и если ужъ въ борьбѣ за сѣрые хлѣба мы пасуемъ, то здѣсь, очевидно, поставимъ ремизъ!

Переберемъ отрасли хозяйства, развитіе которыхъ, будто бы, можетъ возмѣстить убытки отъ зерновыхъ хлѣбовъ.

Въ Европейской Россіи на 100 десят. колосовыхъ хлѣбовъ считается 3,8 десятины прядильныхъ и масличныхъ растений. И при такомъ отношеніи цѣны на главныя изъ этихъ растений, какъ ленъ, уже падаютъ, и раздаются вопли о перепроизводствѣ льна \*). Представимъ себѣ, что посѣвы этихъ растений увеличены вдвое, т. е. составляютъ 7,6 дес. на 100 колосовыхъ хлѣбовъ. Роль въ общей экономіи русскаго земледѣлія, все-таки, какъ видимъ, останется за ними не Богъ вѣсть какая важная, а рынки уже будутъ переполнены черезъ край!

Относительно корнеплодовъ еще меньше надеждъ. Свекла для сахара уже добралась до «перепроизводства»; картофель

\*) Кстати, относительно льна. Его широкое распространеніе, захватывающее все новыя и новыя губерніи, повидимому, противорѣчить высказанному выше мнѣнію о недоступности для насъ интенсивныхъ культуръ. Но это противорѣчіе только кажущееся. Ленъ у насъ сѣется на новыхъ земляхъ или послѣ клевера, причемъ даетъ хороший урожай, но малоцѣнные продукты при малой затратѣ труда. Вслѣдствіе этого, мы имѣемъ возможность конкурировать съ Европой, именно, на малоцѣнныхъ, низшихъ сортахъ льна, производство которыхъ намъ обходится дешевле, чѣмъ ей. Относительно высшихъ сортовъ мы передъ ней пасуемъ, и всѣ попытки доставить намъ торжество въ этомъ отношеніи кончались до сихъ поръ неудачей. Такимъ образомъ, ленъ является у насъ растеніемъ экстенсивной культуры, почему и распространяется.



для крахмальныхъ и винокуренныхъ заводовъ нельзя сбывать за-границу, а запросъ внутренняго рынка уже удовлетворенъ въ этомъ отношеніи; кормовые корнеплоды также придется скармливать дома продуктивному скоту, котораго нѣтъ.

Наконецъ, продукты скотоводства можно сбывать только въ Англію (Германія, Франція и др. почти или вполнѣ загородились отъ ввоза пошлинами), а для этого еще нужно создать средства доставки (пароходы-рефригераторы), а когда мы соберемся завести эти средства, англійскій рынокъ будетъ уже наполненъ продуктами европейскихъ и внѣ-европейскихъ странъ.

Резюмируемъ: рассчитывать на «интенсированіе» русскаго хозяйства въ широкихъ размѣрахъ, такъ чтобы это могло отразиться на участи земледѣльской или даже землевладѣльской массы, — рассчитывать на это смѣшно, потому что нѣтъ условій, необходимыхъ для такого интенсированія; именно:

1) Нѣтъ средствъ; наше земледѣліе истощено въ этомъ отношеніи.

2) Нѣтъ внутренняго рынка; его покупательная способность ограничена.

3) Нельзя завоевать внѣшніе рынки; ими овладѣваютъ болѣе сильные конкуренты.

Интенсированіе хозяйства, переходъ отъ зерновыхъ хлѣбовъ къ масличнымъ, прядильнымъ, душистымъ и пр., и пр. имѣетъ значеніе только для показной Россіи, балующейся хозяйствомъ; но Россіи подлинной, настоящей, которая землею живетъ, надо искать другого выхода.

## VII.

### К „Общественная самостоятельность“.

Я старался доказать въ предыдущихъ письмахъ, что прогрессъ, который дѣлается въ канцеляріяхъ и показныхъ хозяйствахъ, имѣетъ мало общаго съ русскимъ земледѣліемъ. Существованія этого прогресса я отнюдь не отрицаю: факты вродѣ фабрикаціи камамбера на русскихъ сыроварняхъ или насажденія шелководства въ тундрахъ сѣвера путемъ откармливанія шелковичныхъ червей салатомъ вмѣсто тутовыхъ листьевъ мнѣ хорошо извѣстны. А ужъ прогрессивнѣе такихъ явленій и не придумаешь ничего.

Но я крѣпко держусь того мнѣнія, что сто тысячъ пустяковъ не замѣнятъ одного серьезнаго дѣла.

Серьезное дѣло русскаго хозяйства—культура *зерновыхъ хлебовъ* при *экстенсивной* системѣ—единственно возможной и рациональной въ нашихъ условіяхъ обилія пустыющихъ земель, недостатка рабочей силы, скуднаго инвентаря; въ расчетѣ прежде всего на *внутренній* рынскъ, на ста-тридцатимилліонную массу русскаго населенія, которому *слѣдуетъ* найдаться досыта, напиваться по праздникамъ допьяна, «лить на кашу масло постное, словно воду, не жалѣючи» и т. д.

Въ этихъ рамкахъ и должно прогрессировать русское земледѣліе. Тутъ необходимо является извѣстная гармонія, извѣстное отношеніе между всѣми отраслями хозяйства, главными и второстепенными, опредѣляемая основнымъ, экстенсивнымъ характеромъ земледѣлія. Посѣвы промышленныхъ растений, напр., льна, скотоводство, коневодство, всѣ эти отдѣльныя отрасли играютъ опредѣленную роль въ общей системѣ хозяйства, — роль, которую нельзя измѣнить искусственно.

Намѣчается рядъ основныхъ задачъ: надо разработать пу-



стующія земли, надо использовать колоссальный мертвый капиталъ, накопившійся въ нашихъ почвахъ подъ лѣсами, кустарниками, пустошами, мокрыми лугами съ осокой, суходольными съ бѣлоусомъ, надо поднять урожай хлѣбовъ на старопахатныхъ земляхъ; надо создать скотоводство и коневодство въ размѣрахъ, требуемыхъ экстенсивной системой; надо все это сдѣлать, имѣя въ виду рѣдкость населенія, недостатокъ рабочей энергии и отсутствіе свободныхъ капиталовъ...

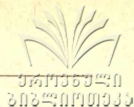
Для всего этого намѣченъ путь, набросана въ общихъ чертахъ система. Она вырабатывается эмпирически, ошупью, помѣщиками, а особливо крестьянствомъ, которое—что-бы ни толковали о его «косности»—и нынѣ остается, какъ было всегда, наиболѣе прогрессивнымъ, наиболѣе творческимъ элементомъ русскаго земледѣлія (постараюсь доказать это въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ). Съ другой стороны и наука идетъ на встрѣчу этимъ попыткамъ; изслѣдованія послѣдняго десятилѣтія точно для Россіи дѣлались; они даютъ возможность осуществить съ наименьшей затратой силъ и средствъ ту именно систему земледѣлія, которую эмпирическимъ путемъ вырабатываетъ въ послѣдніе годы крестьянство, а за нимъ частные хозяева.

Съ агрономической точки зрѣнія дѣло не представляетъ особыхъ затрудненій; но вотъ бѣда: чисто внѣшнее затрудненіе—тяжелыя экономическія условія, о которыхъ столько выговорено выше, не устранимы техникой и агрономіей,—парализуютъ усилія земледѣльцевъ и—какъ мы видѣли—ведутъ къ регрессу въ основныхъ, органическихъ функціяхъ нашего земледѣльческаго организма.

При такомъ органическомъ разстройствѣ, усиливающемся съ года на годъ, сотни, а можетъ быть и тысячи «прогрессивныхъ явленій», вроде шелководства въ тундрахъ сѣвера, точно притиранья, накладки и румяна на изможденномъ, дрябломъ, разрушающемся тѣлѣ! Посмотришь издали—одна красота! Вглядѣлся поближе—гниль и смерть еще страшнѣе выступаютъ изъ-подъ румянъ. Мы это видѣли, разсматривая русское земледѣліе сначала съ птичьяго полета, потомъ вблизи.

Такъ какъ эти условія неустраимы—очевидно, нѣтъ никакой возможности убѣдить кого-либо.. ну, хотя-бы въ необходимости отмѣнить пошлину на желѣзо, что одно дало-бы хозяйству Россіи болѣе сильный толчокъ, чѣмъ тысячи агрономическихъ румянъ и притираній,—такъ какъ они неустраимы, то и система, о которой идетъ рѣчь, не вывезетъ. Но она





могла-бы вывезти при иныхъ условіяхъ — и этимъ она интересна, и потому я попытаюсь изложить ея суть.

Сначала, однако, считаю необходимымъ остановиться на одномъ явленіи, на одномъ новѣйшемъ рецептѣ, очень модномъ, очень многихъ увлекающемъ, хотя по существу онъ также относится къ области румянъ и притираній.

Въ послѣднее время много толкуютъ о развитіи общественной самодѣятельности среди хозяевъ, о сельско-хозяйственныхъ товариществахъ, союзахъ, синдикатахъ, «ферейнахъ». Много надеждъ возлагаютъ на эти формы общественной самопомощи. Къ хозяевамъ обращаются съ попреками и увѣщаньями: «чѣмъ сидѣть, да хныкать въ одиночку, возьмитесь-ка за дѣло общими силами. Не все-же начальству за васъ думать и хлопотать, похлопочите о себѣ сами. Вѣдь, вотъ за-границей»...

Ну, и сейчасъ примѣры: Франціи, гдѣ хозяева, землевладельцы и земледѣльцы образуютъ колоссальную организацію сельско-хозяйственныхъ синдикатовъ; или, еще того сильнѣе, Германіи, гдѣ союзъ сельскихъ хозяевъ, играющій такую видную роль въ жизни страны, насчитываетъ около 200,000 членовъ (въ томъ числѣ  $\frac{3}{4}$  крестьянъ).

Идея сельско-хозяйственныхъ товариществъ стала модной. Она одобрена официальнымъ міромъ. Изданъ «нормальный уставъ» товариществъ. Русскіе хозяева откликаются на призывъ и начинаютъ копошиться. То и дѣло читаешь объ основаніи новаго сельско-хозяйственнаго общества, товарищества и т. п.

Я ни мало не сомнѣваюсь, что наши сельско-хозяйственные «ферейны» окажутся такимъ-же мертво-рожденнымъ дѣтищемъ необдуманнаго подражанія, какъ, напр, наши сельско-хозяйственные общества, огромное большинство которыхъ уже давно, годы и десятки лѣтъ, влачить никому ненужное существованіе, притворяясь, будто дѣлаетъ дѣло.

Это убѣжденіе вовсе не результатъ плохого мнѣнія о русскихъ хозяевахъ. Какъ разъ наоборотъ: большею частью это люди живые, требующіе живой дѣятельности, а потому совершенно неспособные къ той «общественной самодѣятельности, которую имъ придется развивать въ проектируемыхъ ферейнахъ.

Для того, чтобы дѣятельность этихъ послѣднихъ могла дать путные результаты, необходимы условія, которыхъ у насъ нѣтъ. Члены товариществъ должны:

- 1) Обсуждать вопросы, которые *важно* обсуждать.
- 2) Принимать мѣры, которыя *важно* принимать.

3) Опирайтесь въ своей дѣятельности на желанія *массы* заинтересованныхъ.

Важнѣйшее для хозяевъ — экономическія условія ихъ дѣятельности. Но обсужденіе этихъ условій не входитъ въ компетенцію частныхъ лицъ. Въ связи съ этими условіями должны находиться дѣйствія проектируемыхъ товариществъ: въ число этихъ дѣйствій не могутъ не войти извѣстныя заявленія, ходатайства и т. п. Но это опять-таки не входитъ въ компетенцію частныхъ лицъ.

Чтобы заявленіе имѣло вѣсъ, оно должно исходить отъ массы заинтересованныхъ. Подумайте, что это значитъ—у васъ сами собой явятся на языкѣ страшныя слова: «агитація», «пропаганда» и т. п.

Спросите себя, что можно и чего нельзя по общимъ условіямъ нашей жизни, и вы сами увидите, что проектируемымъ товариществамъ \*) можно будетъ обсуждать все, кромѣ того, что важно обсудить; принимать всевозможныя мѣры, кромѣ тѣхъ, которыя важно принять,—и вдобавокъ сидѣть въ одиночествѣ, въ своемъ углу, внѣ связи съ страной.

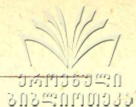
Какъ-бы, кажется, не понять этого? Какъ не сообразить, что плодотворная дѣятельность западныхъ ферейновъ и синдикатовъ явилась результатомъ западныхъ условій, выросла изъ этихъ условій,—діаметрально противоположныхъ нашимъ. Тамъ одинъ порядокъ, у насъ другой; тамъ однѣ основы, у насъ другія; и что тамъ плодотворно, у насъ окажется смѣхотворнымъ.

Общественная самодѣятельность возможна въ предѣлахъ тѣхъ правъ, которыми пользуется общество. Извѣстными правами пользуется земство—оно и развиваетъ дѣятельность, весьма узкую, но все-же дающую плоды, результаты. Но и на этой аренѣ приходится сплошь и рядомъ проявлять только благія желанія безъ послѣдствій, такъ что наиболѣе энергичные дѣятели отходятъ, махнувъ рукой. Я приведу примѣръ: покойнаго А. Н. Энгельгардта, автора «Писемъ изъ деревни». Человѣкъ дѣла *par excellence*, поражавшій своей неукротимой энергіей, сторонникъ личной и общественной самодѣятельности, врагъ опеки, онъ тѣмъ не менѣе сторонился отъ земской дѣятельности и отзывался о ней съ горькой ироніей... Вотъ, какъ онъ изображаетъ свою «дѣятельность» на этомъ поприщѣ: \*\*).

\*) Я не имѣю въ виду, конечно, чисто торгашескихъ компаній, безъ всякой общественной подкладки.

\*\*) Рукописная замѣтка А. Н., сохранившаяся въ его бумагахъ.





«— Я уѣздный гласный!

Какъ это случилось  
Что я въ него влюбилась?..

«Не понимаю!

«Въ одномъ изъ уѣздовъ (набросимъ покрывало стыдливости) меня *землевладельцы* заочно избрали въ гласные—время что-ли такое приспѣло.

«Пріѣхалъ въ уѣздный городъ. Въ лавки пошелъ, конечно. Нѣтъ-ли хорошаго коньяку? Есть коньякъ, да не знаемъ, хорошъ-ли. Показали одну бутылку, другую,—дрянь, московскаго производства.

«— Пстой, Вася,—говорить торговка, — у насъ есть еще старья дѣдовскія вина, тамъ нѣтъ-ли?—Пошелъ Вася, рылся, рылся; вытащилъ бутылку. Заплесневѣлая, коньякъ отъ Лева, заграничной укупорки.

«— Что стоитъ?

«Рылись въ книгахъ, рылись.—«Два съ четвертью»,—сказала торговка и сама изумилась цѣнѣ: за полштофъ два съ четвертью,—полведра на эти деньги можно купить и во какъ напиться! Я взялъ бутылку—Нѣтъ-ли еще?—оказалась еще бутылка.

«Такъ съ этими двумя бутылками я и провелъ все уѣздное земское собраніе. Что тамъ было? Трудно рассказать».

Плодотворная дѣятельность А. Н., полагаю, достаточно извѣстна. Но онъ былъ человекъ непримиримый, *intransigent*, а главное—цѣльный, не половинчатый, не способный къ самокастрированію. Не могъ онъ—натура не позволяла—ограничивать общественную самодѣятельность починкой дыряваго моста, ни даже школами грамотности. Не затрагивать такого-то вопроса, хотя-бы огромной житейской важности, потому что «это неудобно», вотъ чего онъ рѣшительно не переваривалъ. Всякій *суррогатъ* дѣятельности былъ ему ненавистенъ. И жизнь послѣдовательно выбрасывала его изъ всѣхъ сферъ, гдѣ въ большей или меньшей степени требуется самокастрація, и загнала, наконецъ, въ медвѣжій уголь, ограничивъ его работу почти исключительно научной, технической и литературной дѣятельностью. Онъ былъ общественный дѣятель въ западно-европейскомъ смыслѣ, и русская жизнь отвергла его: вполне логично и неизбежно.

Но земство все же обладаетъ извѣстнымъ кругомъ компетенціи, захватывающимъ рядъ *жизненныхъ* вопросовъ, которые



не могут считаться безобидными, никого не затрагивающими (не даромъ-же извѣстныя общественныя группы обижаются на земство до судорогъ), и въ этихъ рамкахъ люди уступчивые, довольствующіеся малымъ, развиваютъ «кое-какую», не лишенную добрыхъ плодовъ, дѣятельность.

А обыватели, какъ обыватели, какъ члены товариществъ и обществъ, останутся въ предѣлахъ обывательской компетенціи, охватывающей лишь вопросы *безобидные*, вопросы чисто научные или техническіе, вопросы «объ организаціи опытовъ съ костянымъ удобреніемъ» или о «кормленіи шелковичныхъ червей скорцонеромъ». Вы скажете: вѣдь и это важно для хозяйства. Еще-бы: есть техническіе вопросы громадной важности, напр., хотя-бы о костяномъ удобреніи. Но это вопросы научные, которые могутъ быть рѣшены только въ лабораторіи экспериментаторомъ, дѣйствующимъ во всеоружіи научнаго метода, а разработаны въ связи съ данными условіями климата, почвы и проч. на опытныхъ станціяхъ. Хозяинъ-практикъ можетъ только примѣнять у себя въ имѣніи указанія науки или, не находя этихъ указаній, дѣйствовать ощупью, на удачу: оказался выгоднымъ такой-то приемъ, такое-то удобреніе, ну, и примѣняй его. А почему оно выгодно, какъ и чѣмъ оно дѣйствуетъ,—это ему неизвѣстно; и обобщить своего единичнаго наблюденія онъ не въ силахъ; если-же вздумаетъ обобщать,—уши вянутъ у знающаго человѣка.

Между тѣмъ наши провинціальныя сельскохозяйственныя общества, за невозможностью касаться чисто житейскихъ дѣлъ, ставятъ обыкновенно именно такіе научные, техническіе вопросы. Мнѣ случалось попадать на засѣданія этихъ обществъ, — Богъ ты мой! чего только тутъ наслушаешься. Между тѣмъ говорятъ люди неглупые и дѣльные, но собственно въ наукѣ, въ методахъ изслѣдованія свѣдущіе столько-же, сколько Аммосъ Федоровичъ Ляпкинь-Тяпкинь въ астрономіи или Кифа Мокіевичъ въ метафизикѣ. Понятно, что и теорія, и системы высказываются и развиваются соотвѣтственныя. И, въ концѣ концовъ, «дѣятельность» такого общества сходитъ на нѣтъ. Надобсть-же говорить пустыя слова, совсѣмъ это не интересно.

Дѣятельность сельско-хозяйственныхъ обществъ, товариществъ, союзовъ должна быть чисто житейская, практическая, общественная въ тѣсномъ смыслѣ слова. Они должны вникать въ условія, при которыхъ дѣйствуетъ хозяинъ, разбирать, какія изъ нихъ вредны, какія полезны; какъ отражается здѣсь, на мѣстѣ, въ деревнѣ, въ медвѣжьемъ углу, тотъ или другой



фактъ общегосударственной жизни. Мыслимо-ли при этомъ остаться въ рамкахъ своей компетенціи? Какъ-бы ни были мелки и частны наши деревенскіе вопросы, наши мѣстныя дѣлишки, но они стоятъ въ тѣснѣйшей, въ неразрывной связи съ общими вопросами, съ общими дѣлами.

А такъ какъ выходить изъ своей компетенціи нельзя, то придется отказаться отъ дѣятельности и замѣнить ее суррогатомъ. А такъ какъ живой человѣкъ не удовлетворится суррогатомъ, то сельско-хозяйственныя товарищества кончатъ такой-же мертвечиной, какъ уже существующія сельско-хозяйственныя общества.

Быть можетъ, читатель упрекнетъ меня въ пессимизмѣ. Да, я не въ силахъ переварить того оптимизма, для котораго не существуетъ уроковъ и примѣровъ прошлаго, ни даже логики, гласящей: одинаковыя условія неизбѣжно дадутъ одинаковый результатъ.

Нельзя измѣнить къ лучшему характеръ дѣятельности, не расширивъ рамокъ этой дѣятельности. Разсчитывать на наши синдикаты, союзы, ферейны—все равно, что, разгородивъ коробку на клѣтушки и отдѣленія, думать, будто отъ этого размѣры коробки увеличились: просторнѣе, шире стала.

Мнѣ скажутъ: зачѣмъ-же все-таки относиться къ попыткамъ развитія общественной самодѣятельности съ такимъ ожесточеніемъ? Пусть себѣ возникаютъ сельско-хозяйственныя товарищества, ферейны, союзы; кому отъ нихъ вредъ?

Затѣмъ, что возня съ этими мертворожденными дѣтищами отвлекаетъ вниманіе отъ того, что, дѣйствительно, важно. Дѣйствительно, подлинное расширеніе обывательской компетенціи, хоть на волосокъ, неизмѣримо важнѣе фиктивныхъ благъ, которыя явятся результатомъ фиктивной «общественной самодѣятельности».

Ну, покончимъ съ этимъ довольно-таки щекотливымъ предметомъ и перейдемъ къ «безобиднымъ» чисто-хозяйственнымъ, агрономическимъ вопросамъ.

## VIII.

### Война съ лѣсомъ.

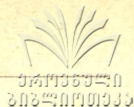
Пробирный камень русскаго народа. — Война съ лѣсомъ. — Мужикъ культуртрегеръ. — Научная основа лѣсопольнаго хозяйства. — Исторія о томъ, какъ олонецкіе мужики у самыхъ себя лѣсъ воровали. — Заневѣніе людей въ жертву лѣсу.

Присматриваясь къ тому, что дѣлается въ массѣ русскихъ хозяйствъ — особливо крестьянскихъ, — можно различить сквозь пестроту разнообразныхъ пустяковъ, quasi-прогрессивныхъ затѣй, канцелярско-агрономическихъ выдумокъ, показного претупсѣванія, — работу болѣе глубокую, упорную и общую, которая шагъ за шагомъ ведетъ къ пересозданію системы земледѣлія не въ «образцовыхъ хозяйствахъ», а на протяженіи громаднхъ областей.

Эта работа совершается массой населенія подъ вліяніемъ общихъ условій хозяйства — неодолимыхъ и неустранимыхъ, которыя не позволяютъ фантазировать и затѣйничать, а волей-неволей заставляютъ вырабатывать систему, дающую наилучшіе результаты съ наименьшей затратой силъ, т. е. систему наиболѣе рациональную.

Къ несчастью, въ этой культурной работѣ населеніе встрѣчаетъ больше препятствій, чѣмъ поддержки со стороны своихъ опекуновъ. Недовѣріе къ массѣ, къ народу, крестьянству было и остается однимъ изъ сильнѣйшихъ тормазовъ нашего земледѣлія. Оно заставляеть насъ *думать* за мужика, указывать ему путь и невольно становиться поперекъ дороги, намѣченной имъ самимъ. Мы никакъ не можемъ понять, что населеніе, которое *живетъ* землей, всегда выберетъ наиболѣе рациональную систему хозяйства, что руководить имъ въ этомъ отношеніи нельзя, такъ какъ никто не можетъ оцѣнить условія, опредѣляющія то





или другое направление хозяйства, съ такой точностью, какъ люди, которымъ приходится испытывать эти условія на своей шкурѣ. Своя шкура такой пробирный камень, какого ни въ одной лабораторіи не сыщешь.

Только удивительная способность русскаго населенія обходить законъ, выработавшаяся тысячелѣтней практикой, помогла ему превратить въ культурную страну дремучій лѣсъ, населенный кабанами и зубрами, какимъ была во время оно Россія; помогаетъ и теперь продолжать эту грандіозную работу.

Мы постараемся выдѣлить основные элементы этой культурной работы, поставить ихъ въ связь съ научными открытіями послѣдняго времени и, такимъ образомъ, уяснить смыслъ и суть весьма стройной системы, которая эмпирически, ощупью вырабатывается нашимъ земледѣліемъ.

Система эта по существу *экстенсивная*: нашему земледѣлію нужно еще расширять площадь культурной земли на счетъ некультурной. Вотъ первый элементъ системы, которымъ мы и займемся: обращеніе на пользу хозяйства некультурныхъ земель,—*война съ лѣсомъ*, настоящимъ и ненастоящимъ, завершеніе той грандіозной работы, которая началась раньше Рюрика и не окончена еще и понынѣ. Различные варианты *лесо-польнаго* хозяйства — такъ можно охарактеризовать наиболѣе раціональную систему земледѣлія въ огромной области—во всей почти нечерноземной Россіи, сѣверной и средней.

На сѣверѣ — въ архангельской, олоонецкой, вологодской, пермской, вятской губ.—настоящіе лѣса, дровяные, строевые и корабельные (приносящіе валового дохода три копѣйки съ десятины) душатъ земледѣльца; въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ эти лѣса уже порѣдѣли, но здѣсь масса земель пропадаетъ подъ, такъ называемыми, пустошами. Безконечныя заросли кустарника, бредины, лозняка, олешика, ельничка и березничка, дрянные кустарные покосы и выгоны, рѣдкій осиннякъ, остатокъ вырубленнаго лѣса (осина не идетъ въ продажу оптомъ и потому оставляется) — заваленный всевозможнымъ ломомъ и хламомъ, макушами, вѣтроваломъ, сучьями, хворостомъ, среди которыхъ пышно разрастаются негодныя травы: капорскій чай съ кистями розовыхъ цвѣтовъ, колючій дѣдовникъ, жесткая широколиственная метла,—вотъ картины, знакомыя даже тому, кто любовался русской природой только изъ окна вагона.

— Чья это земля?—спросишь у ямщика, проѣзжая такимъ ненастоящимъ лѣсомъ по рывинамъ, замѣняющимъ дорогу.

— Такого-то помѣщика...

— Ну, конечно!

Иногда среди этой дичи и дряни попадается культурный оазисъ Макуши, ломъ, сучья собраны въ груды, кустарникъ и отростокъ вырубленъ и подобранъ—чисто, опратно, точно нѣмецъ хозяйничалъ. вмѣсто розовыхъ кистей капорскаго чая, желтыхъ колпачковъ недотроги, колючихъ шишекъ дѣдовника, желтѣетъ среди обгорѣлыхъ пеньковъ буйный, крупноколосый золотистый ячмень, а подальше, на мѣстахъ уже отвоеванныхъ у лѣса, полотномъ разстилаются цѣлыя полосы хлѣбовъ.

— А это кто-же хозяйничаетъ?

— А это мужички купили «черезъ банку» у такого-то...

Ну, понятно!

Съ мужикомъ является культура, не мудрящая, а мудрая, т. е. соотвѣтствующая даннымъ условіямъ.

Лѣсная площадь въ Европ. Россіи считается въ 200 милліоновъ десятинъ, но площадь «некультурныхъ земель», болѣе или менѣе заросшихъ суррогатомъ лѣса, безъ сомнѣнія, гораздо больше. Къ сожалѣнію, точныхъ данныхъ на этотъ счетъ не имѣется. Можно вычислять только приблизительно, обходомъ: если взять площадь пашни, усадебныхъ земель и естественныхъ луговъ (заливныхъ, по рѣкамъ, ручьямъ, оврагамъ), то почти все остальное надо считать пустошью: лѣсомъ, мелколѣсьемъ, зарослями, кустарникомъ. По такому расчету лѣсистость черноземныхъ губерній составляетъ 50—60 проц., не менѣе.

Въ общей совокупности эти земли представляютъ огромный запасъ питательныхъ веществъ, которые можно превратить въ хлѣбъ и другіе цѣнные продукты съ сравнительно малой затратой энергіи. «Сравнительно»—потому что отвоевать эти богатства у лѣса можно только упорной, тяжелой работой,—но, все-таки, даже при теперешнемъ экономическомъ положеніи населенія—при теперешнемъ инвентарѣ, скотѣ, скудныхъ кормахъ, отсутствіи удобрительныхъ средствъ и денегъ на ихъ покупку—крестьянство можетъ производить эту работу. Она требуетъ, главнымъ образомъ, *мускуловъ*; тогда какъ для улучшенія старопахатныхъ земель, давно уже находящихся въ культурѣ, для интенсированія хозяйства требуются, кромѣ мускуловъ, *запасы энергіи, предварительно накопленной* въ формѣ дорогихъ усовершенствованныхъ орудій, продуктивнаго скота, удобрительныхъ туковъ, денегъ. Я уже разбиралъ эту сторону вопроса въ предыдущихъ письмахъ и возвращаться къ ней не стану.

Чтобы использовать некультурныя земли, нужна тяжелая, изнурительная работа, отъ которой «въ глазахъ зеленѣетъ»,—





говорять мужики; упорная война съ лѣсомъ, съ отропкомъ, съ кустарникомъ, который претъ изъ земли съ быстротой и энергіей, приводящей въ отчаяніе. Зато на отвоеванныхъ у лѣса земляхъ получаютъ отличные урожаи безъ навоза, безъ дорогихъ минеральныхъ туковъ, при самой элементарной обработкѣ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ по поводу выраженій «экстенсивный», «интенсивный», «хищническое хозяйство» и т. п.,—выраженій, которыя сплошь и рядомъ употребляются вкривь и вкосъ не только въ общей, но и въ агрономической печати.

Пр. Милюковъ \*) такъ характеризуетъ исторію русскаго земледѣлія:

«Натуральное хозяйство древней Россіи было наименѣе интенсивнымъ, т. е. требовало наименьшаго напряженія труда... довольствовалось потребленіемъ даровыхъ продуктовъ природы» и «до сихъ поръ въ области земледѣльческой культуры русское населеніе ограничивалось наименьшей затратой труда, и употреблявшіяся имъ системы земледѣлія суть наиболѣе экстенсивныя».

Иной подумаетъ, прочитавъ эту характеристику, что русскому населенію до сихъ поръ была малина, не жите! Не лѣнись только протягивать руку («наименьшее напряженіе труда») да подносить ко рту жареныхъ рябчиковъ, «даровые продукты природы»!

Въ этомъ смыслѣ и раздаются нерѣдко обвиненія противъ мужика-расхитителя, который отъ работы отлыниваетъ, и дай ему только волю, — вырубить лѣса, выбѣть звѣря, выловить птицу, выудить рыбу, прѣвсть ягоды и грибы и... убѣжить.

Дѣло въ томъ, что выраженія «малая затрата труда», «даровые продукты природы», «хищническое хозяйство» и т. п. имѣютъ весьма относительное значеніе. Малая затрата труда при экстенсивномъ хозяйствѣ означаетъ малую затрату труда на единицу площади, но не абсолютно малый трудъ и ужъ во всякомъ случаѣ не «малое напряженіе» труда, не легкость работы. Напротивъ, въ видѣ общаго правила можно высказать такое положеніе: *чѣмъ экстенсивнѣе земледѣліе, тѣмъ тяжелѣе работа, тѣмъ больше напряженіе труда (мускуловъ); чѣмъ земледѣліе интенсивнѣе, тѣмъ работа легче, напряженіе меньше.*

Чѣмъ интенсивнѣе земледѣліе, тѣмъ большую роль играетъ

\*) «Очерки по ист. русской культуры», В. I., Изд. 3, ст. 72.



въ немъ машинный трудъ, который, ослабляя напряженіе мускуловъ, увеличиваетъ ихъ производительность.

Трудно пахать сохой, легче однолемешнымъ плужкомъ, еще легче многоконнымъ многолемешнымъ плугомъ съ сидѣнемъ для работника, и наименьшаго напряженія мускуловъ требуетъ обработка поля съ помощью паровыхъ или электрическихъ двигателей.

Охотнику приходится больше напрягать мускулы, чѣмъ пастуху; а пастуху больше чѣмъ скотнику въ образцовомъ хозяйствѣ при стойловомъ содержаніи скота со всевозможными приспособленіями для пойки, кормленія и пр.

«Наименьшее напряженіе труда», о которомъ говорится въ цитированной выше характеристикѣ, означаетъ *каторжный* трудъ превращенія дикой земли въ культурную, отвоеваніе земель у лѣса и степи, использованія «дарового» богатства, естественнаго плодородія почвы. На это богатство много охотниковъ въ лицѣ дикихъ растений, лѣсовъ и кустарниковъ, ковылей и бурьяновъ; и отбивать у нихъ дары природы—труднѣе, чѣмъ на раздѣланной въ пухъ, удобренной минеральными туками, культурной почвѣ получать колоссальный урожай отъ очищеннаго тріеромъ зерна. Надо больше надрывать, сильнѣе напрягать мускулы для того, чтобы захватить готовые дары природы, чѣмъ для того, чтобы получать проценты на капиталъ (удобреніе и проч.), отданный природѣ въ ростъ.

Что касается «расхищенія», то всякій толковый агрономъ понимаетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ «хищническое» хозяйство есть единственное раціональное. Какъ общее правило—неприложимое лишь въ немногихъ центральныхъ губерніяхъ—это можно сказать и о Россіи.

Сумма рабочей энергіи, которую представляетъ изъ себя русскій народъ, исчерпывается его мускулами и ничтожнымъ запасомъ ранѣе накопленной энергіи въ формѣ скуднаго инвентаря, простѣйшихъ орудій, лошадей-«недоростковъ» и коровъ-«горемычекъ».

Приложенная къ некультурной—лѣсной и пустошной—площади, составляющей даже въ средне-русскихъ губерніяхъ мало-мало *треть* всѣхъ удобныхъ земель, она даетъ богатѣйшіе урожаи льна—единственнаго продукта, кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ, въ которомъ мы не имѣемъ конкурентовъ на западныхъ рынкахъ—и хлѣба, втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ, сначала безъ всякаго удобренія, потомъ при дешевомъ минеральномъ (фосфоритъ).

Приложенная къ старопашатнымъ землямъ она пасуетъ; ее



нужно удвоить, утроить, чтобы получить замѣтное повышение культуры.

\* \*  
\*

Научная основа этой разницы между старокультурными и пустошными землями выяснена изслѣдованіями послѣднихъ лѣтъ. Во-первыхъ, въ землѣ, находящейся подъ лѣсомъ, кустарникомъ, лугомъ, изъ года въ годъ накапливается и растетъ запасъ самаго дорогого изъ удобреній — азота. Накапливается благодаря почвеннымъ бактеріямъ, которыя обладаютъ способностью поглощать свободный азотъ изъ неисчерпаемаго источника этого элемента — атмосферы. Существованіе этихъ бактерій, обогащающихъ почву азотомъ, доказано Бертло, ихъ дѣятельность изслѣдована съ полной точностью Виноградскимъ. Онѣ размножаются въ заросшей, задернѣлой почвѣ; но въ старой пахатной землѣ ихъ дѣятельность ослабѣваетъ или прекращается. Почва подъ лугомъ, лѣсомъ, кустарникомъ ежегодно обогащается азотомъ; почва подъ хлѣбами, пахатная земля, ежегодно бѣднѣетъ имъ. Запустите совершенно истощенную пашню, на которой хлѣбъ не родится безъ селитры (азотистое удобреніе) или навоза, подъ лугъ или кустарникъ, — черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря дѣятельности почвенныхъ бактерій, въ ней образуются обильные запасы этого драгоценнаго элемента, — запасы, которыхъ хватитъ на цѣлый рядъ урожаевъ.

Понятно, какую выгоду представляетъ дѣятельность этихъ бактерій для земледѣльца. Азотистое удобреніе, какъ мы сказали, самое дорогое изъ всѣхъ. Въ формѣ селитры или амміака оно обойдется въ 25 или больше рублей на десятину (*хорошее* селитряное удобреніе — 12—15 пудовъ на десятину, а пудъ селитры съ доставкой обойдется въ 2 руб.); въ формѣ навоза оно доступно лишь тамъ, гдѣ продукты скотоводства (молоко, мясо) окупаютъ содержаніе и кормъ скота, т. е. въ одномъ хозяйствѣ изъ тысячи \*).

---

\*) Въ нормальныхъ условіяхъ нашихъ хозяйствъ продукты скотоводства окупаютъ только «уходъ» за скотомъ, а кормъ составляетъ чистый «расходъ на удобреніе». Считая пудъ сѣна въ 10 коп., принимая кормъ втеченіе года на голову скота въ 200 пудовъ сѣна, получимъ стоимость навоза отъ одной штуки скота въ 20 руб. А для хорошаго удобренія требуется на паровую десятину 6 штукъ скота. Т. е. удобреніе на паровую десятину стоитъ 120 руб., или на десятину хлѣба (озимаго и ярового) — 60 руб.! Этотъ расчетъ не примѣняется къ крестьянскому хозяйству, пока оно ограничи-



Такимъ образомъ, уже одно это обстоятельство опредѣляетъ дальнѣйшее развитіе нашихъ хозяйствъ, — имѣя въ виду обиліе у насъ пустыющихъ земель. Старокультурныя земли истощены, выболтаны; чтобы поднять ихъ средніе неурожаи, потребуется, между прочимъ, затрата въ 25 или больше рублей на десятину *на одинъ азотъ*. Откуда же ихъ взять? и зачѣмъ о нихъ хлопотать, — когда рядомъ лежатъ земли, въ которыхъ эта статья не требуетъ хлопотъ: за насъ похлопотали, потрудились бактеріи, обогативъ землю азотомъ на счетъ дарового источника: атмосферы.

Далѣе, подъ лѣсами, кустарниками, лугами накапливается огромный запасъ *перегноя*: растительныхъ остатковъ, придающихъ почвѣ темную окраску. Перегною самъ по себѣ не служить пищей для растений, но онъ улучшаетъ физическія свойства почвы (рыхлость, проницаемость для воздуха, способность задерживать влагу), — что имѣетъ огромное значеніе для растений. И здѣсь тотъ-же расчетъ: улучшить физическія свойства старопахатной земли надо глубокой обработкой и тщательнымъ разрыхленіемъ — для чего требуются дорогія орудія и масса работы — тогда какъ пустошныя земли по самой природѣ своей не требуютъ особенныхъ хлопотъ въ этомъ отношеніи.

Наконецъ, какъ показали опыты А. Энгельгардта, Мертваго, Мещерскаго и др., — на пустошныхъ земляхъ очень хорошо дѣйствуетъ дешевое фосфорнокислое удобрение: *фосфоритъ*, тогда какъ на старопахатныхъ земляхъ приходится употреблять гораздо болѣе дорогой суперфосфатъ. Причина этой разницы еще не выяснена (можетъ быть, она объясняется значительнымъ содержаніемъ органическихъ кислотъ въ пустошныхъ земляхъ).

Итакъ, бокъ о бокъ съ истощенными старопахатными землями разстилаются огромныя площади лѣсныхъ и пустошныхъ земель, физическія свойства которыхъ допускаютъ весьма элементарную обработку, — въ которыхъ накоплены огромные запасы драгоценнѣйшаго изъ удобрений — азота и на которыхъ въдобавокъ отлично дѣйствуетъ самое дешевое изъ фосфорнокислыхъ удобрений: естественный фосфатъ или фосфоритъ.

Если-бы даже русское населеніе обладало богатствомъ, обильнымъ запасомъ энергіи, накопленной въ видѣ денегъ, ору-

---

вается одной-двумя коровенками, продукты которыхъ идутъ на собственное потребленіе, но разъ мужикъ вздумаетъ увеличить число скота въ видахъ лучшаго удобрения земли, тотъ-же расчетъ примѣняется къ нему.





дій и пр.,—и тогда не было-бы смысла сосредоточивать эту энергію на выболтанныхъ поляхъ, пропуская мимо рта богатства, накопленныя въ пустошныхъ земляхъ, не воспользоваться трудомъ почвенныхъ бактерій, порадовъвшихъ за насъ безъ всякихъ съ нашей стороны хлопотъ.

А такъ какъ этихъ запасовъ—денегъ и проч.—нѣтъ у русскаго народа, то распространеніе культуры на пустошныя земли является просто неизбѣжнымъ, единственно возможнымъ выходомъ изъ теперешняго положенія.

Мало того: такъ какъ населеніе не въ силахъ поднимать урожаи на старопахатныхъ земляхъ путемъ улучшенной обработки, дорогихъ удобреній, подъема скотоводства, —то и здѣсь, и на этихъ земляхъ, остается возложить заботу объ улучшеніи почвы на бактерій, т. е. запустить часть земли подъ травы (клеверъ съ тимофѣвкой) на нѣсколько лѣтъ,—иными словами превратить ее въ лугъ, въ непахатную землю. Подъ многолѣтними травами она будетъ обогащаться азотомъ и перегноемъ, межъ тѣмъ какъ мы используемъ уже готовые запасы этого добра въ пустошныхъ земляхъ. Такимъ образомъ создается система *еще болѣе экстенсивная*, чѣмъ типичное трехполье: лѣсопольное хозяйство съ многопольно-травянымъ сѣвооборотомъ на старопахатныхъ земляхъ. Объ этомъ послѣднемъ мы поговоримъ особо, а пока вернемся къ первой половинѣ задачи: разработкѣ лѣсныхъ и пустошныхъ земель.

Масса русскаго населенія, находясь въ условіяхъ, охарактеризованныхъ нами выше, при которыхъ весь запасъ, весь капиталъ народа почти исчерпывается мускулами, и оцѣнивая эти условія на идеальномъ пробирномъ камнѣ—собственной шкурѣ,—стремится экстенсировать хозяйство, отвоевывая землю у лѣсовъ и кустарниковъ. На сѣверѣ крестьяне уничтожаютъ лѣса, въ среднихъ губерніяхъ напрягаютъ всѣ силы, чтобы пріобрѣсти «черезъ банку» пустошку, —именно «пустошку», участокъ, заросшій лѣсомъ и суррогатомъ лѣса.

Если расширять площадь культуры почему-либо невозможно, крестьяне оставляютъ насиженные мѣста и бѣгутъ, разбредаются на поиски «вольныхъ земель», возбуждая негодующее изумленіе въ агрономахъ. «Вѣдь есть-же у нихъ надѣлы! Чѣмъ-бы интенсировать хозяйство, заводить плодосмѣну, сакковскіе плуги, дисковые бороны, —они въ бѣга ударяются! На западѣ-бы съ такимъ количествомъ земли»... и т. д., и т. д.

Такъ какъ, однако, изумленіе и негодованіе не могутъ создать тѣхъ запасовъ энергіи, которые имѣются на западѣ, то русскому

населенію и приходится идти своимъ путемъ, *продолжая* культурную работу отвоеванія земель у лѣса,—работу, которую можно тормозить, но нельзя остановить или замѣнить другой.

\* \*  
\* \*  
\* \*

Къ несчастью, эта культурная работа встрѣчаетъ самыя неожиданныя препятствія. Я приведу два примѣра: одинъ изъ сѣверной области, другой изъ средней Россіи. Первый относится къ олонецкой губ., его можно озаглавить: «*Исторія о томъ, какъ олонецкіе мужики у самихъ себя лѣсъ воровали*». Эта исторія рассказана въ отчетѣ о поѣздкѣ г. министра земледѣлія по Россіи \*).

Вотъ какъ было дѣло. Олонецкая губернія почти сплошь одѣта лѣсами. Помѣщиковъ тамъ изстари не заводилось, были одни крестьяне. Понятно: лѣсъ не имѣетъ цѣны, культурную землю надо еще создавать тяжкимъ трудомъ и пѣтомъ. Мужикъ, вотъ, и явился культуртрегеромъ въ этой области; настроилъ деревень и сель, обратилъ часть земель, ближайшую къ усадьбамъ, въ *постоянное* культурное состояніе, а огромной площадью дремучихъ лѣсовъ, на разработку которой не хватало рукъ, пользовался наиболѣе раціональнымъ образомъ, по такъ называемой *подсѣчной* системѣ: участокъ лѣса вырубается, макуши, ломъ, сучья выжигаются, почва даетъ богатѣйшіе урожаи хлѣба втеченіе ряда лѣтъ, а когда перестаетъ давать, ее бросаютъ и переходятъ къ новому участку.

Если бы олонецкая губернія заселилась двумя-тремя столѣтіями раньше, и населеніе росло-бы въ ней, какъ въ болѣе южныхъ губерніяхъ, то подсѣчная система смѣнилась-бы залежно-паровой, потомъ трехпольемъ,—такимъ образомъ значительная часть земель превратилась-бы въ культурное состояніе, стала-бы давать доходъ, пріобрѣла бы цѣнность. Тогда явились бы «лейбъ-компанцы» и прибрали-бъ къ рукамъ и мужика, и землю, и доходы.

Но олонецкая губернія еще и нынѣ находится въ томъ-же состояніи, въ какомъ смоленская или московская были при Рюрикѣ, и реформа 61 г. захватила ее на этой начальной стадіи хозяйственнаго развитія. Отпуская на волю крестьянъ (за отсутствіемъ помѣщиковъ они были казенные), казна вникла въ условія ихъ хозяйства и надѣлила ихъ землей щедро: отъ 50 до 200 десятинъ на душу.

Крестьяне продолжали свою культурную работу и вскорѣ

\*) «Сельское Хоз. и Лѣсов.» 1896, № 1.





для нихъ явилось огромное подспорье: возможность продавать лѣсъ. Понятно, что они принялись за продажу. Понятно также, что цѣны на лѣсъ упали вслѣдствіе конкуренціи. Тѣмъ не менѣе, крестьяне продолжали продавать, справедливо рассуждая, что выгоднѣе получать что-нибудь, чѣмъ ничего.

Что-же вышло дальше? Пусть говоритъ цитируемый нами источникъ:

«Министерство государственныхъ имуществъ, желая оградить крестьянъ отъ эксплуатаціи ихъ лѣсопромышленниками, исходатайствовало тогда изданіе закона, въ силу коего крестьянамъ было воспрещено продавать лѣсъ съ своихъ надѣловъ, а предоставлялось пользоваться имъ только для собственныхъ надобностей».

То есть гулять въ немъ, собирать грибы и ягоды и любоваться корабельными деревьями, потому что надобности отопленія и стройки съ избыткомъ могла удовлетворить сотая часть имѣвшихся лѣсовъ.

«Эксплуатація крестьянъ лѣсопромышленниками была этимъ способомъ прекращена, но зато возникло другое столь-же ненормальное явленіе: крестьяне лишены были возможности извлекать доходъ изъ своихъ лѣсовъ, и обширнѣйшія пространства во многихъ случаяхъ весьма цѣнныхъ лѣсовъ оказались совершенно непроизводительными. А какъ рубка лѣса притомъ не воспрещалась, а не допускалась только продажа его, то крестьяне стали истреблять и рубить строевыя и мачтовыя деревья на дрова, жечь ихъ на мѣсть для удобренія земли древесною золою, а иногда даже пускать умышленно лѣсные пожары, съ цѣлью воспользоваться для распашки и для пастбища ставшими совершенно для нихъ бесполезными и бездоходными лѣсными пространствами».

Какъ видимъ, крестьяне и теперь не отказались отъ своей культурной работы. Они продолжали превращать «совершенно бесполезныя пространства» въ культурное состояніе, въ поля и пастбища.

Почему цитируемая нами статья признаетъ «ненормальнымъ явленіемъ» эту культурную работу, — трудно понять. Почему «совершенно ненормальнымъ» было со стороны крестьянъ продавать свои собственные лѣса и получать за нихъ деньги — также непонятно. Деньги эти давали имъ возможность обзаводиться скотомъ и инвентаремъ, съ большимъ ухѣхомъ нести все ту-же культурную работу расчистки лѣсовъ; мало того, многія общества, «сохранившія тѣ суммы, которыя они выручили за часть



своихъ лѣсовъ еще въ то время, когда продажа ихъ не была воспрещена, погасили ими полностью свои выкупные платежи и имѣють по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей мірскаго капитала, процентами съ котораго пользуются для уплаты повинностей и для другихъ своихъ общественныхъ нуждъ».

Замѣчу также, что авторитетнѣйшіе агрономы, какъ, напримеръ, А. С. Ермоловъ, признають вполнѣ «нормальной» эту систему хозяйства для мѣстностей, «гдѣ лѣсъ не имѣетъ никакой цѣны, а участки, распаханые изъ подъ лѣса, наоборотъ, цѣнность очень большую» (А. С. Ермоловъ. «Организація полевого хозяйства», с. 112).

Разумѣется, крестьяне постарались умалить по возможности убытки, наносимые имъ этимъ «огражденіемъ ихъ интересовъ».

«Во многихъ случаяхъ не прекратилась даже и продажа срубленнаго лѣса, но только крестьяне теперь продають его тайно, *воруя, такъ сказать, свой собственный лѣсъ*, причемъ украденный ими изъ своихъ-же лѣсовъ матеріаль сталъ продаваться еще дешевле прежняго въ виду сопряженной съ этой операціей для покупателей опасностью штрафа и конфискаціи тайно приобрѣтеннаго лѣса».

Тутъ нечего комментировать: поставьте себя на мѣсто олопецкаго крестьянина, и вы безъ затрудненія найдете надлежащую оцѣнку подобнаго способа «огражденія» вашихъ интересовъ...

Приведу примѣръ, относящійся къ осташковскому уѣзду тверской губерніи, одинъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ плачевныхъ послѣдствій «лѣсоохранительнаго закона». Здѣсь лѣсная площадь составляетъ болѣе 60 процентовъ всей площади губерніи. Хлѣба съ крестьянскихъ надѣловъ получается недостаточно. Крестьяне пополняли этотъ недостатокъ съ помощью *лядиннаго* хозяйства, расчищая и распахивая лѣса и пустоши на своихъ внѣнадѣльныхъ земляхъ и у помѣщиковъ. Превосходные урожаи на такихъ земляхъ пополняли недостатокъ хлѣба, и крестьяне жили весьма сносно. Лѣсной законъ, воспретивъ лядинное хозяйство, подрѣзалъ это благосостояніе.

«Въ два-три года существованія въ уѣздѣ лѣсоохранительнаго закона произошло настолько полное разстройство въ хозяйственной жизни населенія, экономическія силы его настолько подорвались, что это самое населеніе, не знавшее до того времени вкуса сыромолатнаго хлѣба даже въ самые неблагоприятные годы, а въ благопріятные снабжавшее своей рожью сосѣдніе уѣзды, питается теперь почти исключительно привознымъ


 06.1935940  
 2025090933

хлѣбомъ; населеніе, не знавшее, что такое недоимки, опутано теперь продовольственными и иными долгами; населеніе, цѣлко, всѣми силами державшееся за землю, теряетъ теперь эту связь и чуть не цѣлыми семьями идетъ искать работы на сторонѣ».

Эта охрана лѣса (къ которому причисляются пустоши, кустарники, заросли), охрана некультурной площади отъ всякихъ попытокъ превратить ее въ культурное состояніе, — жестокой тормазъ нашему хозяйству, крестьянскому и помѣщичьему. Примѣровъ, вродѣ только что приведеннаго, хотя и не столь рѣзкихъ, можно набрать много.

Недостатки лѣсоохранительнаго закона—главнымъ мотивомъ котораго явилась не потребность въ сбереженіи дровъ и строевого лѣса, а сочиненная старыми метеорологами и ботаниками теорія вліянія лѣсовъ на климатъ, на охрану и питаніе рѣкъ, на уменьшеніе засухъ,—теорія, опровергаемая новѣйшими, болѣе точными изслѣдованіями,—теорія, *выдуманная* въ то время, когда сложные вопросы еще рѣшались «отъ разума», *разсужденіями* вмѣсто *изслѣдованія*,—недостатки этого закона признаны официальнымъ міромъ. Въ виду этого люди, вѣрующіе въ канцелярію, могутъ успокоиться: она конечно исправитъ ошибку, гдѣ нужно прибавить, гдѣ нужно вычеркнетъ... Но я не буду разбирать этого вопроса: моя задача охарактеризовать систему, вырабатываемую русскимъ населеніемъ,—указывая мимоходомъ препятствія, тормозящія эту работу.

## IX.

### Древопоклонники.

Слѣдуетъ, я думаю, сказать нѣсколько словъ по поводу теоріи лѣсомановъ и древопоклонниковъ,—знаменитой теоріи вліянія лѣсовъ на климатъ, принятой на вѣру въ нашей литературѣ, что не осталось безъ вліянія—и притомъ самаго плачевнаго—на судьбы народнаго хозяйства. Я разумѣю вопли объ истребленіи лѣсовъ и требованія охранить «наши лѣсныя богатства». Хуже всего, что въ этомъ вопросѣ всякій считаетъ себя компетентнымъ, не потрудившись даже заглянуть въ спеціальныя изслѣдованія. Такъ, извѣстный защитникъ добродѣтели г. В. Соловьевъ, побывавъ въ центральной Россіи, открылъ въ ней «туркестанскій климатъ», о чемъ и оповѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы». Въ статьѣ другого автора («Новости» 1897, № 22) я нахожу курьезнѣйшую параллель между степями,—«какими онѣ раньше были (вспомните степь Гоголя въ «Тарасѣ Бульбѣ»), и какими онѣ стали теперь. Отъ прежняго величія богатой природы не осталось и слѣда. Степи теперь, пожалуй, напоминаютъ ту пустыню, которой угрожалъ намъ Лейденъ въ 70-хъ годахъ».

Можно же договориться до такого бреда на яву!

При Тарасѣ Бульбѣ населеніе нашихъ степей измѣрялось десятками тысячъ, теперь десятками миллионовъ.

При Тарасѣ Бульбѣ степь прокармливала сусликовъ, байбаковъ, сайгу и пр., теперь она кормитъ густѣйшее въ Россіи населеніе, пополняетъ степной рожью недостатокъ хлѣба въ средней и сѣверной Россіи и заваливаетъ пшеницей Европу.

При Тарасѣ Бульбѣ степь была одѣта ковылемъ, дерезой, бобовникомъ и прочей дрянью, теперь ее одѣваютъ необозримыя хлѣбныя поля.

Это называется—превратиться въ пустыню. Авторъ сокру-





шается объ «утратѣ прежняго величія природы», объ «объединѣніи растительнаго и животнаго царства». Да вѣдь это всегдашній и неизбѣжный результатъ культуры. Культура истребляетъ дикія растенія и животныхъ—но объ этомъ можно жалѣть лишь съ точки зрѣнія ботаника или зоолога. И въ средней Россіи исчезли дремучіе лѣса, истребленъ «ярый туръ» и свирѣпый зубръ, кабанъ и бобръ—туда имъ и дорога.

Приведу еще примѣръ развязности сужденій объ этомъ вопросѣ. Передо мною № газеты «Русь» (№ 142), въ которомъ какой-то древопоклонникъ, сокрушаясь о «превращеніи средней и южной Россіи въ азіатскую пустыню», приписываетъ лѣсоистребленію паденіе нашего виноградарства и гибель виноградниковъ отъ филлоксеры. Ходъ аргументаціи таковъ: лѣса истреблены—почва высохла—виноградники отъ засухи ослабѣли—и поддались филлоксерѣ. Автору неизвѣстно, что филлоксера появилась прежде всего во Франціи, которая отъ засухи не страдаетъ, и что противъ нея не то что орошеніе, — затопленіе не помогаетъ. Я не говорю уже о томъ, что самое мнѣніе объ упадкѣ нашего виноградарства (одна изъ немногихъ отраслей нашего хозяйства, которая преуспѣваетъ и развивается количественно и качественно) фактически невѣрно.

Но тутъ и не заботятся о фактической вѣрности. «Старожилы говорятъ», «всякій можетъ видѣть собственными глазами» и т. п. — вотъ главные аргументы, приводимые въ подтвержденіе всей этой легкомысленной чепухи, о которой я не сталъ бы распространяться, еслибъ отъ нея не приходилось круто и солоно нашимъ земледѣльцамъ.

Дѣло въ томъ, что наша литература оказала въ этомъ отношеніи по истинѣ медвѣжью услугу населенію. Вопли объ истребленіи лѣсовъ повидимому не остались безплодными. Созданъ лѣсоохранительный законъ, дѣйствию котораго послѣдовательно подчиненъ рядъ губерній. Результаты этого дѣйствія таковы, что «недостатки» закона признаны официально и обсуждаются въ комиссіяхъ, въ видахъ исправленія. Но сдѣлать ошибку легко, исправить ее трудно.

Мѣстами охрана лѣсовъ нанесла тяжелый ударъ народному хозяйству. Она превратилась въ охрану некультурной площади отъ культуры. А подъемъ нашего земледѣлія возможенъ только при расширеніи культурной площади насчетъ некультурныхъ земель.

Въ главѣ «Война съ лѣсомъ» я привелъ въ видѣ примѣра ошашковскій уѣздъ, населеніе котораго въ нѣсколько лѣтъ раз-

орилось вслѣдствіе невозможности вести лядинное хозяйство, прекращенное лѣсоохранительнымъ закономъ. Но примѣровъ этого рода много. За 1889—94 гг. въ 13 губерніяхъ остановлены, какъ «опустошительныя», рубки на 1,393,880 дес. Въ этихъ губерніяхъ лѣсистость по оффиціальнымъ даннымъ—41% всей площади \*). Стало быть, при самомъ бережномъ и любовномъ отношеніи къ лѣсу надо желать—въ интересахъ культуры, развитія хозяйства—*уменьшенія* этой лѣсистости, по крайней мѣрѣ вдвое (20% даже черезчуръ «нормальная» лѣсистость; въ большинствѣ культурныхъ странъ она значительно меньше).

Но интересы культуры приносятся въ жертву Кереметю, лѣсному духу, богу древопоклонниковъ.

\* \* \*

Чтобы охрана лѣса не была помѣхой земледѣлю, надо прежде всего отрѣшиться отъ дѣтскихъ страховъ передъ пустыней, будто бы надвигающейся на Россію вслѣдствіе лѣсоистребленія. Какъ мы сейчасъ видѣли, люди, напуганные этимъ призракомъ, доходятъ буквально до галлюцинацій, при которыхъ, разумѣется, невозможна правильная постановка вопроса. Частные, специальные вопросы—напр. объ укрѣпленіи летучихъ песковъ или защитныхъ насажденій на Югѣ Россіи—смѣшиваются воедино съ общимъ вопросомъ о лѣсоистребленіи въ Россіи, хотя они относятся къ нему такъ же, какъ вопросы объ устройствѣ скверовъ въ городахъ, или парковъ въ усадьбахъ,—вопросы, которые можно рѣшать утвердительно или отрицательно совершенно независимо отъ взглядовъ на пользу или вредъ лѣсоистребленія.

Къ несчастью, для правильной постановки вопроса, въ основу лѣсоохранительнаго закона легла теорія вліянія лѣсовъ на климатъ, давно разбитая на всѣхъ пунктахъ точными изслѣдованіями. Цѣль этого закона не только охрана лѣсовъ, сбереженіе дровяного и строительнаго матеріала, но — и даже главнымъ образомъ — охрана *климата* Россіи. Лѣса, изволите видѣть, оказываютъ благотворное вліяніе на климатъ, питаютъ рѣки, ослабляютъ засухи etc. Читатель, незнакомый съ вопросомъ, быть можетъ удивится, если я скажу, что эта теорія цѣликомъ высосана изъ пальца, вымотана изъ головы, сочинена въ кабинетѣ и лишена сколько-нибудь солиднаго, об-

\*) На дѣлѣ она, конечно, выше, такъ какъ большинство суходольныхъ пустошныхъ луговъ (кустарныхъ покосовъ) надо отнести къ „лѣсности“.





*активнаго* основанія. Между тѣмъ это такъ. Это одна изъ тѣхъ архаическихъ теорій, которыя создавались десятками въ тѣ времена, когда ученые еще не убѣдились на дѣлѣ, что томы остроумнѣйшихъ разсужденій не стоятъ одного опыта. Вся она, цѣликомъ, покоится на разсужденіяхъ. Разсуждаютъ: «лѣса, охлаждая атмосферу, притягиваютъ къ данному пункту водяные пары и увеличиваютъ количество дождей въ данной мѣстности». Но еще Дове показалъ, что лѣса *не* вліяютъ на количество дождей, а точныя параллельныя наблюденія послѣднихъ лѣтъ (напримѣръ, Бюлера) показываютъ, что количество осадковъ въ лѣсу и внѣ лѣса одинаково.

«Лѣса поддерживаютъ равномѣрность температуры и влажности воздуха». Но точнѣйшія изслѣдованія Шуберта говорятъ намъ, что колебанія температуры и влажности воздуха не представляютъ сколько-нибудь существенной разницы въ лѣсу и внѣ лѣса.

«Лѣса повышаютъ уровень грунтовыхъ водъ и дѣлаютъ ихъ болѣе доступными для растеній». Но работы Волльни, Эбермайера, Отоцкаго показали, что лѣса *понижаютъ* уровень грунтовыхъ водъ, отнимая, такимъ образомъ, у растеній запасъ влаги, которымъ они могли-бы воспользоваться въ случаѣ засухи. Изслѣдованія Отоцкаго показали, что въ степи уровень грунтовыхъ водъ гораздо выше, чѣмъ въ лѣсу, такъ что считать лѣсъ собирателемъ влаги нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Если мнѣніе, усматривающее въ пониженіи уровня грунтовыхъ водъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ засухи (изслѣд. Измаильскаго), вѣрно, то приходится заключить, что *обмѣненіе степей усилитъ* (а не ослабитъ) засухи, *умножитъ* (а не сократитъ) *неурожай*.

«Лѣса поддерживаютъ влажность почвы». Но тѣ же Эбермайеръ, Волльни доказали, что лѣса *иссушаютъ* землю; что деревья — насосы для выкачиванія влаги изъ почвы. Больше всего испаряетъ воды хвойный лѣсъ, затѣмъ лиственный, затѣмъ лугъ, меньше всего испаряетъ и лучше всего держатъ влагу пашня и паръ.

«Лѣса замедляютъ таяніе снѣговъ, регулируя такимъ образомъ питаніе источниковъ». Пусть такъ, но тѣ-же лѣса *уменьшаютъ количество* грунтовыхъ, подпочвенныхъ водъ (Бюлеръ, Волльни, Эбермайеръ и др.), питающихъ источники и рѣки. Изъ всего количества воды, выпадающей въ данной мѣстности, лѣсъ отдаетъ ручьямъ и источникамъ на 30—40 проц. меньше, чѣмъ пахатная земля. Иначе сказать, если-бы верховья рѣкъ



были окружены пашнями, рѣки питались бы лучше, забирали бы больше атмосферныхъ осадковъ, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ окружены лѣсами. Лѣса—не помощники, а соперники рѣкъ въ отношеніи почвенной влаги. Спрашивается, можетъ-ли это похищеніе воды у рѣкъ лѣсами возмѣститься замедленіемъ таянія снѣговъ въ нашихъ ровныхъ мѣстностяхъ, гдѣ и безъ лѣсовъ стокъ вешнихъ водъ происходитъ довольно равномерно?

Въ итогѣ, по крайней мѣрѣ, три стороны дѣятельности лѣсовъ могутъ считаться установленными точно, на основаніи безукоризненныхъ изслѣдованій лѣса: 1) *высушиваютъ* почву; 2) *понижаютъ* уровень и 3) *уменьшаютъ количество* грунтовыхъ водъ. Трудновато примирить эту дѣятельность лѣсовъ съ теоріей, приписывающей имъ «питаніе рѣкъ» и ослабленіе засухъ!

Вопросъ еще болѣе осложняется, если имѣть въ виду работу Брюкера, по мнѣнію котораго климатъ Европы переживаетъ періодическія колебанія (въ среднемъ пер одѣ обнимаетъ 35 л.): періоды холодные и влажные смѣняются болѣе теплыми и сухими. Эти колебанія, причины которыхъ неизвѣстны, отражаются на повышеніи или пониженіи уровня грунтовыхъ водъ, рѣкъ, озеръ, внутреннихъ морей, на расширеніи или сокращеніи ледниковъ. Лѣса тутъ рѣшительно не причемъ (самая періодичность колебаній это доказываетъ), и нѣтъ никакого основанія приписывать ихъ обилію или недостатку повышеніе уровня или обмелѣніе рѣкъ и тому подобныя явленія.

Допустимъ, что вопросъ о вліяніи лѣсовъ на климатъ слишкомъ сложенъ, чтобы считать его *рѣшеннымъ* даже послѣ вышеупомянутыхъ изслѣдованій. Пока можно только строить болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Но вѣдь и гипотезы нужно *строить*, опираясь на факты, а не изъ пальца высасывать. Факты-же говорятъ въ пользу такого мнѣнія: истребленіе лѣсовъ увеличить влажность почвы, повысить уровень грунтовыхъ водъ—умаливъ, такимъ образомъ, дѣйствіе засухъ,—усилить питаніе рѣкъ.

Мѣстами оно вызоветъ даже нежелательныя явленія заболачиванія почвы (наблюд. Танфильева, Симашко, Кнорре и друг.), противъ котораго, однако, есть средства: дренажъ, канавы, канализація. Зато уменьшеніе утренниковъ, ускореніе таянія снѣговъ, повышеніе температуры почвы, которую лѣса охлаждають (Волльни, Эбермайеръ), — будутъ истиннымъ благодѣяніемъ для сѣверныхъ областей, гдѣ утренники, напр., нерѣдко доскомъ побиваютъ урожай.



УДК 630.001.003.3  
302.001.003.3

Но если даже считать этот вывод преждевременнымъ, если признать вопросъ нерѣшеннымъ, то спрашивается: можно ли на *нерѣшенномъ* вопросѣ основывать обязательную мѣру, которая сплошь и рядомъ является смертнымъ приговоромъ хозяйству, тормозитъ или вовсе останавливаетъ культурную работу населенія, заставляетъ его бросать землю и разбѣгаться? Такія мѣры если и допустимы въ извѣстныхъ случаяхъ (говорятъ, ради «общаго блага» это бываетъ нужно), такъ ужъ, по крайней мѣрѣ, должны опираться на незыблемые, доказанные факты! А вѣдь архаическая теорія вліянія лѣсовъ на климатъ до сихъ поръ такъ-таки и не привела въ свою пользу ни одного серьезнаго доказательства, между тѣмъ какъ точныя изслѣдованія наносятъ ей ударъ за ударомъ. Источникъ этой теоріи— «первое впечатлѣніе». Въ лѣсу прохладно, въ полѣ жарко, — слѣдовательно лѣсъ увеличиваетъ влажность, поле — сухость климата. Изъ этой основной ошибки и выматывается цѣлый клубокъ беспочвенныхъ разсужденій.

Точно такъ же многіе, даже изъ хозяевъ, до сихъ поръ думаютъ, что голое, очищенное отъ растений, поле *суше*, чѣмъ лугъ, потому что лугъ затѣняетъ почву, и наошупъ земля подъ лугомъ влажнѣе, чѣмъ голая почва. На дѣлѣ же лучшій способъ удерживать влагу въ почвѣ — оголить послѣднюю отъ растений (такъ наз. «черный паръ»), которыя испаряютъ громадныя количества воды.

Замѣтимъ кстати, что уже это одно говоритъ противъ теоріи высыханія нашихъ степей. Поля, которыя по крайней мѣрѣ часть года остаются обнаженными, испаряютъ гораздо меньше воды, чѣмъ степь, одѣтая сплошной, густой, въ человѣческой ростъ растительностью. Слѣдовательно въ настоящее время почва степей теряетъ меньше и задерживаетъ больше влаги, чѣмъ во времена Тараса Бульбы. Этотъ выводъ основывается на фактѣ, доказанномъ изслѣдованіями Дегерена, Волльни, Эбермайера и др., показавшими, какія чудовищныя массы воды испаряются травянистой растительностью. Онъ—этотъ выводъ—гармонируетъ и съ показаніями нашихъ лѣтописей о страшныхъ засухахъ въ древней Руси, напр. въ 1371 г., когда «жито посохло, а лѣсове и борове, и дубравы и болота погоряху; индеже и земля горяше», или 1533 г., когда съ іюня по сентябрь не выпало капли дождя, пересохли ключи и болота, солнце скрывалось за мглою и люди задыхались отъ дыма!

Первыя впечатлѣнія почти всегда обманчивы и являются источникомъ ошибокъ. Печально, когда на ошибкахъ науки стро-

77  
561935940  
302 00101033

ять обязательныя постановленія, но еще печальнѣе, если эти постановленія опираются на ошибки, *уже исправленныя наукой.*

Итакъ, первое условіе правильной постановки вопроса о лѣсоохраненіи — отрѣшиться отъ фантастической задачи охраненія климата. Охрана лѣсовъ пусть и будетъ охраной лѣсовъ — дровъ и бревенъ — а не ставитъ себѣ двойной задачи, не гонится за двумя зайцами. Тѣмъ болѣе, что второй-то заяцъ — охрана климата — неуловимъ вообще; и ужъ, во всякомъ случаѣ (какъ показываютъ изслѣдованія Брюкнера, Эбермайера, Воллени, Бюллера и др.), современные жрецы Кереметя направились за нимъ по ложному слѣду.

Нужно-ли, однако, охранять отъ истребленія дрова и строительный матеріалъ? Пришло-ли для этого время? Не съумѣетъ-ли русское населеніе само уберечь то, что ему требуется?

Если даже не съумѣетъ, если необходимо «упорядоченіе» лѣсного хозяйства, то оно уместно лишь тамъ и въ такой степени, гдѣ «правильное лѣсное хозяйство» имѣетъ смыслъ. Но въ обсужденіе этого спеціальнаго вопроса я не стану пускаться. Въ этой главѣ я имѣлъ цѣлью только указать работы, которыя подрываютъ старую теорію вліянія лѣсовъ и всѣ страшные выводы, на ней основанные. Эти страсти, этотъ призракъ «надвигающейся пустыни» — простое пугало, огородное чучело, котораго могутъ бояться лишь воробьи. А намъ это не пристало; тормозить же изъ-за пугала народное хозяйство — тѣмъ паче!

---



## Х.

### Всероссійская перепись и мужицкая агрономія.

Я уже пытался охарактеризовать съ агрономической точки зрѣнія систему земледѣлія, единственно раціональную при общихъ условіяхъ нашего хозяйства (малая сумма рабочей энергіи на большую площадь некультурныхъ земель);—систему, инстинктивно вырабатываемую русскимъ населеніемъ, и по существу экстенсивную: запусканіе старопахатныхъ земель подъ травы и разработка лѣсныхъ и пустошныхъ пространствъ, что и выражается различными вариантами многопольно-травяного сѣвооборота.

Масса русскаго населенія чутьемъ, ощупью, инстинктивно вырабатываетъ эту систему. Крестьянство стремится расширять свое хозяйство, арендуя, а если можно, покупая пустующія, заросшія всякой дрянью земли и приводя ихъ въ культурное состояніе. Параллельно и въ связи съ этимъ, повсюду въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, на крестьянскихъ старопахатныхъ земляхъ заводится травосѣяніе съ примѣненіемъ минеральныхъ туковъ (общій обзоръ этихъ послѣднихъ явленій мы еще представимъ).

Вотъ самый яркій, общій, универсальный фактъ въ современномъ движеніи русскаго земледѣлія, — фактъ, къ которому должно бы быть приковано вниманіе всѣхъ, кто интересуется успѣхами нашего хозяйства и можетъ вліять на нихъ тѣмъ или другимъ путемъ.

Но значеніе этого факта, этого наиболѣе широкаго и глубокаго теченія въ русскомъ земледѣліи, заслоняется мириадами пустяковъ въ глазахъ тѣхъ, кто смотритъ на него съ птичьего полета. Какъ на рѣкѣ, текущей по неровному руслу, то и дѣло натываясь на пороги, утесы и подводные камни, — бросаются



въ глаза пѣна и пузыри, водовороты и беспорядочныя струи, направляющіеся сплошь и рядомъ въ сторону, противоположную теченію, — такъ точно и тутъ.

То основное, глубокое, тихое и спокойное теченіе, которое, несмотря на всѣ мели и камни, неудержимо стремится впередъ, скрыто отъ глазъ наблюдателя пѣной, водоворотами, рябью и пузырями, шумно и безтолково бурлящими на поверхности.

Однако оно обнаруживается въ экономической жизни страны очень яркими явлениями, смыслъ которыхъ становится вполне яснымъ лишь въ томъ случаѣ, если мы вникнемъ въ мужицкую агрономію, въ движеніе крестьянскаго хозяйства, зарабатывающаго новую систему земледѣлія.

Я разумѣю любопытный фактъ грандіозныхъ передвиженій русскаго населенія, обнаруженныхъ всеобщей переписью 1897 г. Данныя эти обработаны г. В. Михайловскимъ, который однако преподноситъ ихъ подъ гарнизомъ неомарксистской чепухи на счетъ «разложенія общины» и т. п. При этомъ, какъ водится, попадаетъ пальцемъ въ небо и побиваетъ собственные выводы. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; г. В. Михайловскій увлеченъ примѣромъ нашихъ новѣйшихъ «эмансипэ», гг. Струве и Тугана, и усвоилъ ихъ «научный методъ»: утверждать одно, ссылаясь на цифры, доказывающія совершенно другое. Но я оставлю гарниръ, и буду пользоваться только цифрами.

Населеніе уходитъ изъ густо населенныхъ мѣстностей (внутреннія губерніи) на окраины, гдѣ сравнительно больше простора, гдѣ еще много пустующихъ (лѣсныхъ, степныхъ) земель. Понятно: у себя дома тѣсно, раздаться некуда, остается или интенсировать хозяйство на западный манеръ, или идти на поиски свободныхъ земель.

Есть, пожалуй, еще исходъ: идти въ батраки, промѣнять голодную независимость на сытую кабалу. Нѣмецъ такъ бы и сдѣлалъ, но въ русскомъ народѣ нивелиръ цивилизаціи еще не выгладилъ бугра независимости... да извинить мнѣ читатель этотъ нѣсколько струвіанскій способъ выраженія! Салтыковъ превосходно охарактеризовалъ эту національную черту русскаго народа въ разговорѣ «мальчика въ штанахъ» съ «мальчикомъ безъ штановъ». И самъ мужикъ выразилъ это въ поговоркахъ: «дома и солома ѣдома» и т. п. Этотъ досадный фактъ жестоко раздражаетъ пиндаровъ капитализма. Съ точки зрѣнія г. Струве и К', такихъ вещей, какъ «національныя особенности», «самобытность» и пр., не бываетъ: «все это выдумки-съ... хи!.. хи!... нашихъ прекраснодушныхъ... хи! хи!... народни-



ковъ-сь!» А между тѣмъ дѣйствительность представляетъ вещи, и знать не хочетъ формулъ, выведенныхъ «по Марксу». «Дѣйствительность вретъ, дѣйствительность ошибается — заявляетъ г. Струве — потому что я—я не могу ошибаться, я—Петръ Непогрѣшимый, я—Марксъ Въ Квадратѣ, я—Марксъ Исправленный и Дополненный!»... И призываетъ онъ къ «походу на дѣйствительность», но, будучи самъ косноязыченъ, выпускаетъ впередъ своего Аарона, своего трубача, свой рупоръ, своего карманнаго статистика, свою говорильную машину,—словомъ, «моего друга Тугана». Тогда «мой другъ Туганъ» принимается исполнять свое назначеніе:

Говорильная машина,  
Загудитъ, подыметъ лай,  
Будетъ плакать и смѣяться,  
Цифры, факты извращать,  
На Бутовскаго ссылаться,  
Марксомъ тону задавать—

все къ тому, чтобы доказать, будто дѣйствительность ошибается, и истинно вовсе не то, что существуетъ въ жизни. И надо отдать справедливость г. Тугану: попытки его всегда увѣнчиваются успѣхомъ. Доказалъ же онъ въ своей «Фабрикѣ», что нашъ капитализмъ вовсе не развился и не развивается органически, а поддерживался и поддерживается искусственно и до сихъ поръ остается даже не привитымъ а приклееннымъ къ русской жизни. Такъ что ежели клей (покровительственный тарифъ) распустится, то и капитализмъ отвалится. Отсюда и выводъ, торжественно провозглашенный г-мъ Струве: «искусственное—естественно, а естественное—искусственно», или, иными словами, дѣйствительность заблуждается.

Но оставимъ этихъ умниковъ и вернемся къ глупой русской дѣйствительности.

\* \* \*

Въ общемъ итогъ за послѣднія 11 лѣтъ эмигрировало такимъ образомъ (не въ города, а на окраины) 4.117,000 человекъ, т. е. по 375,000 человекъ ежегодно, «причемъ одна половина этой волны переселенцевъ выходитъ за предѣлы Европейской Россіи, а другая осѣдаетъ на окраинахъ ея. Изъ 13 естественныхъ областей Европейской Россіи 5 притягиваютъ къ себѣ эмигрантовъ, а 8, наоборотъ, являются очагами переселеній».

Главнымъ «очагомъ» являются центральныя губерніи (туль-





ская, калужская, ярославская, воронежская, симбирская, пензенская, московская, рязанская). Этот обширный районъ ежегодно выбрасываетъ массу переселенцевъ, такъ что населеніе этой области не только не возрасло, а даже уменьшилось за послѣднія 11 лѣтъ. Вокругъ него расположены губерніи (орловская, курская, тамбовская, нижегородская, владимірская, тверская) съ незначительнымъ приростомъ населенія.

Напомнимъ, что здѣсь дѣло идетъ не о переселеніи въ города. Нѣтъ, это волны переселенцевъ-земледѣльцевъ, разливающихся изъ центра на окраины, въ лѣса и степи, на пустующія земли.

Словомъ, это переселеніе, по существу, вполне нормальное явленіе. Оно не свидѣтельствуетъ о разложеніи деревни; напротивъ, оно доказываетъ ея прочность и крѣпость, ея творческія силы и энергію. Значеніе его становится понятнымъ, если сопоставить это явленіе съ охарактеризованной выше системой земледѣлія, вырабатываемой русскимъ народомъ. Крестьяне экстензируютъ хозяйство на счетъ некультурныхъ земель; въ центральныхъ губерніяхъ такихъ земель уже не хватаетъ на всѣхъ, и часть населенія переселяется.

Быть можетъ этотъ процессъ выселенія слишкомъ интенсивенъ. И въ центральныхъ губерніяхъ еще найдутся пустующія земли, а въ такихъ, какъ тверская, напр., ихъ даже очень достаточно. Если-бы облегчить крестьянамъ покупку земель; если-бы уменьшить проценты, взимаемые крестьянскимъ банкомъ,—часть населенія, нынѣ эмигрирующаго, могла-бы продолжать свою культурную работу дома, не теряя времени, средствъ и силъ на поиски.

Далѣе, есть, безъ сомнѣнія, случаи переселенія, вызванные искусственно охраной лѣсовъ, затормозившей развитіе крестьянскаго хозяйства въ данной мѣстности.

Трудно сказать, на какую цифру понизилось бы количество переселенцевъ при облегченіи крестьянамъ покупки земель и исправленіи недостатковъ лѣсоохранительнаго закона; но, во всякомъ случаѣ, это движеніе изъ центра къ окраинамъ не прекратилось-бы, такъ какъ въ основѣ своей оно совершенно нормально.

Но есть въ этомъ «потокѣ» переселеній отдѣльныя струи не туда, куда слѣдуетъ, направленные. Какія мѣстности притягиваютъ переселенцевъ? Сибирь, куда направляется до 200,000 человекъ ежегодно,—это понятно и резонно. Степныя губер-



УДѢЛЕНІЕ  
ВЪСЪЮЗНОМУ

нія, южныя, юго-восточныя и юго-западныя окраины Россіи,— это тоже вполне естественно. Но вотъ что нерезонно и неестественно: губерніи крайняго сѣвера и пріозерныя съ ихъ рѣдкимъ населеніемъ, съ ихъ громаднѣй «лѣсистостью», съ ихъ обиліемъ некультурныхъ земель,—не только не притягиваютъ эмигрантовъ, но и являются очагомъ переселеній. Изъ архангельской, олонецкой, вологодской и т. п. губерній мужикъ плетется въ Сибирь, на Амуръ, за тридевять земель. Громадная область остается въ дикомъ состояніи, тщетно дожидаясь культуры; а тѣ, кто могъ-бы ее культивировать, растрачиваютъ даромъ силы въ странствованіяхъ.

Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Почему наши сѣверныя и сѣверо-восточныя окраины, вмѣсто того, чтобы привлекать къ себѣ населеніе, которое пуститъ въ оборотъ колоссальныя почвенныя богатства, нынѣ празднолежащія, превратитъ бездоходныя лѣсныя площади въ нивы и пажити, — почему онѣ составляютъ исключеніе среди другихъ окраинъ? Это объясняется охраной лѣсовъ, о которой мы достаточно говорили въ предыдущихъ главахъ. Культурная работа населенія тормозится этой охраной, огромная область остается въ дикомъ состояніи, тщетно ожидая земледѣльца.

Безспорно, колонизація сѣвера должна была ослабѣть послѣ того, какъ южная окраина Россіи была отвоевана у татаръ и турокъ. Туда, на югъ, направился потокъ переселенцевъ изъ Средней Россіи. Но сѣверное населеніе продолжало бы свою колонизаціонную работу, а теперь оно бѣжитъ за тысячи верстъ.

Если не ошибаюсь, въ послѣднее время принимаются мѣры къ привлеченію населенія вдоль линіи архангельско-вологодской желѣзной дороги. Конечно, можно только порадоваться этому и пожелать, чтобы подобныя-же мѣры были распространены на всю сѣверную и сѣверо-восточную области. Всего бы лучше старое русское правило: «куда топоръ, соха и коса ходили».

Не лѣсъ, а люди, истребляющіе лѣсъ, создаютъ богатство страны. Доходность самихъ лѣсовъ растетъ параллельно росту населенія и увеличеніемъ культурной (пашня и лугъ) площади. Заимствую изъ статьи г. А. Мертваго слѣдующую любопытную таблицу, въ которой указана доходность казенныхъ лѣсовъ и ярко выступаетъ связь этой доходности съ густотой населенія:



	Въ 10 губ.	16 губ.	14 губ.
Доходъ съ 1 дес. лѣса . . . . .	6 р. 88 к.	3 р. 32 к.	2 р. 18 к.
На 100 человѣкъ населенія лѣса . . . . .	10—25 д.	25—50 д.	50—100 д.
На 1 кв. версту населенія.	88 чел.	59 чел.	40 чел.
	Въ 7 губ.	2 губ.	6 губ.
Доходъ съ 1 дес. лѣса . . . . .	1 р. 66 к.	55 к.	9 к.
На 100 человѣкъ населенія лѣса . . . . .	100—200 д.	200—300 д.	Бол. 300 д.
На 1 кв. версту населенія.	28 чел.	22 чел.	8 чел.

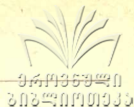
Какъ видимъ, даже становясь на точку зрѣнія лѣсомана и древопоклонника (если только онъ дорожить лѣсомъ ради его цѣнности и хозяйственнаго значенія), приходится признать, что для повышенія доходности лѣсовъ нужно заботиться не объ охранѣ лѣса, а объ умноженіи населенія. «Если считать нормальной доходностью лѣса 3 р. 32 к. съ десятины, какъ это получается въ 16 губ., то для созданія такой доходности въ вологодской губ., напр., нужно не охранять тамъ лѣса отъ населенія, а стараться увеличить это послѣднее въ 15 разъ». Но привлечь населеніе—значитъ истреблять лѣса; это явленія соотносительныя: чѣмъ больше народа, тѣмъ большая площадь будетъ отвоевана у лѣсовъ и засѣяна хлѣбомъ, льномъ, клеверомъ, которые даютъ во всякомъ случаѣ не 9 копѣекъ съ десятины.

Итакъ, если переселенческое движеніе отъ центра къ окраинамъ Россіи по существу вполнѣ естественно, то нѣкоторыя детали въ немъ ненормальны, съ какой точки зрѣнія ихъ ни разберишь. Теряетъ народъ, растрчивая попусту силы; теряетъ государство, оставляя въ дикомъ состояніи громадную, мало не съ поль Европы, область.

Кромѣ разселенія народа отъ центра къ окраинамъ, замѣчается приливъ населенія изъ деревень въ города, «бѣгство мужика изъ деревни», какъ называютъ обыкновенно это явленіе. По расчету г. В. Михайловскаго, «приливъ сельскаго населенія въ города за послѣднія 11 лѣтъ опредѣляется въ 2.509,000 человѣкъ. Въстѣ съ вычисленнымъ выше отливомъ населенія изъ коренной Россіи въ 4.117,000 чел. (переселяющихся въ азіатскую Россію и на окраины) получимъ общую колоссальную цифру передвиженія за предѣлы своихъ губерній и въ города до 6.626,000 чел. или по 600,000 чел. ежегодно».

Переселеніе на окраины и переселеніе въ города—два совершенно различныхъ явленія. Смыслъ перваго понятенъ тому,





кто поставитъ это явленіе въ связь съ крестьянской агрономіей, съ развитіемъ крестьянскаго хозяйства. Смысль второго не такъ легко уяснить. Свидѣтельствуетъ-ли оно о разложеніи деревни? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно знать, переселяется ли мужикъ въ городъ на постоянное жительство, или только временно, ради заработка, съ тѣмъ, чтобы вернуться въ деревню при первой возможности? Точныхъ данныхъ на этотъ счетъ не имѣется. Есть, однако, факты, говорящіе въ пользу второго предположенія. Всеобщая перепись обнаружила въ городахъ значительный перевѣсъ *мужского* населенія надъ женскимъ; въ деревняхъ, наоборотъ, постоянно растетъ преобладаніе населенія *женскаго*. Очевидно, деревню покидаетъ преимущественно мужикъ, оставляя тамъ бабъ. Маломальски оперившись, онъ возвращается въ деревню, а на его мѣсто тянется другой. Получается впечатлѣніе постояннаго прилива населенія изъ деревень въ города, хотя на самомъ дѣлѣ тутъ можетъ происходить и постоянный отливъ (возвращеніе) изъ городовъ въ деревни. Во всякомъ случаѣ, пока семейство крестьянина остается въ деревнѣ, пока хозяйство не уничтожено, а поручено бабѣ,—до тѣхъ поръ нельзя говорить о разложеніи деревни и «бѣгствѣ» мужика. Что будетъ дальше,—увидимъ, а пока деревня еще держится. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и перепись, показавшая, что  $\frac{7}{8}$  русскаго населенія—обитатели деревни, и только  $\frac{1}{8}$ —живетъ въ городахъ. Г. Туганъ даже основываетъ на этомъ свое мнѣніе о водвореніи капитализма въ Россіи. Въ Англіи, говоритъ онъ,  $\frac{1}{8}$  населенія живетъ въ деревняхъ, а  $\frac{7}{8}$  въ городахъ, стало быть, Россія и Англія — два полюса, т. е. совершенно одинаковы! Г. Туганъ думаетъ, что «два полюса» и «двѣ капли воды» — выраженія однозначія. Простодушный Туганъ!

Крестьянство во что-бы то ни стало стремится охранить свою экономическую самостоятельность, вырабатывая новую систему земледѣлія, продолжая свою культурную работу, иллюстрируемую, между прочимъ, вышеприведенными данными всеобщей переписи.

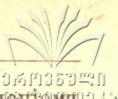
## XI.

### Творческая роль мужика въ исторіи русскаго земледѣлія.

Я не знаю другого, столь-же важнаго по значенію и раціональнаго по смыслу явленія въ русскомъ земледѣліи за послѣдніе годы, какъ переходъ крестьянъ къ новой формѣ хозяйства: къ многопольно-травяному сѣвообороту. Оно показываетъ, что если частные владѣльцы не въ силахъ справиться съ кризисомъ, то крестьянство можетъ вывезти на своихъ плечахъ русское земледѣліе,—и вывезетъ, если хотя сколько-нибудь облегчитъ ему эту задачу. Даже не облегчать, не направлять,—а только не мѣшать, не тормозить, не ставить препятствій въ видѣ охраненія некультурной площади отъ культуры, не облагать за улучшение хозяйства непосильными налогами въ видѣ пошлинъ на желѣзо, удобрения и проч.

Во всякомъ случаѣ, что-бы ни вышло изъ этихъ начинаній, они свидѣтельствуютъ объ одномъ: «мужицкая косность» — болѣе надежный залогъ развитія русскаго земледѣлія, чѣмъ кулацкая изворотливость, барская затѣйливость и канцелярская прогрессивность, а община болѣе могучій факторъ земледѣльческаго прогресса, чѣмъ «grande culture», «фермерское хозяйство», остзейскія начала, проповѣдуемая г. П. Струве.

Прежде, чѣмъ перейти къ этимъ начинаніямъ, скажу нѣсколько словъ вообще о роли крестьянства въ исторіи русскаго земледѣлія. Въ разсужденіяхъ и спорахъ о мужицкой косности ссылаются обыкновенно лишь на факты современной жизни. Защитники мужика ссылаются на травосѣяніе, примѣненіе минеральныхъ удобреній на крестьянскихъ земляхъ и т. п.; противники—на господство трехполья, сѣрыхъ хлѣбовъ, примитивной обработки. При этомъ вся прошлая исторія русскаго земледѣлія признается какъ-бы не существующей. Исторія, раз-



витія, прогресса не было: они являются только съ появленіемъ опытныхъ фермъ и академій.

Слову прогрессъ придается обыкновенно чисто условное значеніе. Прогрессъ въ земледѣліи—это многолемешные плуги, дисковыя бороны, корнеплоды, спеціальныя культуры. Прогрессъ въ земледѣліи—это раціональное мараловодство, электрокультура и тому подобныя въ высшей степени европейскія претупсѣянія, фабрикуемыя нашимъ усерднымъ и одушевленнымъ лучшими намѣреніями канцелярско-агрономическимъ персоналомъ.

Это кабинетное или канцелярское представленіе о прогрессивномъ хозяйствѣ до такой степени тяготѣетъ надъ умами, что и дѣльные, толковые люди, ведущіе хозяйство простѣйшимъ, наиболѣе раціональнымъ при данныхъ условіяхъ, способомъ, заводятъ «для казоваго конца» плодосмѣнъ, травосѣяніе и т. п. на небольшомъ кливу. Это собственно для показа, чтобы не сконфузиться и не ударить въ грязь лицомъ, если заѣдетъ въ имѣніе ученый агрономъ или какая нибудь чиновная особа, насаждающая прогрессъ въ русскомъ земледѣліи.

— На что вамъ клеверъ и вика? вѣдь у васъ площадь естественныхъ луговъ еще такъ велика, что корму избытокъ?

— Нельзя-же безъ травосѣянія: агрономъ пріѣдетъ, разочаруется. Что такое «естественные луга»? Степи, Азія! Хоть десятинку Европы надѡ завести.

Иной вильстермаршскую телушку воспитываетъ: это «продуктивное скотоводство». Другой сафлоръ на огородѣ сѣетъ: это «спеціальная культура», и притомъ высокаго значенія: «сафлоръ взамѣну подсолнуха, сафлоръ гораздо выносливѣе и продуктивнѣе» etc., etc. Я могъ-бы назвать хозяйства съ такой двойной системой: Азія въ большихъ размѣрахъ для дохода, Европа въ аптекарской дозѣ для прельщенія взоровъ,—описанія которыхъ фигурируютъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, но дѣло не въ именахъ, конечно.

Освоившись съ этимъ условнымъ понятіемъ о прогрессѣ, мы, естественно, забываемъ о прошломъ и поддаемся оптической иллюзіи, о которой уже упомянуто выше: намъ кажется, будто исторія до сихъ поръ топталась на мѣстѣ и лишь въ наше время, послѣ соответственныхъ мѣропріятій, начала свое теченіе. Я во все не преувеличиваю: вѣдь иначе, при болѣе правильномъ взглядѣ на прошлое русскаго хозяйства, не могло-бы и зародиться мнѣніе о мужицкой косности, о тупоуміи и неподвижности того, кто совершилъ колоссальную работу превращенія дремучей



тайги въ культурную страну, выработалъ сѣвообороты и системы, на которыхъ и нынѣ держится русское хозяйство, создалъ культуры, которыми и теперь исчерпывается почти все серьезное въ нашемъ земледѣліи. Не могло-бы и зародиться недовѣрія къ тому, кто одинъ никогда не обманывалъ довѣрія!

Мужикъ при самыхъ невозможныхъ условіяхъ исполнилъ работу, передъ которой пасуетъ вооруженный всѣми средствами науки и техники американецъ, напримѣръ въ Канадѣ, громадная часть которой остается въ дикомъ видѣ, потому что канадецъ все-таки баринъ, бѣлая кость, слишкомъ привыкъ къ «курицѣ въ супѣ», и не въ моготу ему «сажати села на сыромъ корени», какъ дѣлали во время оно наши земледѣльцы.

Подсѣчная система въ лѣсахъ, заимочная въ степяхъ, паровая и залежная въ различныхъ вариантахъ, разныя формы лѣсопольнаго хозяйства, приспособленныя къ частнымъ условіямъ данной мѣстности, наконецъ, трехполье, въ свое время идеальная по простотѣ и рациональности система,—эти главныя, основныя ступени или стадіи развитія земледѣлія—выработаны крестьянствомъ.

Но все это такъ просто, а главное такъ удивительно приспособлено къ даннымъ условіямъ, что намъ кажется, будто оно и возникло «само собой» изъ данныхъ условій, безъ всякаго усилія мысли, безъ всякаго творчества. Трехполье, напримѣръ, смыслъ котораго наука вполне раскусила только теперь, послѣ работъ Дегерена (уяснившихъ значеніе пара),—развѣ нужно было его «вырабатывать»? Вѣдь, при извѣстныхъ отношеніяхъ культурной площади къ некультурной, при извѣстной густотѣ населенія, при недостаткѣ удобреній и преимущественной важности озимыхъ хлѣбовъ никакой геній не придумаетъ системы болѣе совершенной, дающей болѣе значительные результаты при меньшей затратѣ силъ. Или, лучше сказать, только геній и могъ ее придумать,—коллективный геній народа, трудившагося и создававшего въ то время, какъ другіе обнаруживали доблесть.

Важнѣйшіе сѣвообороты, основныя приемы, главныя культуры выработаны крестьянствомъ; роль другихъ сословій, ученой агрономіи, попечительной канцеляріи—сдѣлавшихъ кое-что по части специальныхъ культуръ и новыхъ растений,—очень невелика сравнительно съ этой грандіозной работой. Но все это забывается и роли переворачиваются: мѣропріятія дѣлали прогрессъ, а мужикъ упирался. На самомъ дѣлѣ происходило обратное: мужикъ шелъ впередъ, а мѣропріятія загоразживали



ему дорогу. Мужикъ вывозилъ, канцелярія тормозила. Московскіе приказы брали и стригли, тормозили земледѣліе системой «мытовъ» (торговыхъ пошлинъ), но хоть не направляли; съ петербургскимъ періодомъ явились опека и забота. Стали оберегать отъ мужика лѣса и земли, чтобы онъ по глупости своей не пустилъ этого добра на вѣтеръ. Благодаря этой охранѣ, культурная работа крестьянства была пріостановлена, громадная область сѣверо-восточной Россіи осталась незаселенной, лѣса невырубленными, земли невоздѣланными.

Творческая роль крестьянства, пожалуй, еще нагляднѣе выступаетъ въ болѣе специальныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, напр., огородничествѣ, садоводствѣ. Это культуры болѣе интенсивныя, требующія болѣе тонкихъ и сложныхъ пріемовъ; тутъ бы, кажется, мужику надо спасовать. Что же мы видимъ на дѣлѣ? Возьму для примѣра огородничество. Оно находится у насъ въ «довольно жалкомъ состояніи», такъ говорятъ специалисты. Характеристика отчасти вѣрная: эта отрасль хозяйства, какъ и всѣ остальные, испытываетъ на себѣ гнетъ вышнихъ условій, тормозящихъ развитіе земледѣлія. Но есть тутъ и недоразумѣніе; сравнивая наше огородничество съ западнымъ, впадаютъ въ ту-же вѣчную кабинетно-агрономическую ошибку, о которой намъ не разъ приходилось упоминать. Забываютъ, что сумма рабочей энергіи на данную площадь земли у насъ гораздо меньше, чѣмъ въ Европѣ; стало быть, нельзя посвятить каждой отдѣльной отрасли сельскаго хозяйства столько труда, сколько тамъ посвящаютъ.

Далѣе надо имѣть въ виду общій характеръ нашего земледѣлія, свойственный всѣмъ его отраслямъ. Какъ полеводство, какъ садоводство, такъ и огородничество имѣетъ у насъ болѣе экстенсивный и, если можно такъ выразиться, болѣе демократическій характеръ, чѣмъ западное. Оно держится простыми, грубыми продуктами, которые «кормятъ всѣхъ», а не тонкими сортами, которые «кормятъ по выбору». Вы найдете прочныя, хорошо сохраняющіяся овощи съ русскими названіями: капуста сабуровка, огурцы муромскіе, лукъ ростовскій, рѣдька грайворонская и др., но цвѣтная капуста будетъ «эрфуртская», корнишоны «бурбонскіе», спаржа «слава Брауншвейга» и т. п. То-же и въ полеводствѣ, которое держится сѣрыми хлѣбами, и въ садоводствѣ, которое выѣзжаетъ на грубыхъ сортахъ вроде антоновки. Только въ послѣднее время, съ развитіемъ буржуазной утробы, развивается и производство нѣжныхъ продуктовъ, для этой утробы приспособленныхъ, а также и фальсификація



этихъ продуктовъ, водворяющихся въ тѣхъ огородничествахъ, которыя успѣли «капитализироваться» и замѣнить старинную мужицкую честность марксистскимъ принципомъ подчиненія честности «коммерческому интересу».

Агрономическая характеристика нашего земледѣлія: оно кормитъ голодныхъ, а не балуетъ сытыхъ. Правда, въ послѣднее время оно отказывается исполнять свое назначеніе, но вѣдь не по своей винѣ.

Но вернемся къ огородничеству. Худо-ли хорошо,—во всякомъ случаѣ оно выѣзжало и до сихъ поръ выѣзжаетъ на крестьянахъ. Крестьяне — ростовцы и боровцы—поставляютъ на всю Россію и огородные продукты, я самихъ огородниковъ; ими же создано и петербургское огородничество. Какія мѣстности славятся огородами? Не имѣнія частныхъ владѣльцевъ, не фермы, не станціи, а села, деревни, волости и уѣзды, гдѣ крестьяне занялись той или другой культурой: вендокурская волость съ огуречниками на цѣлыхъ десятинахъ, поставляющими огурцы на всю сѣверную Россію; села Костенево, Кожухово, Воробьево, Коломенское, Сабурово, Быково и пр., и пр., гдѣ крестьянами выведены сорта капусты, рѣпы и другихъ овощей, разошедшіеся по всей Россіи. Крестьяне Клинского уѣзда завели тепличное огородничество, неудавшееся помѣщикамъ; крестьяне Корочанскаго уѣзда поставляютъ лукъ и чеснокъ для городовъ южной Россіи, Персіи и Турціи; крестьяне Воронежской губ. завели плантаціи аниса для мѣстнаго потребленія и за границу (Валуйская ярмарка). За исключеніемъ немногихъ, появившихся въ послѣднее время сортовъ, лучшія породы овощей (простыхъ, служащихъ для питанія милліоновъ) созданы крестьянами и носятъ названія мѣстностей, деревень и селъ, гдѣ онѣ были выведены: огурцы муромскіе, вязниковскіе, галичскіе озерные (на Галичскомъ озерѣ: совершенно своеобразной культуры), аксельскіе (село Аксель); лукъ даниловскій, романовскій, горохъ ростовскій, капуста коломенка, истобенка, сабуровка (с. Сабурово), рѣпа костеневка, свекла кожуховская, арбузъ алешкинскій, быковскій (с. Быково) и пр., и пр.

А какъ нѣтъ мужика, не вытанцовывается и культура: примѣръ—черноморское побережье Кавказа. Много на него ухлопано денегъ, просвѣщенія, бумаги, чернилъ, перьевъ, добрыхъ намѣреній, кляксъ-папира, да ничего не выходитъ безъ мужика!

Я могъ-бы подробнѣе развить свой взглядъ, перебрать различные сѣвообороты, существующіе въ Россіи, обратиться и къ другимъ отраслямъ хозяйства. Но боюсь, что техническія по-



961935941  
1000000000

дробности утомить читателя, и думаю, что изложеннаго выше достаточно. Творческая роль въ русскомъ земледѣліи принадлежала до сихъ поръ крестьянству. Было-бы странно, если-бы послѣ такой плодотворной работы оно вдругъ остановилось, «закоsnѣло». Да этого и нѣтъ: оно продолжаетъ свою работу, ломаетъ старую и заводитъ новую систему хозяйства. Но теперь, въ наше время, въ дѣятельность хозяевъ внесенъ новый элементъ: наука, «агрономія», зародившаяся, положимъ, давно, но лишь недавно переселившаяся изъ лабораторій и кабинетовъ въ поля и огороды. Наука пока недоступна мужику, — и въ этомъ отношеніи онъ нуждается въ помощникахъ. Не въ руководителяхъ и наставникахъ, а, именно, въ помощникахъ, которые-бы слѣдовали за нимъ въ общихъ основаніяхъ системы, помогая ему техническими указаніями въ частностяхъ. Такъ, именно, и дѣйствуютъ лучшіе изъ земскихъ агрономовъ, почему ихъ роль оказалась крайне плодотворной въ преобразованіяхъ крестьянскаго хозяйства, къ которымъ мы теперь обратимся.

## XII.

### Вводное предложеніе.

Я увѣренъ, что многіе назовутъ вышеизложенный взглядъ «идеализаціей» крестьянства, хотя я только констатирую фактъ. Но мужикъ нынче рѣшительно изъ моды вышелъ. И въ этомъ ужъ не марксисты виноваты. Они только вскрыли нарывъ. Самая популярность этого направленія объясняется его злобнымъ, пакостнымъ, клоповымъ отношеніемъ къ народу. Очень ужъ обозлилась наша интеллигенція на мужика. Идетъ онъ своимъ путемъ, а насъ не слушаетъ—обидно! Вся наша обиходная рецептура прогресса отбрасывается этимъ сфинксомъ. Самое лучшее европейское меню оказывается для него не по вкусу,—какъ не обижаться кухмистеру?

И вотъ, въ pendant къ издѣвательствамъ надъ мужицкой глупостью, надъ «идіотизмомъ деревенской жизни», гремятъ филиппики противъ мужицкой гнусности.

Не могу не остановиться на этомъ явленіи, хоть оно и не относится непосредственно къ моей темѣ. Но я вѣдь журналистъ, и въ качествѣ такового могу отступать отъ педантической послѣдовательности изложенія, учиняя небольшія экскурсіи въ сторону.

Современная неомарксисткая (вѣрнѣе «горе-марксистская»!) публицистика вполне способна повергнуть въ изумленіе необозлившагося человѣка. Невольно спрашиваешь себя: что такое случилось? Was ist die Mähr? Какой нарывъ прорвался, что полилось столько гноя? Какой пузырь лопнулъ, что брызнуло разомъ столько желчи?

Достаточно ярко проявляется это отношеніе къ народу у самихъ «игемоновъ», гг. Струве и Тугана; еще ярче у послѣдователей, у статистовъ. «Игемоны» все-таки соблюдаютъ нѣкото-


 061935940  
 333 000000000

рую осторожность и стараются прикрыть свой цинизмъ хотѣ фиговымъ листкомъ; послѣдователи выступаютъ уже въ совершенно натуральномъ видѣ. Вотъ напр. цитата изъ нѣкаго А. Б., рьянаго струвіаниста, подвизающагося въ «Мірѣ Божьемъ»:

«Въ деревенской жизни не видно *никакихъ* культурныхъ зачатковъ... въ ней отупѣлое животное отношеніе другъ къ другу, къ дѣтямъ, къ жизни... въ ней *только* брань, попреки, ссоры, подсчеты кусковъ, пьянство, недоимки».

Правда вѣдь, рѣшительно сказано? И такихъ тирадъ нынче не оберешься. Какъ видите, онѣ высказываются въ формѣ тѣхъ общихъ и пустопорожнихъ, вслѣдствіе своей общности, характеристикъ, прототипомъ которыхъ служатъ извѣстные афоризмы, очень употребительные въ разговорахъ мѣщанскихъ барышень и кавалеровъ; напр., «мужчины—измѣнщики, а женщины—ангелы» или, наоборотъ, «мужчины вѣрны и неизмѣнны, а женщины коварныя существа».

Эту манеру, этотъ способъ сужденія восприняли наши горемарксисты,—отъ большого ума и громоздкой учености!

Подобныя приговоры удобны тѣмъ, что ихъ авторы всегда могутъ сослаться на факты въ подтвержденіе своихъ тирадъ. Но при этомъ упускаютъ изъ вида, что подобныя-же приговоры—глупость и ложь которыхъ заключается въ обобщеніи — съ такимъ-же точно правомъ могутъ быть высказаны о каждомъ словіи, о любой общественной группѣ. Съ такимъ-же точно правомъ можно сказать объ интеллигенціи: «Въ интеллигентномъ обществѣ царятъ вражда, зависть, челоуѣконенавистничество, эгоизмъ, нетерпимость и безчестность. Представители интеллигенціи возвели въ систему взятки, подкупъ, «подарки», «авуары», «процессы»: они обворовываютъ кассы; они наживаются нечистыми аферами и биржевой игрою; занимаются шантажемъ и торгуютъ совѣстью въ газетахъ; сочиняютъ проекты возстановленія крѣпостного права и признаютъ въ обращеніи съ народомъ только мордобитіе; они вѣчно грызутся, сплетничаютъ, шипятъ и злятся другъ на друга; душатъ гласность и травятъ корреспондентовъ; въ ихъ семьяхъ царитъ вражда; жены транжируютъ на тряпки средства, добываемыя тяжкимъ трудомъ мужа; мужа тиранятъ женъ, держатъ ихъ на привязи, пользуясь своими юридическими преимуществами; дѣтей забрасываютъ; прожигаютъ жизнь въ кафе-шантанахъ; распутничаютъ; молодые люди состоятъ альфонсами при богатыхъ женщинахъ; князья и графы продаются честолюбивымъ купчихамъ, алчущимъ титула... Плутуютъ въ дѣлахъ, клеветуютъ въ газетахъ, сплетничаютъ въ обществѣ, гры-



зутся въ семьѣ—это адъ кромѣшный, сплошная мерзость, гнойный нарывъ на организмъ народномъ!» Что-жь, это неправда? выдумка? Нѣтъ, я опираюсь на факты дѣйствительности, и моя характеристика—*такая-же* правда (или *такая-же* клевета), какъ грозные приговоры надъ мужикомъ гг. Струве, Тугана, А. Б. и проч.

Съ такимъ-же правомъ можно сказать: «дворяне—волки», «купцы—мошенники», «фабричные—пьяные скоты, пыряющіе другъ друга шведскими ножами»... Однимъ словомъ, «*всѣ* мужчины измѣнщики» — и да здравствуетъ логика мѣщанскихъ барышень!

Идя дальше, съ такимъ-же правомъ можно сказать, «всѣ люди мерзавцы, все человѣчество состоитъ изъ скотовъ». Но такъ какъ при этомъ необходимо будетъ подразумѣваться, что я, грозный судія, изрекающій этотъ приговоръ, одинъ сіяю добродѣтелями среди этого скопища злодѣевъ, и такъ какъ подобная претензія поставить судью въ нѣсколько смѣшное положеніе хвастуна и фанфарона, то отъ подобныхъ характеристикъ, вообще, воздерживаются. Другое дѣло крестьянство, мужикъ... Въ отношеніи его можно, дозволительно изрекать огульные приговоры. Я, интеллигентъ, «проникнутый идеей народолубія» (но не проникнутый, къ несчастью, обыкновенной порядочностью, терпимостью и снисходительностью къ людскимъ недостаткамъ), отправляюсь въ деревню, начинаю «творить добро народу», добиваюсь того, что за мое «добро» народъ поджигаетъ мой лѣсъ и усадьбу, отрясаю прахъ отъ ногъ моихъ, возвращаюсь въ городъ, печатаю въ прогрессивномъ журналѣ обширнѣйшій отчетъ о томъ, какъ меня, благодѣтеля, темная масса отвергла, и всѣ слушаютъ, развѣсивъ уши, и никто не спроситъ: да не сидѣлъ-ли въ тебѣ, благодѣтель... Жеденовъ?

Провозившись нѣсколько лѣтъ съ мужиками, увидѣвъ, а частью и на себѣ испытавъ, проявленія грубости, дикости, темноты, я, народолубецъ, слагаю оружіе, не выдерживаю, бѣгу... Ну и пусть-бы себѣ: рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше; весьма естественно и простительно. Нѣтъ, у меня поворачивается языкъ сваливать всю вину на другихъ, заявить во всеуслышаніе, что въ деревнѣ нѣтъ вовсе добрыхъ отношеній, что тамъ всѣ исподлились и изворовались, «парни тащутъ изъ семьи, отецъ семейства несетъ добро въ кабакъ, дѣти занимаются воровствомъ» и т. д., и т. д. И я не замѣчаю, что этотъ приговоръ—приговоръ мнѣ самому, моей слѣпотѣ, негуманности и, главное, нетерпимости, барской фанаберіи, не прощающей ме-



лочныхъ обидъ и грубостей мужику, не признающей, что у него могутъ быть свои понятія о честности, справедливости и порядочности.

Есть, однако, сотни, тысячи людей, которые живутъ и ведутъ дѣло съ мужиками годами, десятками лѣтъ; видятъ семьи, гдѣ царствуетъ совѣтъ и любовь, которымъ могли-бы позавидовать многія интеллигентнѣйшія семейства; мужей и женъ, живущихъ душа въ душу; отцовъ, выбивающихся изъ силъ ради семьи (а не «тянущихъ въ кабакъ общее добро»); различаютъ за грубостью *понятій* деликатность и сердечность *чувствъ*; понимаютъ, что отсутствіе многихъ нашихъ *условныхъ* понятій о честности или справедливости еще не доказываетъ безчестности и неправды; убѣждаются, что жестокіе, тупые и дикіе люди среди крестьянства являются такими-же единицами, какъ среди насъ... Я могъ-бы привести единичные примѣры, но лучше возьмемъ общій и потому болѣе убѣдительный фактъ. Вотъ, напр., отношеніе крестьянъ къ учителямъ. Въ статьѣ «Къ вопросу о положеніи учащихся въ народной школѣ» («Русская Мысль», 1896 № 6) собраны отзывы учителей изъ разныхъ мѣстностей. «Отношенія полныя участія», «самыя отрадныя», «наилучшія» — вотъ громадное большинство этихъ отзывовъ. Правда, среди нихъ встрѣчаются *единичныя* указанія на холодныя или враждебныя отношенія, но, имѣя въ виду массу хорошихъ отзывовъ, невольно спросишь себя: мужика или учителя можно попрекнуть этой холодностью?

Я взялъ, именно, этотъ примѣръ, потому что изъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ — по должности, профессіи, роду занятій — отношенія къ мужикамъ, учителя, кажется, наиболѣе зависимы отъ нихъ, имъ-бы солонѣ всего должно придтись отъ пресловутой мужицкой грубости и дикости. Но, именно, здѣсь мы встрѣчаемъ «отрадныя отношенія».

Всего гаже ликующей тонъ этихъ развязныхъ судій крестьянства! Удивительно развеселый народъ собрался подъ знамя Петра Первѣйшаго (такъ величаютъ г. Петра Струве его послѣдователи, въ отличіе отъ менѣе геніальнаго Петра I)! Вообще прогрессивная часть нашей литературы никогда не отличалась веселонаравіемъ. Отпечатокъ хандры, пессимизма, сомнѣнія и недовѣрія къ будущему всегда былъ ей свойственъ. Но вотъ вторгается въ литературу компанія именинниковъ! Имъ чужды сомнѣнія и недовѣріе, черныя мысли и горькія чувства. Ихъ девизъ: «играй, Адель, — не знай печали!» На эту тему распространяются они въ стихахъ и прозѣ. «Живемъ хорошо — жи-



даемъ лучше»,—заявляетъ г. Туганъ. «А слезы оставимъ любителямъ лить, пусть льетъ ихъ, кому есть охота!» подхватываетъ струвіанскій бардъ. Затѣмъ раздается неомарксистскій гимнъ:

«Деревенски мужики,—  
 «Они просто дураки!  
 «Невѣжи! калина!..»

Все-то ихъ радуетъ, все-то ихъ восхищаетъ; между прочимъ и «открытое» ими «деревенское свинство». Съ какимъ-то засосомъ разливаются они о деревнѣ, которая «обладаетъ всѣми недостатками трактирной цивилизаціи и ни однимъ изъ ея достоинствъ»; и о томъ, какъ «мы» послѣ голоднаго 1891 года «открыли сельскій пролетаріатъ»... «увидѣли невѣжество, болѣзни, пьянство и нищету». Какіе, подумаешь, Колумбы! А раньше никто не видалъ и не зналъ, что въ деревнѣ существуютъ пьянство, болѣзни, нищета, жестокіе мужья, кулаки и т. п.?

\* \*  
 \*

Но открывая безобразія—если ихъ нужно «открывать»: чего другого, а безобразій избыточно и преизбыточно въ любой средѣ и въ любомъ обществѣ—люди, у которыхъ злость на мужика не затемнила очи, не могли не замѣтить и такихъ явленій, какъ неуправляемый ростъ человѣческаго достоинства, исчезаніе розги, жажда образованія: это — основныя теченія моральной жизни крестьянства за послѣднія десятилѣтія.

Вѣками, тысячелѣтіями копились безобразія, развивались и закрѣплялись звѣрскіе инстинкты и атрофировались альтруистическія чувства. Со времени каменнаго вѣка до нашихъ дѣдовъ прогрессъ былъ эволюціей жестокости, хищности и коварства. Именно культурные слои общества играли въ этомъ отношеніи роль заправиль и капельмейстеровъ. Война, рабство, пытки и казни, систематическое истязаніе дѣтей и женщинъ, всевозможные виды изувѣрства и нетерпимости—вотъ цвѣты, распускавшіеся съ развитіемъ цивилизаціи и развернувшіеся въ полномъ блескѣ въ Европѣ недавнихъ столѣтій. Что-жъ удивительнаго, что ни мужикъ, ни мы не можемъ скоро отдѣлаться отъ этого наслѣдія вѣковъ. И въ нашей то (разумѣю—культурной, европейской) жизни поворотъ къ человѣчности начался всего какую-нибудь сотню лѣтъ назадъ...

Однако, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Мое вводное предложеніе слишкомъ затянулось. Скажу однако нѣ-





сколько словъ о не-марксистскомъ («не», а не «нео») отноше-  
нн къ деревнѣ. Существенная черта его въ томъ, что, не остано-  
вливаясь на мелочахъ, на случайностяхъ, на явленіяхъ, общихъ  
всѣмъ классамъ, обществамъ и народамъ, оно имѣетъ въ виду  
основныя, коренныя факты и явленія, присущія спеціально  
крестьянству. Но факты *настоящаго*, факты *современной* дѣй-  
ствительности! Фактъ тотъ, что въ основѣ крестьянской морали,  
при всѣхъ ея недостаткахъ, лежатъ принципы болѣе высокіе,  
чѣмъ въ основѣ нашей, буржуазной нравственности. Фактъ  
тотъ, что крестьянство сохранило общину, т. е. зачатки высшаго  
и справедливѣйшаго строя, чѣмъ современный европейскій.  
Фактъ тотъ, что «Россія—страна земледѣльческая»:  $\frac{7}{8}$  ея насе-  
ленія живутъ въ деревняхъ,  $\frac{1}{8}$  въ городахъ; въ Англіи  $\frac{7}{8}$  въ го-  
родахъ,  $\frac{1}{8}$  въ деревняхъ; стало быть Россія, и Англія—два по-  
люса, и самъ г. Струве этого не отвергаетъ, только онъ на это «не  
взираетъ»: это глупая дѣйствительность, а по умнѣйшей его тео-  
ріи Россія и Англія «одинаково капиталистическія страны». Фактъ  
тотъ, что капитализмъ у насъ пока не привить, а приклеенъ: это  
доказано между прочимъ адъютантомъ г-на Струве, Туганомъ.

Исходя изъ этихъ фактовъ мы строимъ догадки о буду-  
щемъ. Я говорю «*догадки*» и подчеркиваю:—это важное разли-  
чіе народническихъ взглядовъ отъ неомарксистскихъ. «Науч-  
ныхъ» предсказаній будущаго не можетъ быть, потому что нѣтъ  
науки, которая могла бы дѣлать такія предсказанія. Законы об-  
щественнаго развитія намъ неизвѣстны; современная социоло-  
гія имѣетъ столько же правъ на названіе науки, какъ алхимія  
или астрологія; поэтому сужденія о будущемъ неизбѣжно носятъ  
характеръ *эмпиризма*. Мы знаемъ одно: различныя условія при-  
водятъ къ различнымъ результатамъ, причемъ результатъ за-  
виситъ именно отъ *совокупности* условій, а рѣшить, которое изъ  
нихъ важнѣе, мы не можемъ. Лишняя песчинка можетъ пере-  
вѣсить чашку вѣсовъ, небольшая щель пустить ко дну корабль.

Современная Россія находится въ совершенно иныхъ усло-  
віяхъ, чѣмъ европейскія страны, когда онѣ вступили на путь  
капитализма. Поэтому ожидать, что ея развитіе пойдетъ тѣмъ  
же путемъ, можетъ лишь тотъ, кто смѣшиваетъ естественно-исто-  
рическое понятіе о законахъ развитія съ юридическимъ пред-  
ставленіемъ о законѣ, какъ предписаніи, данномъ извнѣ и обя-  
зательномъ для всѣхъ, всегда, при всякихъ условіяхъ. Предпи-  
сано кораблю переплыть океанъ; значитъ—переплыветъ, не взи-  
рая на течъ. Предписано крѣпости взлетѣть на воздухъ—и  
взлетитъ, хотя бы не было подведено мины.

Когда Европа вступила на путь капитализма, буржуазный порядокъ былъ мечтой лучшей и прогрессивнѣйшей части общества; теперь имъ восхищаются только нравственные идіоты и мудрецы съ тугими мозгами и бараньими головами. Какъ отразится на будущемъ это измѣнившееся настроеніе міра? Кто измѣрилъ значеніе этого условія?

Я не стану перебирать всѣ измѣнившіяся условія матеріальнаго и нравственнаго порядка, становящіяся поперекъ дороги буржуазному развитію. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Тутъ вѣдь цѣлую философію исторіи придется развести. Я думаю, что и этихъ немногихъ замѣчаній довольно для характеристики эмпирическаго метода, въ отличіе отъ quasi-научнаго. Элементы лучшаго и высшаго, чѣмъ буржуазный, строя сохранились въ Россіи до сихъ поръ. Условія развитія этихъ элементовъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ періодъ зарожденія капитализма въ З. Европѣ. Наоборотъ, элементы буржуазнаго строя у насъ еще очень слабы, лишены органической силы, несмотря на поддержку и радѣнье гг. Струве и Тугана. И условія развитія этихъ элементовъ несравненно менѣе благопріятны, чѣмъ въ З. Европѣ во время оно.

Отсюда выводъ: по всей вѣроятности Россія минуетъ буржуазное чистилище. *Если свѣтъ не клиномъ сошелся на капиталистическихъ порядкахъ, если исторія вообще вступаетъ въ новую фазу, то и выводъ нашъ пріобрѣтаетъ степень вѣроятности, почти равную достовѣрности. Ужъ въ этомъ то случаѣ мы никоимъ образомъ не составимъ исключенія!*

Во всякомъ случаѣ, это наиболѣе правильный выводъ, который можно сдѣлать, основываясь на фактахъ современности. Неомарксизмъ,—тотъ основывается на фактахъ будущаго, которые ему извѣстны доподлинно. «Что ваши цифры!—заявилъ г. Туганъ въ засѣданіи Вольно-Экономическаго Общества, когда народники приперли его къ стѣнѣ:—не цифры важны, а идеи. Намъ извѣстны законы исторіи; не вѣрите,—спросите у Петра Бернардыча» (т. е. у г. Струве)...

— «Но позвольте, факты...

— «Факты врутъ—перебилъ г. Туганъ — теорія непогрѣшима. Говорю: спросите у Петра Бернардыча»...

И «Петръ Бернардычъ» всталъ и объявилъ, что факты дѣйствительно врутъ, что теорія дѣйствительно непогрѣшима, что онъ, Струве, изучилъ Маркса лучше, чѣмъ самъ Марксъ, и можетъ предсказывать будущее вѣрнѣе, чѣмъ Соломоновъ кругъ и конфекты «Гадалка»...

0619353210  
010000

И надо видѣть, какъ подобныя заявленія дѣйствуютъ на зеленую публику, на тѣхъ послѣдователей, которые относятся къ своимъ отцамъ-командирамъ по принципу:

Glauben will ich, was du schwörest,  
Schwören will ich, was du glaubst!

---



### ХШ.

#### Подъемъ земледѣлія съ помощью микробовъ.

Переходъ отъ классическаго трехполья къ травосѣянію совершается нынѣ—спорадически, очагами, охватывающими, однако, цѣлыя волости и уѣзды—на огромной площади сѣверной и средней Россіи. Земство играетъ при этомъ важную роль, но слѣдуетъ замѣтить: и тамъ, гдѣ земство состоитъ изъ ланд-лордовъ, черезчуръ важныхъ для того, чтобы тревожиться насчетъ мужицкаго хозяйства,—это послѣднее прогрессируетъ, не дожидаясь посторонней помощи. Такъ, въ Петербургской губерніи, безъ всякаго участія со стороны земства, распространяется травосѣяніе на крестьянскихъ земляхъ (распространяются и минеральныя удобрения, преимущественно костяная мука); въ 1896 г. подъ травами находилось уже 3,411 десятинъ пахатной земли въ 12 проц. крестьянскихъ общинъ.

Въ Московской губ. травосѣяніе распространилось въ 7 уѣздахъ; изъ нихъ въ Волоколамскомъ 33 проц. (41,516 дес.) крестьянскихъ общинныхъ земель находятся подъ многопольно-травянымъ сѣвооборотомъ; въ различныхъ уѣздахъ ярославской губ. крестьяне — безъ указаній со стороны земства, которое ограничивается ссудой сѣмянъ, — завели и заводятъ на общинныхъ земляхъ 4-польный сѣвооборотъ съ клеверомъ; въ Вятской губ. площадь общиннаго травосѣянія увеличилась за послѣднія 6 лѣтъ съ 2 десятинъ на 1,345, и деревня за деревней выдѣляютъ изъ общественной земли участки для опытовъ; въ тверской губ. во многихъ деревняхъ (въ Клинскомъ уѣздѣ въ 81) введено четырехполье съ 8-польнымъ сѣвооборотомъ; въ смоленской губ. распространяется у крестьянъ такая же система (въ Сычевскомъ и Вѣльскомъ уѣздахъ еще въ 1892 травосѣяніе было введено въ 38 проц. деревень); болѣе спорадично,



тамъ и сямъ въ отдѣльныхъ деревняхъ, заводится травосѣяніе въ пермской, костромской, новгородской, псковской губерніяхъ.

Есть мѣстности, гдѣ крестьяне переходятъ къ травосѣянію по собственной инициативѣ, безъ всякой указки, услыхавъ объ этой премудрости отъ какого-нибудь бродячаго солдата, разносчика, грамотнаго парня, прочитавшаго книжку о травосѣяніи и т. п. \*); есть и такія, гдѣ они послѣдовали примѣру помѣщиковъ; но всего успѣшнѣе дѣло идетъ тамъ, гдѣ земская агрономія помогаетъ мужику техническими указаніями и матеріально: доставкой сѣмянъ.

Чѣмъ-бы ни кончились эти попытки, но ихъ громадное — хотя-бы и спорадическое — распространеніе, ихъ возникновеніе одновременно въ различныхъ мѣстностяхъ нечерноземной Россіи, съ помощью и безъ помощи земства, по указаніямъ агрономовъ, по примѣру помѣщиковъ, по собственной инициативѣ крестьянъ, показываетъ, что здѣсь дѣло идетъ не о случайномъ явленіи, а о широкомъ, общемъ, прогрессивномъ движеніи, о пересозданіи крестьянскаго хозяйства.

Мужицкая косность не помѣшала. Кстати объ этой косности: обратитесь къ крестьянину съ разумнѣйшими, умнѣйшими, ученѣйшими совѣтами по агрономической части, — онъ обязательно отвѣтитъ отрицаніемъ. «Намъ это дѣло не подходитъ»... Если не найдетъ путныхъ возраженій, то брякнетъ, что придетъ въ голову, — лишь-бы отдѣлаться отъ вашихъ умныхъ наставленій. Первое, чѣмъ встрѣчаетъ крестьянинъ хозяйственные совѣты, — недовѣріе; и въ этомъ отношеніи помѣщики, частные владѣльцы несомнѣнно податливѣе. Тысячи хозяевъ обжигались на агрономическомъ прогрессѣ: на европейскихъ хлѣбахъ чудовищной продуктивности, на кормовыхъ травахъ, не требующихъ ни удобренія, ни ухода, на спеціальныхъ культурахъ, дающихъ юзовскіе барыши... На такомъ хламѣ, какъ, на примѣръ, «сахалинская гречиха», недавно гремѣвшая въ сельско-хозяйственной прессѣ, или «лѣсная чина Вагнера», пущенная въ ходъ компаніей нѣмецкихъ аферистовъ, предприимчивые сѣмяноторговцы наживаютъ цѣлыя состоянія.

Мужикъ въ этомъ отношеніи далеко отсталъ отъ помѣщика,

\*) „Въ дуденской волости Юхновскаго уѣзда травосѣяніе возникло, благодаря молодому десятокому, который прочелъ книжку Бажаева и статью «Сельскаго Вѣстн.» объ этомъ предметѣ. На подобные примѣры вліянія печатнаго слова земскимъ агрономамъ приходилось наталкиваться неоднократно». Отчетъ о дѣят. дорогов. экон. совѣта. 1897 г.

и, однако, вотъ вамъ факты: тотъ-другой изъ крестьянъ рѣшается попробовать посѣвъ клевера въ небольшихъ размѣрахъ; проходитъ 6 лѣтъ, и треть крестьянскихъ земель уже находится подъ многопольно-травянымъ сѣвооборотомъ (Волоколамскій уѣздъ).

Какъ видимъ, община не только не мѣшаетъ прогрессу хозяйства, а ускоряетъ его: новый сѣвооборотъ заводится цѣлыми деревнями, на общественныхъ земляхъ. Кулаки отнюдь не являются культуртрегерами въ данномъ случаѣ; напротивъ, часто (напримѣръ, въ вятской губерніи) оказываются противниками новой системы хозяйства, которая укрѣпляетъ, главнымъ образомъ, хозяйственную самостоятельность слабыхъ, бѣдныхъ и среднихъ дворовъ. Хозяйственному мужичку-паучку это вовсе не по вкусу: онъ возстаетъ противъ «идіотизма деревни», разрывающей его культурную (по Струве) паутилку.

Въ прежнее время любимымъ аргументомъ противниковъ общины была ссылка на невозможность сельско-хозяйственнаго прогресса при общинномъ землевладѣніи. Впрочемъ, на этомъ старомъ, заѣзженномъ конькѣ и нынѣ гарцуютъ лихіе наѣзники: новые варианты старыхъ пошлостей объ «архаической формѣ быта», которая «не даетъ крестьянину возможности вести рациональное хозяйство». вы можете прочесть у гг. Тугана-Великолѣпнаго, Струве-Остзейскаго и ком.

Но конекъ-то, все-таки, заѣзженъ и скоро придется его оставить въ виду фактовъ, умножающихся съ каждымъ днемъ. Да это не бѣда: Архимарксъ-Струве и Протоэнгельсъ-Туганъ атакуютъ общину съ другого фланга. Они вотъ какъ поставятъ вопросъ: правда, община не мѣшаетъ прогрессу хозяйства! Правда, община не мѣшаетъ крестьянамъ примѣнять улучшенныя орудія: земскіе склады распространяютъ тысячами желѣзные бороны, плуги, дешевыя вѣялки и пр.—и спросъ на эти орудія среди крестьянъ растетъ съ каждымъ годомъ! Правда, община не мѣшаетъ крестьянамъ примѣнять минеральныя удобрения: фосфоритъ, костяная мука, гипсъ, суперфосфатъ проложили себѣ путь въ деревню! Правда, община не мѣшаетъ коренному преобразованію сѣвооборота: мужики обладаютъ способностью сообща, по взаимному соглашенію, производить ломку хозяйства! Правда, не мѣшая прогрессу, община *закрѣпляетъ* его, упрочиваетъ всякое улучшение, ускоряетъ его примѣненіе, не даетъ ему захирѣть и пропасть, что сплошь и рядомъ случается въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ!

Но все это доказываетъ только стадность крестьянъ, пора-





бошеніе личности «міромъ», недостатокъ благороднаго дуализма!

Ставъ на такую точку зрѣнія, мы будемъ несокрушимы. Встрѣтивъ фактъ застоя, упадка, регресса, мы скажемъ: вотъ результатъ мужицкой косности, порождаемой общиной! Встрѣтивъ фактъ успѣха, развитія, прогресса, мы столь-же развязно провозгласимъ: вотъ результатъ мужицкой стадности, порождаемой общиной! И если найдется деревня, которая пойдетъ еще дальше, начнетъ обрабатывать землю сообща, то это послужитъ уже окончательнымъ доказательствомъ «идіотизма деревенской жизни».

Этотъ способъ аргументаціи пока еще мало примѣняется новѣйшими противниками общины, но, безъ сомнѣнія, будетъ использованъ современемъ. Очень хорошій способъ по своей неуязвимости: никто противъ него не устоитъ, всякій плюнетъ и отойдетъ...

Попытаемся теперь уяснить смыслъ новой системы съ научно-агрономической точки зрѣнія.

Травосѣяніе даетъ кормъ скоту, а это позволить усилить удобреніе, котораго не хватаетъ: по земскимъ даннымъ изъ разныхъ губерній удобреніе навозомъ у крестьянъ составляетъ  $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$  нормы (отъ  $1\frac{1}{2}$ —3 головъ скота вмѣсто 6 на паровую десятину), падая мѣстами ниже. Наприм., въ нижегородской губ. на десятину приходится отъ 3,87 до 10,46 возовъ навоза: это называется пачкать поле, а не удобрять! Недостатокъ кормовъ крестьяне стараются возмѣстить, арендуя или убирая съ части покосы; но выродившіеся пустошные, кустарные, суходольные луга даютъ жалкіе укусы; приходится возмѣщать качество количествомъ, захватывать побольше мѣста, затрачивать массу работы и времени съ плохими результатами.

Травосѣяніе сосредоточитъ массу корма на небольшой площади: напр., въ вятской губерніи средніе урожаи клевера на крестьянскихъ земляхъ 200—277 пудовъ на десятину, т. е. въ 4—5 разъ больше, чѣмъ урожай сѣна на пустошныхъ лугахъ. При этомъ качество пустошнаго сѣна, по меньшей мѣрѣ, вдвое ниже клевернаго.

Итакъ, вотъ первое и понятное всякому значеніе травосѣянія: получать больше корма съ меньшей затратой труда. Оно уже сказывается; вотъ примѣръ изъ московской губ.: крестьяне деревни Давыдовой до введенія травосѣянія держали 66 головъ крупнаго скота, прикуная сѣна ежегодно на 450 руб.; первый-же укосъ клевера далъ имъ количество корма, котораго хва-

тило на весь годъ, и на зиму они могли пустить уже 92 штуки скота. Расходы по посѣву клевера окупились укусомъ перваго года.

Но этимъ далеко не исчерпывается значеніе травосѣянія. Растенія семейства бобовыхъ, къ которымъ относятся наши важнѣйшія кормовыя травы: клеверъ, люцерна, эспарцетъ, вика, люпины и др.—не въ примѣръ прочимъ растеніямъ обходятся безъ азотистого удобренія. Они сами обогащаютъ, удобряютъ почву азотомъ, черпая его изъ атмосферы, съ помощью нѣкоторыхъ почвенныхъ бактерій («бациллъ корнежилъ»). Бактеріи вѣдряются въ корни бобовыхъ, образуя на нихъ, такъ называемые, «клубеньки»; размножаются въ этихъ клубенькахъ со свойственною микробамъ энергіей и быстротой, а въ видѣ уплаты за квартиру снабжаютъ растеніе азотомъ, добывая его изъ неисчерпаемаго атмосфернаго океана. Часть этого азота остается въ почвѣ, въ корняхъ, корневищахъ, дерновыхъ остаткахъ и, такимъ образомъ, несмотря на ежегодное скашивание клевера (или люпиновъ, вики, люцерны и пр.), почва изъ года въ годъ обогащается азотомъ. Запустить поле подъ клеверъ на 3—4 гг.—значитъ удобрить его азотомъ. Если оно было истощено въ отношеніи этого элемента, то, пробывъ нѣсколько лѣтъ подъ клеверомъ, накопить запасъ азота, котораго хватить на два, на три и болѣе урожая хлѣбовъ. Поле, вышедшее изъ-подъ клевера, обогащенное азотомъ (и перегноемъ въ видѣ корневыхъ и дерновыхъ остатковъ), придется удобрить только фосфоритомъ или томасовымъ шлакомъ, чтобы получить хорошій урожай хлѣба.

Такимъ образомъ, благодаря исключительной способности бобовыхъ растеній обогащать почву азотомъ, можно довести до минимума расходы, которыхъ требуетъ подъемъ урожая въ на выболтаныхъ старопахатныхъ земляхъ. Не имѣя средствъ на дорогія удобренія вродѣ селитры, гуано, амміака, на глубокую обработку и разрыхленіе почвы посредствомъ паровыхъ плуговъ, дисковыхъ боронъ и т. п., на созданіе продуктивнаго скотоводства, прибѣгнемъ къ помощи бактерій, превративъ часть пашни въ клеверный лугъ на 3—4—5 лѣтъ. Расходы по посѣву клевера съ лихвой возмѣстятся кормомъ, а обогащеніе почвы азотомъ и перегноемъ представитъ уже чистый плюсъ, даровую прибавку, магарычъ.

Поле, вышедшее изъ-подъ клевера, потребуетъ только фосфорнокислаго удобренія, т. е. минимальныхъ издержекъ по удо-



бренію втеченіе, по крайней мѣрѣ, одного полного оборота хлѣбовъ.

Наконецъ, весь имѣющійся навозъ, который раньше, при классическомъ трехпольи, распредѣлялся на  $\frac{1}{3}$  всей пахатной земли, теперь сосредоточится на гораздо меньшемъ пространствѣ: на  $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{8}$  всей площади, отчего, понятно, урожаи повысятся, что и замѣчается уже на дѣлѣ, напримѣръ, въ московской губерніи \*).

Съ теченіемъ времени придется увеличить затраты на удобрение: гипсовать клеверъ и къ фосфорнокислому удобрению прибавить калийное (потому что почвы истощатся въ отношеніи кали). Но этимъ затратамъ — относительно, все-таки, небольшимъ—будетъ предшествовать подъемъ хозяйства, который и долженъ доставить на нихъ средства.

Итакъ, вторая важная сторона многопольно-травяного сѣвооборота: подъемъ урожаевъ, безъ помощи дорогихъ орудій и удобрений, продуктивнаго скотоводства и усиленныхъ работъ,—при содѣйствіи бактерій, которыя обогатятъ землю азотомъ и перегноемъ, дадутъ возможность получать хорошій урожай съ помощью дешевыхъ фосфорно-кислыхъ удобрений, и сосредоточить весь имѣющійся навозъ на небольшой части поля.

При такой системѣ нельзя рассчитывать на средніе урожаи вродѣ англійскихъ (самъ 13—14), но можно ожидать, безъ всякой маниловщины (это доказано опытомъ), удвоенія нашихъ среднихъ урожаевъ: вмѣсто 3—5 зеренъ, крестьянскія поля будутъ давать 6—10.

Но это не все. Запуская часть пашни подъ клеверъ, мы этимъ самымъ уменьшаемъ площадь подъ хлѣбами, т. е. сокращаемъ полевая работы. Клеверъ не требуетъ хлопотъ, кромѣ уборки; а главныя полевая работы—подъ озимъ и яровое зна-

\*) Я не пускаюсь въ техническія детали, чтобы не утомить читателя. Вариантовъ разбираемой системы много; теперь у крестьянъ есть 6-ти, 8-ми, 9-ти-польные сѣвообороты, а окончательныхъ формъ еще не выработалось по новизнѣ дѣла. Суть одна при всѣхъ вариантахъ: поле на нѣсколько лѣтъ (2—6) запускается подъ клеверъ, а затѣмъ поступаетъ подъ хлѣба по обычному трехпольному обороту. При такой системѣ площадь пара значительно меньше, чѣмъ при трехпольи; кромѣ того, часть пара, лишь недавно вышедшая изъ-подъ клевера и еще не истощенная въ отношеніи азота и перегноя, не требуетъ навознаго удобрения, которое можно сосредоточить на участкахъ, уже истощенныхъ. Болѣе подробное изложеніе этого предмета читатель можетъ найти въ моей статьѣ «Агрономія и земледѣліе», «Научн. Обзор.» 1897 г., №№ 10—11.



чительно уменьшаются. Освобождается часть рабочей энергии, которую и можно приложить къ разработкѣ пустошныхъ земель. Эти земли, какъ уже указывалось въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, заключаютъ громадныя запасы питательныхъ веществъ, — азота и перегноя, — которые могутъ быть пущены въ оборотъ, съ малою сравнительно затратой энергіи. «Выродившіеся» луга не означаютъ истощенія земли; нѣтъ, это вырожденіе результатъ дурного физическаго состоянія почвы (ея уплотненія и накопленія въ ней органическихъ кислотъ). Эти выродившіеся луга, ненастоящіе лѣса, кустарныя заросли содержатъ громадныя запасы питательныхъ веществъ и, какъ показала практика, могутъ быть превращены въ богатыя нивы.

Тутъ произойдетъ извѣстнаго рода перемѣщеніе: вмѣсто того, чтобы собирать плохое сѣно съ выродившихся луговъ и плохой урожай съ истощенныхъ полей, мы превращаемъ часть этихъ полей въ хорошій клеверный лугъ, а выродившіеся пустошные луга — въ хорошее урожайное поле.

Та-же сумма энергіи затрачивается на большую площадь и извлекаетъ изъ нея болѣе высокіе урожаи кормовъ и хлѣбовъ. Достигается это благодаря нашимъ естественнымъ союзникамъ — микробамъ, которыхъ многопольно-травяной сѣвооборотъ привлекаетъ къ работѣ самымъ рациональнымъ способомъ. Они, эти микробы, при посредствѣ клевера обогащаютъ старопахатную землю азотомъ и перегноемъ безъ всякихъ хлопотъ съ нашей стороны, даже отчасти развязавъ намъ руки, которыя мы и приложимъ къ использованію богатствъ, уже накопленныхъ микробами-же въ пустошныхъ земляхъ.

Въ этомъ суть системы, которую я пытался изложить какъ можно популярнѣе, безъ техническихъ деталей и цифровыхъ данныхъ, такъ какъ знаю, что цифры, какъ дѣти и розги, «въ большомъ количествѣ — вещь нестерпимая».

Но кажется ясно, что эта система, выяснившаяся досконально, благодаря изслѣдованіямъ послѣднихъ лѣтъ: работамъ Гелльригеля, Бергло, Виноградскаго, — какъ нельзя болѣе подходитъ къ нашимъ условіямъ (масса пустующихъ земель, истощенныя поля, скудныя средства).

И вотъ, крестьянство, на огромной площади, отъ лисскихъ болотъ до Урала и отъ пермскихъ лѣсовъ до центрального района, переходитъ, именно, къ этой системѣ.

---

Однако, — замѣтитъ читатель, — вы начинаете цѣть рѣши-



тельно за здравіе. Мужикъ выработываетъ систему, которая подниметь вдвое урожаи, одѣнетъ пустующія нынѣ земли тучными нивами, — не слишкомъ-ли это оптимистично?

Разумѣтся, слишкомъ! Во-первыхъ, эта система, все-таки, потребуеть затратъ: ея полное дѣйствіе связано съ широкимъ примѣненіемъ фосфатовъ (фосфоритъ, костяная мука, томасовъ шлакъ), а мѣстами, вѣроятно, придется примѣнять и гипсъ или известь, и каинитъ.

Во-вторыхъ, она тѣсно связана съ лѣсопольнымъ хозяйствомъ на пустующихъ земляхъ, а эти земли почти недоступны крестьянамъ.

Въ-третьихъ, улучшенія, приносимыя этой системой, ослабляютъ, но не осиливаютъ дѣйствія общихъ экономическихъ условій, которыя неуклонно, изъ года въ годъ, подрѣзаютъ крестьянское хозяйство.

Словомъ, мужикъ намѣтилъ путь, — но совершить ли онъ этотъ путь — вопросъ. Можно однако облегчить ему работу, устранить хоть нѣкоторыя изъ препятствій, загораживающихъ ему дорогу, и, пособивъ мужику, возродить русское земледѣліе.

Но я займусь этимъ въ слѣдующей главѣ. Безъ вывода нельзя же. Конечно, никто не обратитъ вниманія на мои указанія, но вѣдь наше дѣло такое: наводить критику, которая никого не смущаетъ, указывать ошибки, которыхъ никто не исправляетъ, предлагать мѣры, которыхъ никто не принимаетъ, давать совѣты, которыхъ никто не слушаетъ, — словомъ, вопіять въ пустынь.

---

## XIV.

### Будущность нашего земледѣлія.

Взглянувъ на заголовокъ этой статьи, читатель подумаетъ, чего добраго, что я собираюсь пророчествовать. Нѣтъ, не будучи неомарксистомъ, я не обладаю пивническимъ даромъ, и завѣса грядущаго для меня закрыта. Кто хочетъ знать будущія судьбы Россіи, тому слѣдуетъ обратиться къ новѣйшимъ оракуламъ нашей публицистики: гг. Струве и Тугану. У нихъ составленъ отрывной календарь русской исторіи на тысячу лѣтъ впередъ; имъ и книги въ руки.

Я-же хочу только поговорить о *возможной* будущности нашего земледѣлія,—той будущности, которая могла-бы осуществиться при измѣненіи условій, подрѣзывающихъ нынѣшнее хозяйство.

Въ видахъ ясности изложенія, позвольте иллюстрировать этотъ возможный «нормальный» (считая нынѣшнія условія ненормальными) ходъ развитія русскаго земледѣлія частнымъ примѣромъ.

Мѣстность, въ которой находится мое имѣніе (Лужскій уѣздъ, петерб. губ.), представляетъ, какъ мнѣ кажется, примѣръ такого нормальнаго развитія\*).

Здѣсь крестьяне пользуются относительнымъ благосостояніемъ. О, весьма относительнымъ благосостояніемъ, при которомъ дѣти мрутъ какъ мухи и сильная убыль населенія возмѣщается только его изумительной плодовитостью. Въ неурожайные годы и здѣсь практикуется «недоѣданіе», и не рѣдкость встрѣтить людей, изведшихся отъ невольнаго поста. Словомъ, до курицы въ супѣ далеко...

---

\*) Я говорю о деревняхъ, сосѣднихъ съ моимъ имѣніемъ, а не обо всемъ уѣздѣ.




 041935341  
 20250110033

Но хозяйство идетъ исправно; земельного пролетаріата не образуется; безлошадныхъ нѣтъ; крестьяне арендуютъ и покупаютъ землю у частныхъ владѣльцевъ; есть богатые и бѣдные, сильные и захудалые; однако бѣднѣйшій крестьянинъ въ сосѣдней съ моимъ имѣніемъ деревнѣ, обремененный цѣлой оравой неимовѣрно живучихъ ребятишекъ, имѣетъ лошадь и ведетъ свое хозяйство.

Причина этого исправнаго состоянія хозяйствъ — близость Петербурга, куда большинство крестьянъ уходитъ зимой на заработки, а лѣтомъ возвращается. Въ тяжкія времена уходятъ и на годъ, и на два, бросивъ хозяйство на бабу, но, видно, не особенно сладка трактирная цивилизація, — всѣ возвращаются обратно. Словомъ, за землю держатся крѣпко и цѣпко, съ чисто-мужицкимъ, желѣзнымъ, несокрушимымъ упорствомъ.

Что касается частнаго хозяйства, то ему въ нашей мѣстности — крышка! Хозяйство — настоящее, не любительское, доходное — здѣсь не развивается, да и развиваться не можетъ. У насъ какіе хозяева: важный чиновникъ, разводящій агрономію на счетъ большого оклада; богатый коммерсантъ, ухлопывающій на сельскохозяйственные затѣи тысячъ десятокъ ежегодно; литераторъ, затыкающій хозяйственные дыры фельетонами и переводами; торгашъ, наживающій деньгу операціями. про которыя говорится: «наши дѣла, какъ сажа бѣла» и т. д., и т. д. Но такихъ, чтобы съ хозяйства доходъ получали и жить могли, — такихъ, кажется, вовсе не осталось.

Въ результатѣ землевладѣніе уступаетъ мѣсто земледѣлію, крестьянское хозяйство вытѣсняетъ помѣщичью агрономію, мужикъ силу беретъ, частный владѣлецъ сокращается. Тоція коровы сѣдаютъ тучныхъ.

Земли переходятъ въ крестьянскія руки при помощи крестьянскаго и частныхъ банковъ. За 4 года, что я здѣсь живу, тысячи двѣ десятины перешло отъ частныхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ ближайшихъ, смежныхъ съ моимъ имѣніемъ деревень. Покупаютъ небольшими участками отдѣльные «хозяйственные мужички»; покупаютъ товариществами; покупаютъ цѣлыми обществами.

Причины, подрывающія частное хозяйство, тѣ-же, что и вездѣ: паденіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, начавшееся съ зерновыхъ хлѣбовъ и сказавшееся уже на сѣнѣ, молокѣ, маслѣ; дороговизна орудій, минеральныхъ удобреній и всякаго покупнаго товара — результатъ покровительственныхъ пошлинъ; отсутствіе рабочихъ. Не дороговизна рабочихъ

рукъ, а именно, отсутствіе. Ихъ нѣтъ, ни дорогихъ, видѣнныхъ выхъ, потому что мужикъ нейдетъ къ помѣщику, а предпочитаетъ работать на своей землѣ: надѣльной, купленной и арендованной.

Немногочисленный рабочій персоналъ, которымъ могутъ пользоваться помѣщики, состоитъ изъ своего рода отбросовъ деревни. Придурковатый малый, не способный къ самостоятельному дѣлу, лѣнтяй и бездѣльникъ, готовый на воровство, лишь-бы не работать, и работающій поневолѣ; бродяга по натурѣ, своего рода философъ, не желающій думать, хлопотать, пещься о завтрашнемъ днѣ, а предпочитающій жить безъ заботъ, «день да ночь—сутки прочь»; наконецъ, случайно опустившійся человекъ, напримѣръ, страдающій запоемъ (это лучший!) — вотъ съ какой публикой приходится имѣть дѣло хозяину. Но и она такъ малочисленна, что на всѣхъ не хватаетъ.

Та-же причина, отсутствіе рабочихъ, въ большей или меньшей степени дѣйствуетъ по всей Россіи; это видно уже изъ того, что въ дебатахъ по вопросу о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ предлагаются карательныя мѣры не только противъ рабочихъ, но и противъ помѣщиковъ, сманивающихъ батрака у сосѣда. При достаточномъ числѣ рабочихъ рукъ не стали-бы сманивать.

И на мужикѣ отзываются тяжкія условія хозяйства, но онъ выноситъ ихъ стойче помѣщика. Рабочаго вопроса для него не существуетъ; потребности свои онъ, въ случаѣ надобности, сокращаетъ до невѣроятнаго минимума; дороговизна покупнаго товара—кромѣ орудій и удобреній — ему не такъ важна; обойдется и безъ него; вопросы, мучительные для насъ, у него отсутствуютъ: мы, напримѣръ, изъ кожи лѣземъ, чтобы воспитать и образовать дѣтей, а у мужика не то, что воспитаніе и образованіе,—самое существованіе дѣтей не составляетъ вопроса: «Богъ даль—Богъ и взялъ...».

Такимъ образомъ кризисъ сельскаго хозяйства относительно меньше подрѣзаетъ мужика, чѣмъ помѣщика; скажу болѣе, даетъ ему относительный перевѣсъ и при мало-мальски благоприятныхъ условіяхъ — въ нашей мѣстности, напримѣръ, — обезпечиваетъ за нимъ побѣду.

\* \* \*

Какъ и вездѣ, хозяева хватаются у насъ за разныя панцеи. Въ послѣдніе годы начали сады разводить. Кстати,


 041935940  
 7.02.2009 09:33

это нынче модный рецепт, почему я остановлюсь на немъ подробнѣе. О немъ толкують и въ общей прессѣ: въ «Новомъ Времени», напримѣръ, г. Ромеръ выступаетъ рьянымъ защитникомъ формулы: «спасеніе хозяевъ въ плодоводствѣ». Азартъ, которымъ отличаются статьи этого автора, вѣроятно, придаетъ имъ большую убѣдительность въ глазахъ читателей. Г. Ромеръ всегда бѣлымъ ключемъ кипитъ, и пишетъ яростно даже о такомъ вопросѣ, какъ разведеніе крымскихъ ренетовъ въ калужской губерніи, — тема, которую можно бы, кажется, трактовать хладнокровно. Въ ярости своей г. Ромеръ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто забываетъ о фактахъ и беретъ лишь вдохновеніемъ. Такова, напримѣръ, его проповѣдь разведенія тонкихъ сортовъ яблокъ и грушъ въ средне-русскихъ губерніяхъ. Это собственно Грелль выдумалъ «акклиматизировать» подъ Москвой деликатные южные фрукты. Только ничего изъ этого не вышло: деликатные фрукты не выносятъ нашего не-деликатнаго климата и преисправно вымерзаютъ въ средне-русскихъ губерніяхъ. Такъ было при Греллѣ, такъ будетъ и при г. Ромерѣ, хотя онъ и беретъ подъ свою защиту нашъ климатъ. Изволите видѣть: по актинометрическимъ измѣреніямъ оказывается, что сумма солнечной теплоты лѣтомъ въ московской губерніи не меньше, чѣмъ въ Ліонѣ. Отсюда выводъ: разводите подъ Москвой ліонскіе фрукты. При этомъ упущена изъ виду маленькая особенность нашего климата: кромѣ жаркаго лѣта, у насъ имѣется зима, не ліонская, а чисто-русская, съ морозами, отъ которыхъ не то что бревна — камни трескаются. Она-то и губитъ ліонскія растенія, если ихъ развести подъ Москву.

Странная забывчивость г. Ромера напоминаетъ разговоръ съ бродягой въ «Мертвомъ Домѣ» Достоевскаго: Гдѣ-жь ты жилъ? — «Въ лѣсу». — «А зимой!» — «Зимы не видалъ!» Такъ-то и г. Ромеръ: живетъ въ саду подъ сѣнью «драгоценныхъ бере», а зимы не видитъ.

Конечно, и эта новая панацея не вывезетъ нашихъ хозяевъ. Въ послѣднія десятилѣтія число садовъ значительно увеличивается, и результатъ — паденіе цѣнъ на плоды — уже сказывается. А надо помнить, что и здѣсь, какъ въ другихъ отрасляхъ нашего хозяйства (кромѣ хлѣбовъ и льна), мы ограничены внутреннимъ рынкомъ. Для заграничнаго рынка требуются продукты *плодоводства*, котораго у насъ нѣтъ. До такой степени нѣтъ, что наши питомники, торгующіе фруктовыми деревьями, выписываютъ черенки антоновки, боровинки... изъ





Германіи! И вотъ вамъ—«русскій огородецъ, питомникъ довый садъ»! Нѣтъ выработанныхъ, опредѣленныхъ, типичныхъ сортовъ—первое условіе для заграничной торговли. А между тѣмъ наше садоводство за послѣдніе годы развивалось, но только количественно, а не качественно. Оно расширилось вдвое, быть можетъ втрое, но дѣло велось и ведется «кое-какъ». Съ западной точки зрѣнія это не плодоводство. На Западѣ деревья *разводятъ*, у насъ они *растутъ*, какъ Богъ на душу положить. Также и въ другихъ спеціальныхъ отрасляхъ. Продукты нашего птицеводства даже за границу нашли сбытъ, но гдѣ-же само птицеводство? Птицеводство, которое характеризуется *отсутствіемъ* породъ и типовъ, *отсутствіемъ* сознательнаго подбора, *отсутствіемъ* птичниковъ и какихъ-бы то ни было приспособленій,—нельзя назвать этимъ именемъ. У насъ нѣтъ разведенія домашней птицы, она сама водится «при хозяйствѣ», какъ воробьи по застрѣхамъ, или дѣти въ крестьянскомъ быту.

Ничего другого и ждать нельзя. Наши агрономы часто указываютъ на образцовую постановку садоводства, птицеводства, молочнаго дѣла и т. д. на Западѣ и на громадныя доходы, получаемыя, благодаря этой образцовой постановкѣ. При этомъ забываютъ, что рациональныя и доходныя «водства» сами явились результатомъ цвѣтущаго состоянія основныхъ отраслей хозяйства: полеводства, луговодства, скотоводства; результатомъ богатства и доходности хозяйствъ. Было бы ошибкой думать, что кризисъ на Западѣ вызвалъ *упадокъ* хозяйства. Наоборотъ, западное хозяйство послѣднихъ десятилѣтій отличается безпримѣрными успѣхами въ основныхъ отрасляхъ. Растутъ урожаи хлѣбовъ, растутъ урожаи травъ и кормовыхъ растений, улучшаются луга, развивается продуктивное скотоводство. Этотъ основной фондъ хозяйства даетъ средства на рациональную постановку спеціальныхъ отраслей, требующую огромныхъ затратъ труда и денегъ.

У насъ основныя отрасли хозяйства падаютъ (вспомнимъ лошадей «недоростковъ» и коровъ «горемычекъ»), основного фонда нѣтъ; откуда-жъ возьмутся средства на спеціальныя отрасли? Ихъ нѣтъ ни у государства, ни у частныхъ лицъ. Присматривая отчеты министерства земледѣлія, мы видимъ, съ какимъ вниманіемъ оно относится ко всемъ отраслямъ хозяйства страны, не исключая сибирскаго мараловодства или посѣвовъ мяты англійской перечной улучшенной «санъ-парейль»... Но что подѣлаешь на скудныя средства? Какіе-нибудь три-четыре


 961935920  
 0000000000

милліона на хозяйство страны, на полеводство и скотоводство, на спеціальныя культуры, сады и огороды, на школы, станціи и фермы, словомъ, на все, про все, «и на сахаръ, и на чай, и на всякій приключай!» Гдѣ же тутъ — возвращаясь къ плодоводству—завести армію ученыхъ садовниковъ, создать сѣтъ по-районныхъ садовыхъ опытныхъ станцій, сѣтъ низшихъ школъ, средніе и высшіе садовые институты? «На мѣдныя деньги» даже хорошаго курятника не выстроишь!

Также и хозяинъ—средній, массовый хозяинъ—терпя лишь убытки отъ основныхъ отраслей хозяйства, не имѣетъ средствъ на рациональную постановку дѣла, а ведетъ его кое-какъ: кое-какъ копаютъ ямы, кое-какъ сажаютъ какіе-то сорта, кое-какъ удобряютъ, а въ отношеніи разныхъ невзгодъ—вредныхъ насѣкомыхъ, напр., противъ которыхъ нѣмецъ выступаетъ съ цѣлой лабораторіей инсектисидовъ и цѣлымъ арсеналомъ приспособленій — возлагаетъ все надежды «vis medicatrix naturae». Выживетъ дерево—ладно; а нѣтъ,— гдѣ наше не пропадало!

\* \*

Вернусь къ темѣ. Итакъ, и у насъ, какъ вездѣ, хозяева цѣпляются за разныя панацеи, и, какъ вездѣ, эти панацеи оказываются безсильными палліативами. Тѣмъ не менѣе, я назвалъ наше положеніе вещей *нормальнымъ* и думаю, что, будь оно типичнымъ для всей Россіи, можно-бы было съ нѣкоторымъ оптимизмомъ смотрѣть на будущее русскаго земледѣлія.

Въ цѣломъ хозяйство мѣстности не падаетъ, а развивается. Крестьяне покупаютъ землю, и покупаютъ исключительно пустоши, некультурные или полукультурные участки, одѣтые дряннымъ лѣсомъ (осиной, потому-что березу и ель продавецъ сбываетъ на дрова и стройку передъ продажей участка крестьянамъ), кустарникомъ, плохими покосами. Усадьба съ прилегающей площадью культурной земли остается за продавцомъ и переходитъ изъ рукъ въ руки, отъ одного охотника побаловаться хозяйствомъ къ другому.

У крестьянъ некультурная площадь живо превращается въ культурную. На мѣсто прежняго хлама являются рожь, овесъ, ячмень, клеверъ, ленъ. Я живу здѣсь всего четыре года, и за это время мѣстность значительно измѣнилась: гдѣ прежде на 5 на 6 верстъ тянулся гнуснѣйшій осиннякъ, заваленный сучьями, макушами и валежникомъ,—тамъ теперь то и дѣло встрѣчаешь расчищенные, культурные оазисы: это «мужичокъ» орудоваль.

Возрастаетъ примѣненіе минеральныхъ туковъ: нынче, напр.,



болѣе 2,000 пудовъ костяной муки разошлось въ 2—3 соед-  
 нихъ деревняхъ.

Умножаются посѣвы клевера; пока еще на «шматочкахъ»  
 —каждый хозяинъ отдѣльно.

Безъ сомнѣнія, современемъ выработается система, уже вы-  
 рабатывающаяся въ разныхъ пунктахъ Россіи: часть старопа-  
 хатной земли превращается въ клеверный лугъ, навозъ сосредо-  
 точивается на меньшей площади пара, новыя земли разрабаты-  
 ваются съ помощью минеральныхъ удобрений.

Развѣ это ненормальное положеніе, если отрѣшиться отъ лич-  
 ной или узко-сословной точки зрѣнія? Мѣстное земледѣліе раз-  
 вивается и прогрессируетъ на глазахъ, — чего-жъ лучше?

Къ несчастью, это явленіе не типично для Россіи: напро-  
 тивъ, по даннымъ статистики, крестьянское хозяйство въ боль-  
 шинствѣ мѣстностей глубоко разстроено, скотъ и лошади вы-  
 рождаются, образовался уже тридцатимилліонный персоналъ  
 «безлошадныхъ», не хозяевъ и не батраковъ, не нищихъ и не  
 богатыхъ, не живыхъ и не мертвыхъ, не сытыхъ и не голод-  
 ныхъ; полубатраковъ, полуничихъ, полуживыхъ, полусытыхъ.

А кому польза?—частное хозяйство и тамъ падаетъ. И тамъ  
 встрѣчаешь запущенныя имѣнія съ тощими нивами, чахлыми  
 лугами, покосившимися постройками, съ печатью полного без-  
 надежнаго опустошенія, словно тутъ саранча сидѣла или экспертъ  
 Погибоко филоксеру изводилъ!

Государство не въ силахъ устранить условія кризиса: па-  
 деніе цѣнъ, отсутствіе рабочихъ, отсутствіе капиталовъ. Оно мо-  
 жетъ удешевить продукты промышленности отмѣной пошлины,  
 но одно это облегченіе, безъ устраненія сейчасъ перечисленныхъ  
 условій, не вывезетъ частное хозяйство. А мужику — какъ видно  
 изъ примѣра описанной мною мѣстности—нужно гораздо меньшее  
 облегченіе, чтобы управиться съ кризисомъ. Капиталь у него—  
 руки, работникъ онъ самъ.

При малѣйшемъ облегченіи онъ и кризисомъ воспользуется,  
 покупая земли, который частный владѣлецъ принужденъ сбы-  
 вать съ рукъ за бездоходностью.

Государство въ силахъ дать это облегченіе: отмѣнить по-  
 шлины на желѣзо, чугуны, орудія, удобрения (тѣ орудія и удо-  
 брения, въ которыхъ нуждается крестьянство: дешевые плуги,  
 бороны, вѣялки и пр., фосфорно-кислые туки); расширить дѣя-  
 тельность крестьянскаго банка; понизить процентъ, взимаемый  
 въ банкѣ, выдавать ссуду полностью.

Надо только примириться съ фактомъ: частное хозяйство

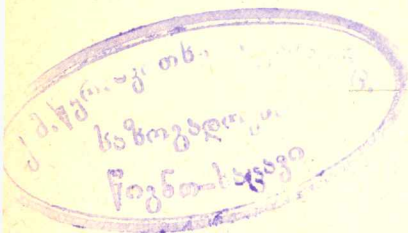


останется у насъ въ размѣрахъ, достаточныхъ для украшенія отечества агрономіей богатыхъ любителей; но настоящее, подлинное хозяйство, подъемъ русскаго земледѣлія, непосильный для насъ, надо свалить на всевыносящій мужицкій хребетъ. А для этого облегчить ему борьбу съ кризисомъ, который въ такомъ случаѣ не будетъ, какъ теперь, убивать и мужика, и помѣщика, а только переимѣнить роли, предоставить работу надъ подъемомъ хозяйства страны тому, кто въ силахъ ее исполнить.

Безъ сомнѣнія и этимъ скромнымъ пожеланіямъ суждено сохранить характеръ платоническій и безнадежный. Поэтому я не стану дальше вдаваться въ область рецептовъ, мѣропріятій и плановъ.

Моей задачей было дать очеркъ существующаго положенія. Резюмирую вкратцѣ все вышеизложенное. Наше земледѣліе, если смотрѣть на него съ высоты птичьяго полета, — блещетъ всѣми цвѣтами европейскихъ преуспѣяній, но при ближайшемъ разсмотрѣніи эти цвѣты оказываются елочными украшеніями на подрубленномъ, засыхающемъ деревѣ (гл. 2 и 3). Подъемъ земледѣлія на европейскій, капиталистическій ладъ, путемъ «интенсивизаціи» хозяйства, развитія «grande culture» у насъ невозможенъ (гл. 5 и 6). Только мужикъ могъ-бы его вывезти: у него и способность «приспособленія» безпримѣрная (гл. 4), и упорство желѣзное (гл. 10), и творческой силы довольно для этого дѣла (гл. 8, 11, 13).

Въ своемъ изложеніи я руководился фактами настоящаго, уроками прошлаго и по нимъ судилъ о будущемъ (напр. въ главѣ объ интенсификаціи хозяйства), а не наоборотъ, — не отменялъ настоящаго на основаніи «видѣній Петра Бернардовича», возвѣщаемыхъ «Михаиломъ Ивановичемъ».



# НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НАРОДА

В. ЛУНКЕВИЧА.

Издание Ф. Павленкова.

1. Земля. Съ 13 рис. Ц. 8 к.
2. Небо и звѣзды. Съ 18 рис. Ц. 8 к.
3. Громъ и молнія. Съ 24 рис. Ц. 12 к.
4. Жизнь въ капль воды. Съ 14 рис. Ц. 8 к.
5. Невидимые друзья и враги людей. Съ 28 рис. Ц. 16 к.
6. Зеленое царство. Съ 32 рис. Ц. 16 к.
7. Бичи земли и чудеса природы.
8. Землетрясенія и огнедышщія горы.
9. Два великихъ царства природы. Съ 93 рис. Ц. 25 к.
10. Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ. Съ 37 рис. Ц. 20 к.
11. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Съ 33 р. Ц. 16 к.
12. Жилища и постройки животныхъ.
13. Семейная жизнь животныхъ. Съ 28 рис.
14. Общество животныхъ.
15. Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата. (Жизнь муравьевъ). Съ 12 рис. Ц. 15 к.
16. Обезьяны. Съ 16 рис. Ц. 15 к.
17. Пчелы, осы и термиты.
18. Вода.
19. Подводное царство.
20. Воздухъ.
21. Степь и пустыня.
22. Тайга и тундра.
23. Среди снѣговъ и вѣчнаго льда.
24. Хищники.
25. Четвероногіе слуги человѣка.
26. Враги и друзья человѣка.
27. Животныя кровопійцы и дармоѣды.
28. Растенія-дармоѣды и растенія-хищники.
29. Откуда взялись наши домашнія животныя и растенія.
30. Законъ жизни среди животныхъ и растеній.
31. Исторія происхожденія растеній и животныхъ.
32. Подземное царство.
33. Исторія земли.
34. Каменный уголь.
35. Нефть.
36. Соль.
37. Сокровища горъ.
38. Чудеса науки.
39. Чудеса техники.
40. Чудеса общежитія.



# „ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ библиотеки войдетъ около 200 биографій замѣчательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ биографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ приложены, кромѣ того, карты, снимки съ картинъ и ноты.

До 1 января 1899 г. вышли отдѣльными книжками 185 биографій слѣдующихъ лицъ:

**I. Представители религіи и церкви:** Будда (Сакіа-Муни), Григорій VII, Гусъ, Кальвинъ, Конфуцій, Лойола, Лютеръ, Магометь, Савонарола, Торквемада, Францискъ Ассизскій, Цвингли.—Протопопъ Аввакумъ, патріархъ Никонъ.

**II. Государственные люди и народные герои:** Александръ Македонскій и Юлій Цезарь (двѣ биографіи въ одной книжкѣ), Бисмаркъ, Вашингтонъ, Гарибальди, Гракхи, Демосеенъ и Цицеронъ (двѣ биографіи въ одной книжкѣ), Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томасъ Моръ, Ричелье.—Воронцовы, Дашкова, Иоаннъ Грозный, Канкринъ, Меншиковъ, Петръ Великій, Потемкинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Богданъ Хмельницкій.

**III. Ученые:** Беккарія и Бентамъ, Бокль, Галилей, Гарвей, А. Гумбольдтъ, Даламберъ, Дарвинъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Кетле, Кондорсе, Коперникъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ и Эйлеръ, Ласкаль, Линней, Ляйбелъ, Мальтусъ, Милль, Монтескье, Ньютонъ, Паскаль, Пастеръ, Прудонъ, Адамъ Смитъ, Парадей.—К. Бэръ, Боткинъ, Ковалевская, Лобачевскій, Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве.

**IV. Философы:** Аристотель, Бэконъ, Дж. Бруно, Гегель, Декартъ, Кантъ, Огюстъ Контъ, Лейбницъ, Локкъ, Платонъ, Сенека, Сократъ, Спиноза, Шопенгауэръ, Юмъ.

**V. Филантропы и дѣятели по народному просвѣщенію:** Говардъ, Оуэнь, Песталоцци, Франклинъ.—Каразинъ (основатель хар. университета), баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій.

**VI. Путешественники:** Колумбъ, Линннгстонъ, Стэнли.—Пржевальскій.

**VII. Изобрѣтатели и люди широкаго почина:** Гутенбергъ, Дагеръ и Нипсъ (изобрѣтатели фотографіи), Лессенсъ, Ротшильды, Стефенсонъ и Фультонъ (изобрѣт. жел. дорогъ и пароходовъ), Уаттъ, Эдиссонъ и Морзе.—Демидовы.

**VIII. Писатели русскіе и иностранные.**  
**Иностранные писатели:** Андерсенъ, Байронъ, Бальзакъ, Берне, Беранже, Боккачіо, Бомарше, Вольтеръ, Гейне, Гете, Гюго, Данте, Дефо, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Карлейль, Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Ренанъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шекспиръ, Шиллеръ, Джоржъ Эліотъ.

**Русскіе писатели:** Аксаковы, Бѣлинскій, Герценъ, Гоголь, Гончаровъ, Грибодовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковский, Кантемиръ, Карамзинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Никитинъ, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щедринъ), Сенковский (баронъ Брамбеусъ), Левъ Толстой, Тургеневъ, Фонвизинъ, Шевченко.

**IX. Художники:** Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ.—Ивановъ, Крамской, Перовъ, Федотовъ.

**X. Музыканты и актеры:** Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гаррикъ, Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ.—Волковъ (основатель русск. театра), Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Щепкинъ.

Цѣна каждой книжки 25 к. Биографіи продаются во всѣхъ книж. магазинахъ.

Приготовляются къ печати биографіи слѣдующихъ лицъ:

Вирхова, Екатерины II, Макиавелли, Меттерниха, Наполеона I, Некрасова, Островскаго и др.